

ВЕСТНИК
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА ПРОСВЕЩЕНИЯ

ISSN 2949-5156 (print)

2024 / № 3

ISSN 2949-5164 (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: История и политические науки

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и политологии: 5.6.1. — Отечественная история (исторические науки); 5.6.2. — Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки); 5.6.5. — Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки); 5.5.4. — Международные отношения (политические науки)

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Politology: 5.6.1. — Domestic history (historical sciences); 5.6.2. — Global history (historical sciences); 5.6.5. — Historiography, source-study and methods of historical research (historical sciences); 5.5.4. — International relations (political sciences).

ISSN 2949-5156 (print)

2024 / № 3

ISSN 2949-5164 (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN
OF FEDERAL STATE UNIVERSITY
OF EDUCATION

Учредитель журнала
«Вестник Государственного университета просвещения»
Серия: История и политические науки»

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Багдасарян В. Э. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения

Заместитель главного редактора:

Волобуев О. В. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения

Ответственный секретарь:

Федорченко С. Н. — д-р полит. наук, доц., Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Воронин С. А. — д-р ист. наук, проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В. В. — д-р полит. наук, канд. юрид. наук, проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа);

Гонзалез Дж. — доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Ершов В. Ф. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Журавлев В. В. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения;

Захаров В. Н. — д-р ист. наук, проф., Институт российской истории Российской академии наук;

Каширина Т. В. — д-р ист. наук, доц., Дипломатическая академия Министерства иностранных дел России (г. Москва);

Ковалев В. А. — д-р полит. наук, проф., Сыктывкарский государственный университет;

Михайловский Ф. А. — д-р ист. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Наталици М. — д-р ист. наук, проф., Университет Сиена (Италия);

Панкратов С. А. — д-р полит. наук, проф., Волгоградский государственный университет;

Саква Р. — доктор наук, профессор, Университет Кент (Соединённое королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Смоленский Н. И. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения (научный руководитель журнала);

Сулакшин С. С. — д-р полит. наук, д-р физ.-мат. наук, проф., Центр научной политической мысли и идеологии;

Феофанов К. А. — д-р полит. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Фукс А. Н. — д-р ист. наук, проф., Государственный университет просвещения

Штоль В. В. — д-р полит. наук, проф., Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ) (г. Москва)

ISSN 2949-5156 (print)
ISSN 2949-5164 (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» — печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных учёных по историографии, источниковедению, истории России, всеобщей истории и политологии.

Журнал адресован российским и зарубежным историкам и политологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями исторической и политической науки.

Журнал «Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73347.

**Индекс серии «История и политические науки»
по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40712**

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru), а также на сайте журнала (www.istpolitmgou.ru).

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Государственного университета просвещения» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 3. 186 с.

© Государственный университет просвещения, 2024.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д.10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайты: www.istpolitmgou.ru; www.journals-gup.ru

**Founder of journal «Bulletin of Federal State University of Education.
Series: History and Political Sciences»
Federal State University of Education**

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-Chief:

V. E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education

Deputy Editor-in-Chief:

O. V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education

Executive secretary:

S. N. Fedorchenko – Doctor in Politology, Assoc. Prof., Federal State University of Education

Members of Editorial Board:

S. A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Prof., Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V. V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Prof., Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V. F. Ershov – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education;

V. V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education;

V. N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Prof., Institute of Russian History, RAS;

T. V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Assoc. Prof., Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V. A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Prof., Syktyvkar State University;

F. A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Prof., Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Ph.D., Prof., University of Siena (Italy);

S. A. Pankratov – Doctor of Political Science, Prof., Volgograd State University;

R. Sakwa – Ph.D., Prof., University of Kent, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

N. I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education (Scientific Consultant of Bulletin)

S. S. Sulakshin – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Prof., Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

K. A. Feofanov – Doctor of Political Sciences, Prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow);

A. N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Prof., Federal State University of Education

V. V. Stol' – The Institute of CIS countries (Institute of Diaspora and integration) (Moscow)

ISSN 2949-5156 (print)

ISSN 2949-5164 (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin of Federal State University of Education, series: History and Political Sciences" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scholars on historiography, source study, the history of Russia, world history and political science.

The journal is aimed at Russian and foreign historians and political scientists, doctoral students, postgraduate students and everyone who is interested in the achievements of historical and political science.

The series "History and Political Sciences" of the Bulletin of Federal State University of Education is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 077-73347.

Index of the series "History and Political Sciences" according to the Union catalog «Press of Russia» – 40712

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (www.cyberleninka.ru), as well as at the site of the journal (www.istpolitmgou.ru)

At citing the reference to a particular series of "Bulletin of Federal State University of Education" is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author Manuscripts are not returned.

Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences, 2024, no. 3. 186 p.

© Federal State University of Education, 2024.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

sites: www.istpolitmgou.ru; www.journals-gup.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА:

ВЕСТЕРНОЛОГИЯ: ЗАПАД КАК ЦИВИЛИЗАЦИЯ

- Дугин А. Г.* Вестернология: в направлении суверенной русской науки 7
Багдасарян В. Э., Сильвестр, архимандрит (Лукашенко С.П.)
Исторический генезис антихристианства на современном Западе:
сатанизм западных элит как политическая реальность. 22
Фролов К. А., Коростелева А. В. Пропаганда феминизма и её последствия. 40
Резвушкина С. А., Резвушкин К. Е. Мифологемы о русских людях
в массовом западном кино XXI века. 58

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

- Бегунова Л. В.* Понятие «подушная подать» в контексте изучения
налоговой системы Российской империи XVIII – первой половины XIX вв. 77
Волгин Е. И. Проблема принятия закона о противодействии
политическому экстремизму в РФ во второй половине 1990-х гг. 89
Зайнетдинов Ш. Р. Этапы формирования российской гражданской
идентичности 102

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

- Николаева Н. А., Сафронов А. В.* Происхождение и датировка
древнейшего ядра нартского эпоса по данным лингвистики и археологии. 115
Бурангулов Э. Р. Государственная политика в сфере высшего образования
как фактор развития международных отношений Киргизской Республики. 127
Киричанов М. В. Нарративы «независимость» и «государственность»
в исторической памяти современной Каталонии 134

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

- Соколов А. С.* Генеалогия Дома Романовых после 1761 г. в отечественной
историографии XIX – начала XX вв. 145

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ/МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

- Емельянов Д. Е.* Сравнение рейтинга демократичности регионов
современной Беларуси как фактор неоднородности политического
режима 2020–2023 гг.: количественный и качественный анализы 153
Малов А. В. Политика продовольственного суверенитета
в Республике Эквадор: специфика формирования и реализации. 167
Пильщиков А. К. Вопросы содействия международному развитию
в работах российских авторов, опубликованных в 2023 г. 177

CONTENT

THEME OF THE ISSUE:

WESTERN STUDIES: THE WEST AS A CIVILIZATION

- A. Dugin.* Westernology: towards a sovereign Russian science 7
- V. Bagdasaryan, Archimandrite Sylvester (S. Lukashenko).* The historical genesis of anti-christianity in the contemporary West: Satanism of Western elites as a political reality. 22
- K. Frolov, A. Korosteleva.* Propaganda of feminism and its consequences 40
- S. Rezvushkina, K. Rezvushkin.* The mythologems of russian people in 21st century mass Western cinema 59

DOMESTIC HISTORY

- L. Begunova.* The concept of "poll tax" in the context of studying the tax system of the Russian Empire in the 18th – first half of the 19th centuries 77
- E. Volgin.* The problem of adopting a law on countering political extremism in Russian Federation in the second half of the 1990s 89
- S. Zainetdinov.* Stages of formation of Russian civil identity 102

WORLD HISTORY

- N. Nikolaeva, A. Safronov.* The origin and dating of the initial core of the nart sagas according to linguistics and archeology 115
- E. Burangulov.* State policy in the field of higher education as a factor in the development of international relations of the Kyrgyz Republic 127
- M. Kyrchanoff.* "Independence" and "statehood" narratives in the historical memory of modern Catalonia 134

HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDY AND METHODS OF HISTORICAL RESEARCH

- A. Sokolov.* Genealogy of the House of Romanov after 1761 in the Russian historiography of XIX – early XX centuries 145

POLITICAL SCIENCES/ INTERNATIONAL RELATIONS

- D. Emelyanov.* Comparison of the democratic rating of the regions of modern Belarus as a factor of heterogeneity of the political regime in 2020–2023: quantitative and qualitative analysis 154
- A. Malov.* Food sovereignty policy in the Republic of Ecuador: specifics of formation and implementation 167
- A. Pilshchikov.* Issues of promoting international development in the works of Russian authors published in 2023 177

Тема номера: ВЕСТЕРНОЛОГИЯ: ЗАПАД КАК ЦИВИЛИЗАЦИЯ WESTERN STUDIES: THE WEST AS A CIVILIZATION

Россия вновь столкнулась с исторически воспроизводимым конфликтом с коллективным Западом. Воспроизводимость этого конфликта указывает на то, что он может быть охарактеризован как цивилизационная война. Цивилизационные войны ведутся не за интересы и ресурсы, как войны экономические, и не за влияние и властные позиции элит, как войны политические. В фокусе цивилизационной войны 3 фундаментальные позиции: идентичность, ценность и само существование сообщества. Если Россия находится в состоянии цивилизационной войны, то необходимо, как минимум, знать противостоящую ей цивилизацию. Знать противника – непереносимое требование к достижению победы.

Парадоксальным образом, несмотря на более чем 300-летнее существование феномена российского западничества, Запада в России не знали. В отношении Запада сложился миф как о некоем передовом сообществе. Западный путь в российском западничестве представлялся не как цивилизационный путь Запада, а универсальная перспектива для всего человечества. Посмотреть на Запад как на одну из цивилизаций – актуальная исследовательская задача. Решению задачи исследования Запада как цивилизационного феномена, осуществление его демифологизации посвящено направление вестернология.

Понятие «вестернология» было введено в широкий научный обиход А. Г. Дугиным. Площадкой формирования методологических подходов и наполнение контента вестернологии стала возглавляемая им Высшая политическая школа имени И. А. Ильина. С разработками школы читатели могут ознакомиться в те-

матических материалах данного выпуска журнала.

Могут возразить, что Запад внутри себя очень разнообразен, и потому не следует подходить к нему с едиными шаблонами. Действительно, различия входящих в западный мир стран существуют, но они не таковы, чтобы отрицать его цивилизационную целостность. Необходимо же изучать и общее – цивилизацию Запада и спецификацию – своеобразие отдельных стран. С позиций цивилизационного конфликта это означало бы играть на противоречиях противника. Между тем специфичное всё более нивелируется, а подобность всё более усиливается. Запад политически, вероятно, впервые в истории выступил как единое целое. Все прежние различия между Западом католическим и Западом христианским, Западом капиталистическим и Западом социалистическим оказываются отброшены. Объединение Запада достигнуто через вражду к России, к Российской цивилизации. Коллективность Запада нуждается, соответственно, в объяснении, и методология вестернологии в данном случае наиболее адекватна такой задаче.

Критический анализ феномена цивилизации Запада не означает изгнания всего, что связано с ним в плане культуры или технологий. Более того, парадоксальным образом Россия сегодня защищает символы Западной культуры от их современного постмодернистского репрессинга. Но именно Запад и породил постмодерн, породил фактически антицивилизацию, первой жертвой которой он сам и оказался. Вестернология в этом смысле может быть уроком для других цивилизаций, предупреждением от ошибок и искушений.

УДК 303.01

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-7-21

ВЕСТЕРНОЛОГИЯ: В НАПРАВЛЕНИИ СУВЕРЕННОЙ РУССКОЙ НАУКИ

Дугин А. Г.*Российский государственный гуманитарный университет
125047, г. Москва, Миусская пл. д. 6, Российская Федерация***Аннотация**

Цель. Выработка методологических принципов и подходов к формированию новой обществоведческой дисциплины – вестернологии, определение предмета вестернологических исследований.

Процедура и методы. Формирование дисциплины вестернологии происходит в контексте цивилизационного подхода и определяется рассмотрением соотносительно с ним цивилизации Запада.

Результаты. Фиксируется доминирование взгляда на Запад не как одну из цивилизаций, а как на передовое сообщество, стоящее над другими. Показаны этноцентристские установки Запада, претензии западного дискурса на универсализм.

Теоретическая и/или практическая значимость. Полученные выводы создают основания проведения системной деколонизации российских общественных наук, преодоления зависимости от установок западноцентризма.

Ключевые слова: Запад, Россия, цивилизации, вестернология, деколонизация, этноцентризм, западноцентризм

WESTERNOLOGY: TOWARDS A SOVEREIGN RUSSIAN SCIENCE

A. Dugin*Russian State University for the Humanities
Miusskaya pl. 6, Moscow 125047, Russian Federation***Abstract**

Aim. To develop methodological principles and approaches for the formation of a new social science discipline – Westernology – and to define the subject of Westernology research.

Methodology. The formation of the discipline of Westernology is based on the development of the civilizational approach and is determined by the corresponding consideration of Western civilization.

Results. It is noted that the prevailing view of the West is not as one of many civilizations but as an advanced community standing above others. Ethnocentric views of the West and claims to the universality of Western discourse are identified.

Research implications. The findings provide a basis for systematically decolonizing Russian social sciences and overcoming dependence on Western-centric perspectives.

Keywords: West, Russia, civilizations, Westernology, decolonization, ethnocentrism, Western-centrism

Введение

Вестернология – это новое понятие, которое следует взять на вооружение в

ситуации эскалации конфликта между Россией и странами НАТО в ходе проведения СВО на Украине с учётом того,

что этот конфликт из чисто политического постепенно необратимо перерастает в *цивилизационный*. Политическое руководство России провозгласило страну самостоятельным «государством-цивилизацией»¹ или «Русским миром»². Такая декларация имеет колоссальные последствия для всего массива российской гуманитарной науки и образования, поскольку задаёт *новые парадигмы и в историческом самосознании российского общества*, и в отношении к западной цивилизации, и в осмыслении других западных народов и культур.

Указ Президента РФ № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» однозначно утверждает ориентацию на *мировоззренческий код России*, которым и выступают «традиционные ценности»³. По сути, они-то и составляют принципиальную семантическую решетку нового государственного и общественного мировоззрения, потребность в котором напрямую вытекает из обостряющейся конфронтации с Западом – причём, в самом широком, цивилизационном смысле.

Эта ориентация России на традицию и укрепление идентичности развернута и продолжена в Указе Президента России № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения»

ния», где напрямую утверждается, что «Россия – великая страна с многовековой историей, государство-цивилизация, сплотившее русский и многие другие народы на пространстве Евразии в единую культурно-историческую общность и внёсшее огромный вклад в общемировое развитие.

В основе самосознания российского общества лежат формировавшиеся и развивавшиеся на протяжении всей истории России традиционные духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, сохранение и защита которых являются обязательным условием гармоничного развития страны и её многонационального народа, неотъемлемой составляющей суверенитета Российской Федерации» (Раздел II, 5)⁴.

Иными словами, признание России государством-цивилизацией и постановка во главу угла государственной политики исторического просвещения и защиты традиционных ценностей заставляет *фундаментально пересмотреть* устоявшееся за последние десятилетия, а может быть и столетия, отношение к западной цивилизации и культуре.

Особый путь России: *pro et contra*

Это отсылает нас напрямую к спору XIX в. между славянофилами и западниками, а позднее продолжившим линию славянофилов русским евразийцам [19]. Славянофилы утверждали, что Россия – это как раз и есть особая самобытная восточнославянская, византийско-православная цивилизация, особый историко-культурный тип [5]. Евразийцы позднее дополнили этот подход особым акцентом, поставленным на позитивной оценке вклада других евразийских народов в богатство и самобытность этой

¹ Владимир Путин принял верительные грамоты семнадцати послов иностранных государств // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70868> (дата обращения: 20.05.2024).

² Пленарное заседание Всемирного русского народного собора // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72863> (дата обращения: 20.05.2024).

³ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // ГАРАНТ.РУ: [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/> (дата обращения: 20.05.2024).

⁴ Указ Президента России от 08 мая 2024 г. №314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» // ГАРАНТ.РУ: [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408897564/> (дата обращения: 20.05.2024).

русской цивилизации. Синонимом государства-цивилизации, или Русского мира, были понятия «Россия-Евразия» [21], или «государство-мир» [20], «государство-континент».

Такой подход оспаривали русские западники – от либералов до социал-демократов, которые настаивали на том, что *Россия есть часть западноевропейской цивилизации*, а не нечто самобытное и самостоятельное, и поэтому задача России – двигаться вслед за Западом во всех сферах: политической, культурной, научной, социальной, экономической, технологической. Русские западники полностью разделяли установки Просвещения и науки Нового времени, принимали теорию линейного прогресса и соглашались с тем, что западный путь развития является универсальным и общечеловеческим, равно как и западные ценности, которые необходимо усвоить и принять всем народам и обществам. Такой подход исключил самобытность России и, напротив, описывал её как отсталое и периферийное общество, подлежащее модернизации и вестернизации.

При этом русские западники уже в XIX в. разделились на социал-демократов и либералов. Первые считали, что будущее за социалистическим обществом, а вторые – за капиталистическим. Но и для тех, и для других *вера в универсальность западноевропейского пути развития была незыблемой аксиомой*. В традиционных ценностях и самобытной идентичности России они видели лишь препятствие для развития в западном русле.

В советскую эпоху в нашем обществе доминировала марксистская идеология, наследующая социал-демократическую и коммунистическую версию западничества. При этом ожесточённое противостояние капиталистическому миру и условия «холодной войны» после 1947 г. внесли в советскую идеологию определённый элемент, резонирующий именно с *цивилизационным подходом славянофилов и евразийцев*, хотя офи-

циально это никогда не признавалось. Сами евразийцы объективно отмечали эту трансформацию марксизма в советской России, где постепенно – особенно в период правления Сталина – произошёл возврат к имперской геополитике и отчасти к традиционным ценностям. Но с точки зрения государственной идеологии этот цивилизационный фактор не признавался, и советские вожди продолжали настаивать на *интернациональной* (а по сути, западно-универсалистской) природе социализма и коммунизма, отказываясь признавать *русское измерение «советской цивилизации»* [13]. И тем не менее в СССР сложилась *научная система критики буржуазного общества*, что позволяло установить определённую дистанцию с идеологическими кодами западной цивилизации в её либеральном издании, доминирующем в США и Европе после победы над гитлеровской Германией. Но при этом и собственный исторический путь России осмыслялся исключительно в *классовых* терминах, что до неузнаваемости *искажало* изложение отечественной истории, сводя её к западной и неработающей схеме. Но всё же некоторую дистанцию по отношению к доминировавшей на Западе идеологии либерализма советские общественные науки занимали, хотя и разделяли догматы прогресса, Просвещения и основные установки Нового времени, признавали историческую необходимость капитализма и буржуазного строя, но лишь как предпосылку для пролетарских революций и строительства социализма.

Эта дистанция была упразднена полностью в момент распада СССР и отказа от советской идеологии. На сей раз в общественной науке тотальную победу одержала *либеральная версия западничества*, которая и оставалась *de facto* базовой идеологической установкой в общественных науках Российской Федерации до настоящего времени. Это было результатом официальной политики государства с 90-х гг. XX в., когда

тезис о том, что Россия является частью западной цивилизации, причём уже не в альтернативной, социалистической, а в прямой либерально-капиталистической форме, стал *новой догмой*. Если в эпоху перестройки, основываясь на теориях конвергенции, советские вожди надеялись на то, что сближение с Западом и буржуазным лагерем сможет привести к слиянию социализма с капитализмом и к соответствующему распределению зон влияния в человечестве при снятии рисков прямой конфронтации, то после 1991 г. социализм был *отвергнут* окончательно, и Российская Федерация была основана уже на принципах буржуазной демократии и рыночной экономики. В общественных науках начался интенсивный переход к либерализму и прямому копированию западных эпистем во всех гуманитарных сферах: философии, истории, экономики, психологии и т. д. А некоторые гуманитарные науки – социология, политология, культурология и т. д. – были внедрены в 80-е и 90-е гг. XX в. уже строго по западным канонам.

Таким образом, и прямо (как при либеральном западничестве), и косвенно (при коммунистах) в общественных науках России в последние 100 лет устойчиво доминировала установка на то, что российские общество, государство и культура – это *часть западной цивилизации*, и в такой ситуации главной целью было *догнать* (либералы) или *перегнать* (коммунисты) Запад, *принимая* в целом все основные его критерии, принципы, коды и эпистемы. При этом у коммунистов определённая дистанция по отношению к «буржуазным наукам» наличествовала, а у либералов полностью *отсутствовала*.

Матрица транзитологии

В 1990-е гг. российские западники, по сути, приняли парадигму «транзитологии». Согласно такому подходу у России есть только одна цель: избавиться от остатков прошлых эпох (как советской,

так и православно-монархической) и слиться в единую глобально западнотрихную цивилизацию в её нынешнем состоянии. Этому переходу российские гуманитарии-транзитологи и были призваны всячески содействовать, критикуя все тенденции, отклоняющиеся от этого вектора, и активно способствуя модернизации (вестернизации) общественных наук.

Западные теории, концепции, критерии, ценности, методологии и практики брались за образец и по содержанию, и по форме (отсюда переход к Болонской системе, ЕГЭ в школах, проектам и компетентностному подходу в образовании). Наукометрия полностью перестроилась на западные рельсы, и степень «научности» оценивалась отныне через призму соответствия работ, исследований, текстов, образовательных программ, научных статей и монографий современным западным стандартам и индексам цитирования. Иными словами, лишь то, что соответствовало парадигме транзитологии, т. е. движению ко внедрению либеральных парадигм и критике любых форм и направлений, опознанных как илиберальные, считалось и признавалось «научным». На этом до сих пор построена система оценок в гуманитарной области.

Капкан западнотрихного универсализма

Такой подход, доминировавший в течение последних 33 лет, а с учётом советского интернационализма – целого столетия, и оказался совершенно неприемлемым в условиях ведения СВО как прямого столкновения цивилизаций – России как государства-цивилизации с цивилизацией современного глобалистского ультралиберального Запада, которую 30 сентября 2022 г. в обращении к народу России перед подписанием договоров о принятии ДНР, ЛНР, Запо-

рожской и Херсонской областей в состав России президент РФ В. В. Путин назвал «сатанинской»¹.

В частности, он сказал: «Диктатура западных элит направлена против всех обществ, в т. ч. и народов самих западных стран. Это вызов всем, такое полное отрицание человека, ниспровержение веры и традиционных ценностей, подавление свободы приобретает черты религии наоборот – откровенного сатанизма <...>».

Для них прямая угроза – наша мысль и философия, поэтому и покушаются на наших философов. Наша культура и искусство представляют для них опасность, поэтому пытаются их запретить. Наше развитие и процветание тоже для них угроза – конкуренция растёт. Им вообще не нужна Россия, она нужна нам. Хочу напомнить, что претензии на мировое господство в прошлом уже не раз разбивались о мужество и стойкость нашего народа. Россия всегда будет Россией»².

Несколько позднее на заседании Валдайского клуба в октябре 2022 г. Президент РФ заметил: «Не случайно Запад утверждает, что именно его культура и мировоззрение должны быть универсальными. Если это прямо и не говорится – хотя и прямо тоже говорят частенько, – но если прямо не говорят, то именно так себя и ведут и настаивают на том, по сути, по факту жизни, своей политикой настаивают на том, чтобы именно эти ценности были безоговорочно приняты всеми остальными участниками международного общения»³.

Этот поворот в осознании России как самобытного государства-цивилизации и отказ от признания западной культуры

и западного мировоззрения универсальными снова отсылают нас к славянофильско-евразийской парадигме, отвергнутой столетие назад, и к представлению о том, что цивилизация Запада – это *лишь один из возможных путей развития*, и что Россия должна искать *свой собственный путь* с опорой на традиционные ценности, на смыслы и основания своей истории, где осью является русский народ, вместе с братскими народами России-Евразии, создавший уникальную духовную и материальную культуру. Здесь мы и подходим к вестернологии.

Определение вестернологии

Совершенно очевидно, что цивилизационный поворот российской политики не может сохранять установку на универсальность западной цивилизации и терпеть некритичное принятие её основ и принципов. Следовательно, необходимо *радикально пересмотреть отношение к Западу в целом и, прежде всего, к его парадигмальным установкам в сфере общественных наук*. Мы не можем далее воспринимать их на веру без предварительного тщательного и критического исследования, а также без соотнесения с нашими традиционными ценностями и императивами исторического просвещения. Западная цивилизация не просто не является общечеловеческой, но в современном её состоянии она *деструктивна и токсична*, вплоть до того, что заслужила определение «сатанинской». Отсюда и вытекает потребность в вестернологии и проясняется её смысл.

Вестернология – это такая парадигмальная модель рассмотрения западной культуры и гуманитарной науки, которая заведомо отвергает претензии этой культуры и этой науки на всеобщность, на истину в последней инстанции и на нормативность тех критериев, которые в этой сфере сложились и которые Запад активно стремится навязать человечеству как нечто безальтернативное.

¹ Подписание договоров о принятии ДНР, ЛНР, Запорожской и Херсонской областей в состав России // Президент России: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/69465> (дата обращения: 20.05.2024).

² Там же.

³ Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай» // Президент России: [сайт]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69695> (дата обращения: 20.05.2024).

Отчасти это напоминает отношение советских общественных наук к буржуазным дисциплинам и теориям, которые следовало изучать и преподавать только на основании серьёзной и глубокой критики. Основой такой критики был советский марксизм, детально разработавший её критерии, методы и принципы. В отличие от советской критической модели, вестернология выдвигает к Западу более серьёзные претензии, отказываясь от признания западной цивилизации не только в её либерально-капиталистическом выражении, но и гораздо глубже – *отвергая антихристианские принципы Нового времени, а также установки и догматы западноевропейского христианства* (католицизма и протестантизма) на ещё более ранних этапах. Россия как цивилизация имеет совершенно иную основу и совершенно иной вектор развития, которые могут быть поняты и корректно описаны только в контексте парадигмы Русского мира, на основе наших традиционных ценностей и с постановкой их в центре внимания.

Этноцентризм как явление

Построение вестернологии начинается с общего замечания *о естественном этноцентризме любого общества*¹. Это общее место антропологии и социологии [25]. Это означает, что любая группа и коллектив, согласно естественной установке общества, ставит именно себя *в центр упорядоченного пространства*². Таким образом, претензия на «универсальность» себя и своих качеств, норм и принципов (включая язык, культуру, религию, кухню, наряды, ритуалы, бытовые практики и т. д.) присуща как крохотным архаическим племенам, так и великим Империям [7].

Греки считали все окружающие народы «варварскими», а самих себя «венцом творения». Эта же идея применяется в отношении евреев в Ветхом завете, и на ней основывается религия иудаизма и отчасти христианства. Евреи – это «избранный народ», а остальные народы («гоим») – люди лишь отчасти³. Китайская империя считалась центром мира, отсюда само название Китая – *Zhōngguó* (中国), «Государство в Центре»⁴. Это же свойственно и шумеро-аккадским державам Месопотамии, представлениям о всемирной власти Ахеменидов и позднее правителей Сасанидского Ирана. Отсюда же берёт своё начало идея Вечного Рима, а потом и Москвы – Третьего Рима [16; 17; 18]. То же самое мы встречаем и у совсем малых народностей [24], каждая из которых убеждена в превосходстве именно своей культуры по сравнению с любым соседним племенем.

Этноцентризм не требует обоснований, поскольку он отражает естественное стремление упорядочить окружающий мир, придать ему ориентации и устойчивые структуры, измерить его, установив базовые оппозиции – «мы/они» [25]; культура (имеется в виду «наша культура, культура нашего общества») / природа [15], земля/небо [22] и т. д.

Западная культура не является исключением. Так же, как и все остальные, она *строится на этноцентрической установке*. При этом, будучи во многих своих аспектах нюансированной и гиперкритичной, замечая и выявляя этноцентризм во всех остальных обществах и цивилизациях, *культура Запада совершенно не способна трезво признать, что её собственные претензии на «универсализм» относятся именно к явлению*. По мнению западной цивилизации, амбиции любого

¹ Benoist A. de. Quelle Europe? // Histoire Ebook: [сайт]. URL: <https://histoireebook.com/index.php?post/De-Benoist-Alain-Quelle-Europe> (дата обращения: 20.05.2024).

² Дугин А. Г. Этносоциология. М.: Академический проект, 2011. 639 с.

³ Дугин А. Г. Ноомахия. Семиты. Монотеизм Луны и гештальт Ва'ала. М.: Академический проект, 2017. 614 с.

⁴ Дугин А. Г. Ноомахия. Желтый Дракон. Цивилизации Дальнего Востока. Китай. Корея. Япония. Индокитай. М.: Академический проект, 2017. 598 с.

общества ставить себя в центре мироздания – это «наивные иллюзии», тогда как в случае самого Запада – это неопровержимая «научная истина». То есть западный этноцентризм – «*научен*», а все остальные его проявления – это всего лишь «мифы», причём часто опасные и требующие «разоблачения».

Этноцентризм Запада: ранние формы

На разных этапах западной истории этноцентризм приобретал различные формы. В архаические эпохи он был естественной чертой западноевропейских племён и народов, что отражалась в языческих верованиях и культурах. Так как в религии центральное место в мироздании отводится Богу (или богам – в политеизме), то закономерно, что священные предки европейских народов тоже считались богами. Это было характерно как для архаических греков и римлян, так и для кельтов, германцев, а также остальных народов – славян, скифов, иранцев и т. д. [11].

В классической Греции этноцентризм возвысился до уровня философии, искусства и изощёренной культуры, которая стала аргументом для новой – «рационально» обоснованной – версии. С эпохи Александра Великого в период эллинизма [6] к этому добавилось представление о Вселенском царстве, воспринятом греками от Ахеменидов [8], а затем этот имперско-культурный синтез в полной мере унаследовали римляне, особенно после Августа, т. е. в имперскую эпоху. Христианство ставило в центре бытия Церковь, наследуя одновременно и иудейский этноцентризм (перенесённый отныне на Новый Израиль, на всех христиан), и позднее – после Константина Великого – универсалистские амбиции эллинистической культуры, и учение об Империи и Катехоне, священном Царе.

Надо заметить, что вплоть до разделения христианского мира на Запад (католицизм) и Восток (православие)

структура этноцентризма была в цивилизационном круге Средиземноморья *единой и одинаковой*. Собственно, это и называлось *экуменой* – *οἰκουμένη*, Вселенной, в центре которой стояла христианская цивилизация. Ещё в византийском географическом труде Козьмы Индикоплова [14], написанном в VI в., сохраняются древние представления о том, что нормальные люди населяют только центральные (средиземноморские) ареалы, а по мере движения к окраинам *экумены* люди, там обитающие, приобретают все более и более экзотический образ, утрачивая постепенно человеческие черты. Экуменический этноцентризм – тоже этноцентризм.

Русский этноцентризм и биполярная экумена

Тут следует заметить, что до определённого момента – и конкретно для окончательного раскола Церквей, Великой схизмы 1054 г. – структура цивилизационного этноцентризма была общей и для Запада, и для только начинавшей складываться восточнославянской цивилизации. Но *решающим фактором стала приверженность русских именно Восточной церкви, православию и византизму*. И по мере расщепления некогда единого этноцентризма на два полюса – западный и восточный – Древняя Русь однозначно отождествила себя с *христианским Востоком*.

Корни русского этноцентризма – в Византии и Царьграде. Тогда как западная версия *экумены* и соответственно религиозно-политико-культурного этноцентризма сместилась в Западную Европу, где после узурпации статуса Императора Карлом Великим, по мнению западных христиан, были расположены оба главных центра – духовный (Рим, Папская область) и имперский (цепочка германских Императоров – от Каролингов, Оттонов и Штауфенов до Габсбургов). Византия же и православный Восток для Запада в

целом стали периферией, т. е. зоной, населенной «схизматиками», «еретиками», а значит, не совсем полноценными христианами, и даже не совсем людьми (как чудесные полулюди мировой окраины у Геродота или Плиния Старшего).

Именно здесь с момента расщепления экуменического этноцентризма и берёт своё начало представление о западной цивилизации как таковой, а значит, именно отсюда мы должны откладывать вестернологию. Ранее христианская экумена Востока и Запада представляла собой *культурный континуум* – центром были и Константинополь (Новый Рим), и, собственно, сам Рим, а восточные Отцы не противопоставлялись западным. Также общими были и слои более ранних этноцентричных представлений – месопотамских Вселенских царств, ветхозаветной религиозной антропологии и эллинистического универсализма. Позднее же мы можем говорить о формировании двух христианских цивилизаций, каждая из которых отныне настаивает на том, что центр – это *только* она.

И далее мы уже имеем дело с существованием *биполярной экумены*, что через этап захвата крестоносцами Константинополя в ходе Четвёртого Крестового похода в 1202–1204 гг. и установления Латинской Империи в Восточном Средиземноморье и в ещё большей степени после падения Византии от рук османских турок, привело к тому, что один из полюсов многократно усилился, а второй почти сошёл на нет.

И именно в этот исторический переломный момент миссию восточного полюса христианской экумены и традицию византийского этноцентризма подхватило Московское царство [9]. Однако до того времени, когда две экумены столкнулись между собой в полномасштабной битве планетарного размаха – а это произойдёт в период Большой Игры между Британской Империей и Российской Империей, затем в холодную войну и вплоть

до сегодняшней СВО – пройдёт ещё несколько столетий.

Этноцентрические метаморфозы цивилизации Запада

От венчания Ивана Грозного на царство, т. е. утверждения русской версии восточнохристианского византийского этноцентризма, до столкновения России и Запада в планетарном масштабе сам западный этноцентризм прошёл через несколько очень важных стадий.

Если на раннем этапе западный полюс экумены представлял собой христианскую греко-римскую культуру в определённом изводе (собственно католичество), то европейское Возрождение и Реформация существенно изменили её структуры и парадигмы, глубоко повлияв на европейское самосознание. Западная Европа считалась центром мира и человечества и в католическом Средневековье, но новые мотивы – гуманизм Возрождения, индивидуалистический протестантизм, рационалистическая философия и материализм науки Нового времени – превратили западноевропейскую культуру в нечто совершенно иное. Запад по-прежнему мыслил себя центром мира, но только уже *на новых основаниях*. Теперь «аргументами» этноцентризма и претензий на универсализм стали наука, светская модель политической организации, претензии на рациональность и постановку в центре не Бога, а человека. Естественно, под «человеком» имелся в виду западноевропейский человек Нового времени. По нему и верстались все остальные концепции и теории гуманизма, секуляризма, гражданского общества, демократии и т. д. Традиционные средневековые сословия отходили на периферию, на первый план выступал буржуа [3; 12].

Параллельно именно такая Европа Нового времени вступает в эпоху колонизации, утверждая свой этноцентризм в планетарном масштабе и навязывая всем

остальным народам Земли своё «превосходство» [23]. Обращение в рабство целых народов и завоевание континентов и цивилизаций шло под эгидой «прогресса» и «развития». Более развитые общества имели, по убеждению Запада, все основания для того, чтобы подчинять себе менее развитые. Так возник западный расизм, ярче всего отражённый в произведениях убеждённого британского империалиста Р. Киплинга, цинично назвавшего колониализм «бременем белого человека».

Рационализм, научные изобретения и технологические открытия в сочетании с ценностями Просвещения и учением о прогрессе стали *новым содержанием европейского этноцентризма в колониальную эпоху*. Запад продолжал ставить себя в центре мироздания, но теперь уже в совершенно ином облики, и обосновывать свой универсализм отсылкой к совершенно иным критериям.

При этом в России продолжала преобладать традиционная версия византийского экуменизма. Православие определяло коренную глубинную идентичность, а вместе с ней – наследие той христианской цивилизации, которая представляла собой континуум со всей средиземноморской культурой, что когда-то было общей парадигмой и с народами Западной Европы. Начиная с определённого момента, Запад вступил в Новое время и облёк свой этноцентризм в новые формы, тогда как Россия оставалась, в целом, верна изначальному цивилизационному ядру христианской экумены, от которого Запад постепенно и поэтапно отказался или который видоизменил вплоть до неузнаваемости и даже противоположности. Бога Европа Нового времени заменила на человека; Веру и Откровение – на разум и эксперимент; традицию – на инновации; дух – на материю; вечность – на время; постоянство или упадок (как в основных священных писаниях и традициях) – на прогресс и развитие. Так западная культура оказалась в оппозиции не только православию, с какого-то момента воплощённому прежде всего в

России, вступившей в наследие Византии, а через неё греко-римской цивилизации, но и *к самой себе*. Отсюда возникли мифы о «тёмном Средневековье» и некритичное прославление Нового времени, эпохи модерна [10].

В такой ситуации традиционалистское и консервативное русское общество, российская держава в глазах Запада были уже не только «схизматиками», но и воплощением отсталости, варварства и опасной угрозой всему прогрессивному и развитому. Если бы у России не было средств защищаться от Запада, то она, как и остальные традиционные общества, стала бы жертвой агрессивной колонизации. Но Россия сопротивлялась, и не только военным, но и *культурным образом*, сохраняя верность своей православно-византийской идентичности.

Так к противостоянию двух экуменических этноцентризмов с XVIII в. добавился ещё один важнейший элемент: Запад воплощал в себе Новое время, модерн, уже новое издание универсализма, а Россия скорее оборонялась, сохраняя веру в то, что только её путь является по-настоящему вселенским и спасительным, а путь этот заключался в верности Православию и традиционному укладу, в частности, священной монархии и сословной иерархии, которые в целом сохранялись в России вплоть до Революции 1917 г. Запад воплощал в себе модерн, Россия – традицию, Запад – секулярный материалистический мир, Россия – сакральность и дух.

Ранние версии вестернологии

С того момента, когда Запад как цивилизация переходит полностью к парадигме модерна, отношения между ним и Россией как цивилизацией качественно меняются. Отныне западничество, особенно начиная с Петра, становится установкой части российских элит, которые постепенно принимают позицию, согласно которой Российская империя является

также европейской державой, и поэтому ей суждено следовать по тому же пути, что и странам Запада. Тема Москвы – Третьего Рима постепенно стирается (особенно после события церковного раскола в самой России и носителями старины, древнего благочестия становятся преимущественно старообрядцы, оттеснённые на периферию) и начинается процесс модернизации/вестернизации русского общества [9]. Но при этом, поддаваясь западной эпистеме, Россия и в XVIII в. бдительно отстаивает свой политический и военный *суверенитет*, тем самым позволяя старорусскому укладу сохраняться по инерции во многих областях жизни.

В XIX в. славянофилы ясно обнаружили этот парадокс, и здесь-то и берёт своё начало вестернология, ещё не названная этим именем. Славянофилы ясно сформулировали принципы собственно неизменной константной идентичности России как наследницы восточнохристианской экумены, включая её этноцентрическую позицию в мире, и разоблачили произвольность претензий западноевропейской цивилизации в форме модерна на универсализм¹. Данилевский сформулировал учение о культурно-исторических типах [5], согласно которому европейская цивилизация находится в упадке (по критериям цивилизации православной и верной христианским корням), а славяне – прежде всего русские – напротив, вступают в эпоху расцвета и возрождения своего цивилизационного ядра и готовятся к исполнению своей миссии. В такой оптике вся история западной Европы, или романо-германского мира (по Данилевскому), открывается через *качественную дистанцию* как нечто локальное и не имеющее никаких оснований претендовать на абсолютизацию своего исторического опыта. То, что Запад говорит об «истине», «пользе», «развитии», «прогнесе», «благе», «сво-

боде» и «демократии» и т. д., необходимо помещать в конкретный исторический и географический, «этнический» контекст, а отнюдь не брать как нечто безусловно верное и аксиоматическое. Мы имеем дело с обычным этноцентризмом, только вышедшим далеко за всякие естественные пределы, а поэтому агрессивным, лживым, подлым и подчас невменяемым, не способным к полноценной саморефлексии и критическому отношению.

Славянофилы, а позднее евразийцы заложили основы вестернологии, причём с опорой именно на традиционные русские ценности. Запад можно и нужно изучать², но не как истину в последней инстанции, а как отдельную особую цивилизацию наряду с другими – незападными. А в случае русской науки и общественной сферы следует строго отделять, что может быть для России плодотворным и приемлемым, а что является токсичным и деструктивным.

В частности, близким славянофилам был немецкий романтизм и немецкая классическая философия (Фихте, Шеллинг, Гегель), вдохновившие целую плеяду русских консервативных мыслителей³.

Другой версией вестернологии стали левые течения в России и, прежде всего, народники [4], отвергавшие капитализм в целом. Народники, как и некоторые славянофилы (например, И. С. Аксаков [2]), считали, что ядром русской культуры является *крестьянская община*, живущая по

¹ Дугин А. Г. Ноомахия. Войны ума. Русский Логос II. Русский историал. Народ и государство в поисках субъекта. М.: Академический проект, 2019. 959 с.

² Дугин А. Г. Ноомахия. Англия или Британия? Морская миссия и позитивный субъект. М.: Академический проект, 2017. 595 с.; Дугин А. Г. Ноомахия. Войны ума. Цивилизации границ. Цивилизация нового света. Прагматика грез и разложение горизонтов. М.: Академический проект, 2017. 558 с.; Дугин А. Г. Ноомахия. Германский Логос. Человек Апофатический. М.: Академический проект, 2015. 639 с.; Дугин А. Г. Ноомахия. Латинский Логос. Солнце и Крест. М.: Академический проект, 2021. 719 с.; Дугин А. Г. Ноомахия. Французский Логос. Орфей и Мелюзина. М.: Академический проект, 2015. 439 с.

³ Дугин А. Г. Ноомахия. Войны ума. Русский Логос II. Русский историал. Народ и государство в поисках субъекта. М.: Академический проект, 2019. 959 с.

своим древним законам и укладам и представляющая собой оптимальную форму гармоничного духовного и осмысленного бытия¹. Крепостничество они считали как раз *следствием западничества*, но его отмена должна была привести не к развитию капиталистических отношений и не к пролетаризации крестьян, а к возрождению народного духа и традиционных ценностей: социальных, трудовых и церковных. Здесь негативные стороны Российской Империи приписывались именно западным влияниям, а западные – в тот период уже преимущественно буржуазные и либеральные – идеи вызывали глубокое отторжение. Так и с левого фланга формировалась дистанция по отношению к западной цивилизации, подготавливая территорию вестернологии.

Особым случаем был русский марксизм, полностью разделявший западноевропейский этноцентризм Нового времени, соглашавшийся с неизбежностью и даже прогрессивностью капитализма и интернационализма, но всё же подвергавший этот капитализм радикальной критике. В советский период это стало догматом, что, в конце концов, и привело СССР к краху под влиянием обманных обещаний конвергенции со стороны западных стратегов. В более здравые периоды советской истории классовая идеологическая ненависть к капиталистам во многом питалась именно духом народничества и славянофильства [13]. Попытка вывести эту тему из зоны двусмысленности и подразумевания была предпринята русскими национал-большевиками, но достаточной поддержки от советского руководства не получила [1].

Западный этноцентризм в постмодерне

Проследив в самых общих чертах генеалогию западного этноцентризма до его воплощения в парадигме модерна,

можно легко продлить эту линию и в самые последние эпохи западной истории – то есть к парадигме постмодерна [10].

Постмодерн – явление двойное. С одной стороны, он подвергает резкой критике сам этноцентризм западноевропейской цивилизации, как в эпоху традиции, так и в Новое время, настаивая на отказе от него и на реабилитации самых экстравагантных и эксцентричных, часто иррациональных воззрений. Но, с другой стороны, не ставит под сомнение собственный «освободительный пафос» и в духе классического для Запада колониализма и расизма, не задумываясь, стремится навязать свой западный, теперь уже постмодернистский, канон всем обществам. Критикуя Запад и его цивилизацию, постмодерн оказывается его естественным продолжением и, настаивая на глобализации своих установок, просто доводит этноцентризм до логического предела. Постмодерн не просто заимствует у модерна его нетерпимость к традиции, но ещё более обостряет её, превращает в агрессивную пародию, в чистый сатанизм. Критерием «развитости» и «демократичности» отныне выступает соответствие уже постмодернистским глобалистским установкам и ценностям. «Научным» считается только то, что строится на гендерной политике, признании прав меньшинств всех типов, на отказе от какой бы то ни было идентичности, вплоть до индивидуальной, и на транзитологии, под которой, однако, понимается уже и переход от модерна к постмодерну.

Запад противопоставлял свою универсальность русской цивилизации уже в эпоху католического Средневековья. Затем оппозиция цивилизаций перешла к форме модерна против традиции, т. е. против остаточного запоздавшего русского Средневековья, длившегося едва ли не до начала XX в. В советский период конфликт цивилизаций приобрёл идеологическую и классовую окраску: пролетарское социалистическое общество

¹ Дугин А. Г. Ноомахия: войны ума. Русский Логос I. Царство Земли. Структура русской идентичности. М.: Академический проект, 2019. 461 с.

(а по сути, Россия и её союзники) против буржуазно-капиталистического Запада.

В XX в. Россия столкнулась и с прямым проявлением западного расизма и в форме войны с нацистской Германией – с ещё одной версией самопровозглашённых носителей «бремени белого человека», отправившихся в поход против «славянских унтерменшей».

И наконец, в наши дни постмодернистский Запад, претендующий на глобальность своей цивилизационной модели, сталкивается с волей России отстоять и утвердить свою суверенность. Вначале суверенность государства с признанием универсальности западных цивилизационных установок (в 2000–2022 гг.), а затем и как суверенность отчётливо провозглашённого государства-цивилизации. Может сложиться обманчивое впечатление, что речь идёт всё же лишь об обострённой реакции России на ситуативную модель поведения Запада в её отношении (расширение НАТО на Восток, стремление оторвать от России постсоветские государства, несоблюдение договорённостей во внешней политике и т. д.), что умножается очевидным неприятием именно постмодернистских установок западной культуры, резко отторгаемых намного более традиционным российским обществом (за исключением тонкой прослойки либералов-западников). Но если мы поместим это в масштабную историческую перспективу, то увидим, что речь идёт не о случайности, а о *закономерности*. Русская цивилизация начинает отчётливо осознавать себя и свои базовые основания *именно сейчас*. И прямое столкновение с Западом, в любой момент способное разрешиться в апокалиптическом сценарии ядерной войны, лишь добавляет этому процессу цивилизационного пробуждения особый драматизм. Россия не просто отвергает откровенно токсичный и первертный постмодерн, Россия возвращается к своим корням и заново утверждает свою цивилизационную идентичность, если угодно, свой рус-

ский этноцентризм, в котором Россия и есть центр православной (а значит – христианской, вселенской) экумены.

Заключение

Итак, с учётом вышеприведённых соображений мы можем составить себе первичное представление о том, что такое вестернология. Это такой подход к изучению Запада, в котором он рассматривается как самостоятельная отдельная цивилизация, имеющая с русской цивилизацией общие корни, затем ставшая её оппонентом в общехристианской экумене, а позднее выработавшая антихристианскую и антитрадиционную парадигму модерна, с позиций которой отныне противостояла России, атаковавшая её в ходе прямых и опосредованных конфликтов (Наполеон, Крымская война, Первая мировая, Великая Отечественная, холодная война), резко антагонистическая в её постмодернистском и глобалистском издании (глобализм, СВО), но при этом навязчиво претендующая на каждом этапе на *универсализм и абсолютность* своих установок, ценностей, философий и мировоззрений.

Очевидно, что на каждом этапе истории Запада в соотношении с русской историей вестернологический модуль будет варьироваться. От изначального единства в рамках общехристианского Средневековья (где Россия поначалу присутствует опосредованно, в лице своей отеческой византийской цивилизации), до максимальной и абсолютной оппозиции в эпоху западного постмодерна. Задав такие граничные условия, можно легко выстроить структуру промежуточных этапов, по мере которых *антагонизм* неуклонно возрастает, а влияние Запада приобретает всё более деструктивный характер.

Оппонируя Западу на каждом этапе, Россия, однако, не одинаково ясно осознаёт свои собственные цивилизационные принципы, свою идентичность. Это происходит, скорее, волнами. И периоды

сближения с Западом, всякий раз чреватые катастрофой, сменяются периодами возвращения к своим корням.

Отсюда вытекает принципиальный вывод. Находясь сегодня в фазе острого и предельно интенсивного противостояния с Западом, в состоянии прямой горячей войны на Украине в ходе проведения СВО, общественные науки, а также культура, воспитание, социально-политические проекты и начинания должны исходить из фундаментального принципа *самобытности России как суверенной цивилизации*, и любое заимствование (философии, теории, школы, концепции, термина) из контекста западной философии или гуманитарной науки должно осуществляться только при проведении основательной семантической цивилизационной экспертизы, отличающей приемлемое от неприемлемого, нейтральное и конструктивное от токсического и деструктивного. Это и есть главная задача вестернологии – лишение постулатов, догм и правил западной культуры и науки (от постмодерна в глубину религиозных споров Средневековья и Реформации через всю эпоху Нового времени и

аксиоматику Просвещения) их претензии на универсальное значение и соотношение любого тезиса, любой системы, любой методологии с основами самобытной русской цивилизации, с Русским миром.

Масштаб задач, стоящих перед вестернологией, трудно охватить взглядом. Речь идёт о *полной и глубинной эпистемологической деколонизации русского сознания*, об освобождении от многовекового влияния токсичных установок, зачаровавших русскую мысль, подчинивших её отчуждённым системам и мировоззрениям.

Но грандиозность задачи не должна приводить нас в уныние. Мы опираемся на многие поколения наших великих предков – святых, подвижников, молитвенников, святителей, монахов, царей, военачальников, героев, простых тружеников, писателей, поэтов, композиторов, художников, актёров, мыслителей, которые веками несли в себе русский дух и хранили глубинные коды русской цивилизации. Нам предстоит лишь систематизировать их наследие, придать ему новые формы и новую жизнь.

Дата поступления в редакцию 30.05.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Агурский М. С. Идеология национал-большевизма. М.: Алгоритм, 2003. 316 с.
2. Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность. М.: Институт русской цивилизации, 2008. 636 с.
3. Вебер М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма / пер. с нем. М. И. Левина и др. М.: РОССПЭН, 2006. 648 с.
4. Галактионов А. А., Никандров П. Ф. Идеологи русского народничества. Л.: Издательство ЛГУ, 1966. 148 с.
5. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Благословение: Ин-т русской цивилизации, 2011. 812 с.
6. Дройзен И. Г. История эллинизма: в 3 тт. / пер. с нем. М. Шелгунова, Э. Циммермана. СПб.: Наука Ювента, 1997–2002. 1359 с.
7. Дугин А. Г. Бытие и Империя. М.: АСТ, 2023. 784 с.
8. Дугин А. Г. Ноомахия. Византийский Логос. Эллинизм и Империя. М.: Академический проект, 2016. 519 с.
9. Дугин А. Г. Ноомахия. Войны ума. Русский Логос III. Образы русской мысли. Солнечный царь, блик Софии и Русь. М.: Академический проект, 2019. 980 с.
10. Дугин А. Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли. М.: Академический проект, 2023. 503 с.
11. Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев / пер. с франц. Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1986. 234 с.
12. Зомбарт В. Буржуа / под ред. Ю. Н. Давыдова, В. В. Сапова. М.: Наука, 1994. 442 с.

13. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. М.: Родина, 2019. 1280 с.
14. Книга нарицаема Козьма Индикоплов / под ред. В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина. М.: Индик, 1997. 774 с.
15. Леви-Стросс К. Структурная антропология / пер. с фр. В. В. Иванова. М.: Наука, 1985. 535 с.
16. Малофеев К. В. Империя. Книга первая. М.: АСТ, 2021. 464 с.
17. Малофеев К. В. Империя. Настоящее и будущее. Книга третья. М.: АСТ, 2022. 528 с.
18. Малофеев К. В. Империя. Третий Рим. Книга вторая. М.: АСТ, 2022. 528 с.
19. Основы Евразийства / сост. Н. Агамалян и др. М.: Арктогея Центр, 2002. 796 с.
20. Савицкий П. Н. Континент Евразия. М.: Автограф, 1997. 461 с.
21. Трубецкой Н. С. Европа и человечество. М.: Опустошитель, 2022. 156 с.
22. Элиаде М. Миф о вечном возвращении / пер. с фр. Е. Морозовой, Е. Мурашкинцевой. СПб.: Алетейя, 1998. 249 с.
23. Hobson J. The Eurocentric Conception of World Politics: Western International Theory, 1760–2010. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 408 p.
24. Mühlmann W. E. Rassen, Ethnien, Kulturen. Neuwied; Berlin: Luchterhand, 1964. 398 p.
25. Sumner W. Folkways: A Study of the Sociological Importance of Usages, Manners, Customs, Mores, and Morals. Boston: Ginn, 1906. 710 p.

REFERENCES

1. Agursky M. S. *Ideologiya natsional-bolshevizma* [Ideology of National Bolshevism]. Moscow, Algoritm Publ., 2003. 316 p.
2. Aksakov I. S. *Nashe imya – russkaya narodnost* [Our Banner is Russian Nationality]. Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii Publ., 2008. 636 p.
3. Weber M. *Favoriten: Protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus* (Rus. ed.: Levin M. I. et all, transl. *Izbrannoye: protestantskaya etika i dukh kapitalizma*. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 648 p.)
4. Galaktionov A. A., Nikandrov P. F. *Ideologi russkogo narodnichestva* [Ideologists of Russian Populism]. Leningrad, Izdatelstvo LGU Publ., 1966. 148 p.
5. Danilevsky N. Y. *Rossiya i Yevropa* [Russia and Europe]. Moscow: Blagosloveniye: In-t russkoy tsivilizatsii Publ., 2011. 812 p.
6. Droizen I. G. *Geschichte des Hellenismus* (Rus. ed.: Shelgunov M., Zimmerman E., transl. *Istoriya ellinizma: v 3 tt*. St. Petersburg, Nauka Yuventa Publ., 1997–2002. 1359 p.)
7. Dugin A. G. *Bytiye i Imperiya* [Being and Empire]. Moscow, AST Publ., 2023. 784 p.
8. Dugin A. G. *Noomakhia. Vizantiyskiy Logos. Ellinizm i Imperiya* [Noomachia. Byzantine Logos. Hellenism and Empire]. Moscow, Akademicheskii proyekt Publ., 2016. 519 p.
9. Dugin A. G. *Noomakhia. Voyny uma. Russkiy Logos III. Obrazy russkoy mysli. Solnechnyy tsar, Blik Sofii i Rus* [Postphilosophy. Three Paradigms in the History of Thought]. Moscow, Akademicheskii proyekt Publ., 2023. 503 p.
10. Dugin A. G. *Postfilosofiya. Tri paradigmy v istorii mysli* [Noomachia. Wars of the Mind. Russian Logos III. Images of Russian Thought. Solar King, Glimp of Sophia, and Rus]. Moscow, Akademicheskii proyekt Publ., 2019.
11. Dumezil J. *Les dieux supérieurs des Indo-Européens* (Rus. ed.: Tsivyan T. V., transl. *Verkhovnyye bogi indoyevropeytssev*. Moscow, Nauka Publ., 1986. 234 p.)
12. Sombart V. *Bourgeois* (Rus. ed.: Davydov Y. N., Sapov V. V., eds. *Burzhuia*. Moscow, Nauka Publ., 1994. 442 p.)
13. Kara-Murza S. G. *Sovetskaya tsivilizatsiya* [Soviet Civilization]. Moscow, Rodina Publ., 2019. 1280 p.
14. Golyshenko V. S., Dubrovin V. F., eds. *Kniga naritsayema Kozmy Indikoplov* [The Book Called Cosmas Indicopleuste]. Moscow, Indrik Publ., 1997. 774 p.
15. Lévi-Strauss C. *Anthropologie structurale* (Rus. ed.: Ivanov V. V., transl. *Strukturnaya antropologiya*. Moscow, Nauka Publ., 1985. 535 p.)
16. Malofeev K. V. *Imperiya. Kniga pervaya* [Empire. Book One]. Moscow, AST Publ., 2021. 464 p.
17. Malofeev K. V. *Imperiya. Nastoyashcheye i budushcheye. Kniga tretaya* [Empire. Present and Future. Book Three]. Moscow, AST Publ., 2022. 528 p.
18. Malofeev K. V. *Imperiya. Tretiy Rim. Kniga vtoraya* [Empire. The Third Rome. Book Two]. Moscow, AST Publ., 2022. 528 p.

19. Agamalyan N. et al., eds. *Osnovy Yevraziystva* [Foundations of Eurasianism]. Moscow, Arktogetia Tsentr Publ., 2002. 796 p.
20. Savitsky P. N. [The Continent Eurasia]. Moscow, Autograph Publ., 1997. 461 p.
21. Trubetskoy N. S. *Yevropa i chelovechestvo* [Europe and Humanity]. Moscow, Opustoshitel Publ., 2022. 156 p.
22. Eliade M. *Mythe du retour éternel: Archétypes et répétabilité* (Rus. ed.: Morozova E., Murashkintseva E., transl. *Mifo vechnom vozvrashchenii*. St. Petersburg, Aletya Publ., 1998. 249 p.)
23. Hobson J. *The Eurocentric Conception of World Politics: Western International Theory, 1760–2010*. Cambridge, Cambridge University Press, 2012. 408 p.
24. Mühlmann W. E. *Races, Ethnicities, Cultures*. Neuwied, Berlin, Luchterhand, 1964. 398 p.
25. Sumner W. *Folkways: A Study of the Sociological Importance of Usages, Manners, Customs, Mores, and Morals*. Boston, Ginn, 1906. 710 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дугин Александр Гельевич – кандидат философских наук, доктор социологических наук, доктор политических наук, директор Учебно-научного центра «Высшая политическая школа имени Ивана Ильина» Российского государственного гуманитарного университета;
e-mail: vpsh@rggu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexandr G. Dugin – Cand. Sci. (Philosophy), Dr. Sci. (Sociology), Dr. Sci. (Politology), Director of the Educational and Research Center “Ivan Ilyin Higher Political School”, Russian State University for the Humanities;
e-mail: vpsh@rggu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Дугин А. Г. Вестернология: в направлении суверенной русской науки // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 3. С. 7–21.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-7-21

FOR CITATION

Dugin A.G. Westernology: towards a sovereign Russian science. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 3, pp. 7–21.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-7-21

УДК 93.85

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-22-39

ИСТОРИЧЕСКИЙ ГЕНЕЗИС АНТИХРИСТИАНСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЗАПАДЕ: САТАНИЗМ ЗАПАДНЫХ ЭЛИТ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ

Багдасарян В. Э.¹, Сильвестр, архимандрит (Лукашенко С. П.)²

¹Государственный университет просвещения

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

²Храм во имя мученика Андрея Стратилата

152111, Ярославская область, Ростовский м/о, с. Сулость

Аннотация

Цель. Реконструкция мировоззрения и идеологии западных элит в фокусе выявления её религиозных/квазирелигиозных оснований.

Процедура и методы. Применялась методика «чёрного ящика», в качестве которого рассматривалось потенциально возможное латентное учение мировой элиты.

Результаты. Получило обоснование предположение, что религиозным фундаментом учения мировой элиты с высокой долей вероятности является сатанизм. Современная элита по своему генезису в борьбе с средневековой системой использовала различные еретические учения как альтернативу христианству, что определило антихристианскую направленность синтетической доктрины. Подтвердилась оценка, данная западным элитам президентом Российской Федерации В. В. Путиным, об их фактическом переходе на позиции сатанизма.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты проведённого исследования могут использоваться в критике Запада как противника России в современной фазе российско-западного цивилизационного конфликта.

Ключевые слова: элита, религия, Средневековье, Новое время, ереси, сатанизм, гностицизм, пантеизм

THE HISTORICAL GENESIS OF ANTI-CHRISTIANITY IN THE CONTEMPORARY WEST: SATANISM OF WESTERN ELITES AS A POLITICAL REALITY

V. Bagdasaryan¹, Archimandrite Sylvester (S. Lukashenko)²

¹Federal State Pedagogical University

141014, Moscow Region, Mytishchi, Vera Voloshina St., 24, Russian Federation

²Church in the Name of Martyr Andrew Stratelates

152111, Yaroslavl Region, Rostov District, Sulost Village

Abstract

Aim. To reconstruct the worldview and ideology of the Western elites with a focus on identifying their religious/quasi-religious foundations.

Methodology. The “black box” method was used, considering the potentially possible latent teachings of the global elite.

Results. The hypothesis that the religious foundation of the global elite’s teachings is highly likely to be Satanism was substantiated. The contemporary elite, in their genesis, used various

heretical teachings as an alternative to Christianity in their struggle against the medieval system, which determined the anti-Christian direction of their synthetic doctrine. The evaluation given by the President of the Russian Federation, V. V. Putin, regarding the Western elites' actual shift to Satanism was confirmed.

Research implications. The practical potential of the study lies in the possibility of using its results to critique the West as Russia's opponent in the current phase of the Russian-Western civilizational conflict.

Keywords: elite, religion, Middle Ages, Modern Times, heresies, Satanism, Gnosticism, Pantheism

Введение

Широкий резонанс вызвали слова президента России В. В. Путина 2022 г. о сатанизме западных элит. Эту оценку, данную президентом, масс-медиа попытались превратить в фигуру речи, некую аллерию. Но президент говорил вполне конкретно¹. Имеются ли реальные основания рассматривать сатанизм как идеологию элит на Западе? Для ответа на этот вопрос было бы целесообразно исследовать исторический генезис мировой элиты.

В. В. Путин в своих оценках западной элиты как сатанинской не одинок. Такие оценки широко распространены в исламском мире. Большим Сатаной – Иблисом – называли США оба высших руководителя Исламской Республики Иран – аятолла Хомейни и аятолла Хомени [6; 46]. Отдельные обвинения прорываются через цензуру и на Западе. В сатанизме западные элиты обвиняет, в частности, католический архиепископ, ранее генеральный секретарь губернаторства государства-града Ватикана и апостольский нунций в США К. Вигано².

На основе представления о том, что во главе мира стоит секта сатанистов в США

возникло массовое движение QAnon. Участники движения составили костяк участников штурма в 2021 г. у Капитолия. Среди сторонников движения, безусловно, есть много психически неуравновешенных, а их обвинения часто в силу абсурдности дезавуируют саму тему, но важно другое: проблема мировой сатанократии приобретает всё большую актуализацию и прорывается через информационные барьеры [39].

Дополнительная актуализация темы сатанизма в мировоззрении и идеологии мировых элит связана с распространением и публичным проявлением сатанинских культов. В США сатанинские организации существуют легально, и основы сатанизма преподаются в школах ряда американских штатов. Последователи сатанинских культов существуют и в России, где они не легализованы, но и не криминализированы. Очевидная деструктивность сатанизма определила повестку постановки вопроса о его запрете в РФ на законодательном уровне. Сложность законодательного решения состоит в том, что запрет касается не конкретной организации, а определённого учения. Единственный опыт такого запрещения имеется в законодательстве РФ в отношении нацизма. Вместе с тем в стратегические документы государства вошло понятие «деструктивная идеология». Понятие пока не определено, но очевидно, что сатанизм должен быть первым претендентом на включение в соответствующий список. Предположение, сообразно с которым мировая элита руководствуется деструктивной идеологией, означает

¹ Путин: диктатура Запада направлена против всех обществ, она приобретает черты сатанизма // ТАСС: [сайт]. URL: <https://tass.ru/politika/15921463> (дата обращения: 06.03.2024).

² Катасонов В. Ю. Мятёжный архиепископ о сопротивлении глобальному перевороту. «Нас осаждают хищные волки, желающие убить наши души еще до того, как убьют наши тела» // Фонд стратегической культуры: [сайт]. URL: <https://www.fondsk.ru/news/2022/02/09/mjatezhnyj-arhiepiskop-o-soprotivlenii-globalnomu-perevorotu.html> (дата обращения: 06.03.2024).

большой уровень опасности для человечества¹.

Переосмысление оснований обществоведческих и гуманитарных наук позволяет поставить под сомнение сопряжённый с западническими парадигмами секуляристский подход. Секуляризм, заявляющий отстранённость от религии, религиозную нейтральность, оказывается пустой декларацией. Любые обществоведческие и гуманитарные модели, как и любые общественные системы, восходят в сути своей к той или иной религиозной традиции или контратрадиции.

Принцип светскости, декларируемый в нескольких Конституциях (далеко не всех), в реальности не работает. А зачастую используется в качестве ширмы антитрадиции. Так, во Франции, где и был впервые заявлен принцип светского государства, в реалиях Французской революции выстраивался культ Разума. Низвергались христианские статуи и воздвигались святыне новой религии («Евангелия от Робеспьера») [24]. Доказательство связи социальных и научных парадигм с религией заставляет поставить вопрос о снятии камуфляжа такой связи [5].

Религии имманентно соединены с фундаментальным пониманием добра и зла. Существуют в религиозной традиции высшие трансцендентные силы – Добра – и inferнальные силы – Зла. Первые устремлены к нравственному развитию и спасению человека, вторые – к его деградации и гибели. Такое противостояние обнаруживается во всех религиях без исключения, включая и те, которые условно и не совсем корректно определяются как языческие.

Противостояние Бога и Дьявола развёртывается через историю. В этом противостоянии и состоит религиозное прочтение исторического процесса. Каждая

из сфер общественной жизни являлась пространством такой борьбы, опосредованной через человека.

Модель устройства по Божьему замыслу мыслилась как теократия [31]. Царь был на Руси лишь помазанником Божьим, а непосредственно государство праведное держалось на управлении и заступничестве самого Господа. Второй тип государственного управления представляла модель десакрализованного государства. Оно строилось снизу вверх. Бог выводился как бы за скобки. Но не будучи Божьим, такое государство с точки зрения традиционного религиозного подхода должно было подпасть в зависимость к дьяволу.

Перестав быть теократическими, государства становятся всё с большей очевидностью сатанократическими. Отказ от построения общественной жизни сверху вниз приводит в итоге к формированию системы «перевернутого общества». А «перевернутое общество» как раз и являлось обществом сатанократическим. Символически оно выражалось перевернутой пирамидой.

Приверженность элит сатанизму не может быть заявлено ими открыто, ибо такое заявление означало бы гарантированную делегитимизацию. Не исключено, что предполагается такая манифестация в будущем, когда у масс окончательно атрофируются способность осмысления происходящего и воля к сопротивлению. Но на настоящее время сатанизм может потенциально существовать на уровне элит только в качестве закрытого учения. Такое положение создаёт проблему доказательности.

Традиционная система эмпирических доказательств в данном случае не работает. Её отсутствие используется как аргумент дезавуирования всей темы, маркируемой как конспирология. Позицию скептиков усиливает распространение всякого рода вымыслов, зачастую носящих все признаки бреда и разных форм расстройств. Однако отсутствие прямо-

¹ Депутат Бурляев: Пришло время запрещать в России сатанизм // Парламентская газета: [сайт]. URL: <https://www.pnp.ru/politics/deputat-burlyayev-prishlo-vremya-zapreshhat-v-rossii-satanizm.html> (дата обращения: 06.03.2024).

го эмпирического подтверждения не означает, что феномен отсутствует.

Доказательность не сводится исключительно к эмпиричности. Не менее значима логическая система доказательств. И в тех случаях, когда эмпирика противоречит логике, соответствующие эмпирические аргументы ставятся под сомнение. Таким образом, приоритет отдаётся логике. Логика в системе доказательств выше эмпирики. Соответственно, и к теме сатанизма политических элит при ограниченности верифицируемой эмпирики было бы целесообразно применить логические методы исследования.

В качестве такого метода мог бы быть, в частности, использован метод «чёрного ящика». Суть метода состоит в том, что есть сфера неизвестного, которая может быть логически реконструирована при знании того, что находится на входе и выходе. Неизвестное в данном случае – содержание тайной доктрины мировой элиты или её отсутствие, информация на входе – характеристика общества до формирования глобальных элитаристских группировок, информация на выходе – характеристика после и в результате занятия ими соответствующих позиций.

Смена элит: инверсия Нового времени

Средневековое общество было обществом теоцентричным и теократичным [13]. Традиционные религии задавали проекции всем сферам общественного бытия. Первым сословием было духовенство, являвшееся носителем религиозных знаний и традиций. Ереси подавлялись, авторитет церкви был незыблем. Военское сословие позиционировалось в качестве воинства Христова (в Западной Европе – рыцарства). А на Руси даже земледельческое сословие имело наименование, связанное с религиозной идентичностью – крестьяне, то есть христиане.

На входе в условное пространство «чёрного ящика» фиксируется таким образом система общества, опиравшаяся на

христианские ценности. Христианская религия являлась обязательным фильтром элитаристских кооптаций [35].

Переход к Новому времени (в другой периодизации – к обществу модерна) был сопряжён со сменой элит. Процесс этого перехода описывался в советской историографии, опиравшейся на марксистскую теорию смены формаций, как борьба буржуазии против феодалов – церкви и аристократии. Новая элита опиралась на силу капитала. Одна из компонент этого капитала – капитал иудейский. Евреи не допускались на сословную систему христианского сообщества и объективно оказывались союзниками революционных сил. Часть аристократических родов также вошла в альянс с буржуазией [9; 16].

Для формирования системной оппозиции старым элитам нужно было своё учение. Нужна была доктрина борьбы. Доктриной старой элиты являлось христианство. В логике антитезы новые элиты (они же контрэлиты для стадии перехода) побуждались к тому, чтобы выдвинуть доктрину прямо противоположную христианской. Такой противоположностью и являлся сатанизм. Сатанизм мог формироваться из различных еретических течений позднего средневековья – как религии гонимых. Предлагаемое им мироустройство было устройством альтернативным христианскому видению [38; 41].

Обращает в этой связи особое внимание закрытый характер различных объединений новой элиты по типу масонских лож, склонность к эзотерике, ритуалам и оккультизму. Казалось бы, капитализм нёс миропорядок, исключающий любую оккульность. Демократизация, казалось бы, задавала вектор ухода от иерархизма прошлого. Эзотерика вообще как феномен противоречила, казалось бы, парадигме модерна, модели массового общества. Эзотеризм, иерархизм и оккультизм объединений новой элиты сами по себе указывали на то, что учение не подлежало публичному разглашению. Почему оно не должно было разглашаться? Идеалы

свободы и равенства не содержат в себе того, что требовало сокрытия. Скрываться могло только то, что не должны были знать массы. Вероятно, сущность доктрины, её антихристианское содержание раскрывалось адептом на высших ступенях посвящения [14].

Европейская контрэлита в результате политических трансформаций Нового времени, определяемых в марксистском дискурсе в качестве буржуазных революций, становится элитой. В XX столетии на основе элит западных государств формируется элита мировая. Имея ввиду её генезис, можно предположить, что, помимо чисто экономических интересов, она могла обладать на высших ступенях иерархии доктринальным единством. И это доктринальное единство являлось неким религиозным суррогатом, исторически сформированным как альтернатива христианству [33].

Наличие доктрины мировой элиты многое объясняет в большой политике. Объяснение, сводимое к тезису, соотносительно с которым мировой элитой движет стремление к получению сверхприбыли, недостаточно. На каком-то уровне иерархии деньги уже перестают иметь значение. Второй объяснительный тезис – стремление к абсолютной власти даёт больше понимания. Но и оно ограничено. Обретение фактически полной власти также не исчерпывает элитаристских устремлений. Происходит вовлечение всё более широких групп населения в грех. Из стремления к деньгам и власти трудно будет понять, в частности, фактическое навязывание элитами человечеству повестки ЛГБТ. Третий тезис, дополняющий два других, состоит в приверженности элит в качестве религиозной доктрины некоего учения, обладающего всеми признаками религии Сатаны.

Символы и ритуалы

Различные ритуалы, символы и практики, используемые закрытыми и полуза-

крытыми ложами, клубами, иными сообществами Запада позволяют обнаружить явные черты оппозиционирования христианскому культу. Слово «оппонирование» – мягкая оценка производимых ритуалов, явно далёких от христианских...

Вся американская университетская культура выстраивается вокруг так называемых «сообществ греческих букв». Через эти сообщества осуществляется фильтр студентов и формируются будущие элиты. Греческими в соответствующих сообществах являются не только буквы, но и культурные образцы. Суть ритуалов – обращение к эзотерической стороне дохристианских эллинских культов. Ключевой элемент ритуала связан с образом смерти. Соответствующий обряд описан, в частности, в ритуалах одного из наиболее известных студенческих сообществ греческих букв – тайного общества студентов Йельского университета «Череп и кости». Само название организации указывает на центральную тему смерти в семантике культа. Обряд, сопряжённый с имитацией смерти и погребения, находится также в центре обрядовых действий собраний элиты в Богемской роще. И в Йеле, и в Богемской роще человек ложился в гроб, подвергаясь при этом поруганию со стороны участников церемонии. Если бы этот обряд означал только раскрытие философии бренности жизни, то поругание умершего с этой семантикой трудно связать [42].

Символ черепа и костей, применяемый в Йеле, используется, как известно, и в христианстве. Для христиан – это прах Адама. Но над адамовыми останками, погребёнными на Голгофе, возвышается распятие с Иисусом. Иисус своей кровью искупает первородный грех Адама и тем побеждает смерть. «Смерть! где твоё жало?! Ад! где твоя победа?!...» – вопрошают христианские священнослужители в пасхальном богослужении. Но что означают череп и кости без распятия? Для контркультуры это могло означать

только одно – отрицание воскрешения Христа. Взятые без креста человеческие останки означали манифестацию положения об отсутствии вечной жизни, буквально – провозглашение позиции, что Он не воскрес. И поругание умершего – это поругание Христа. Присутствие в обрядах таких фигур, как, например, переодетый дьявол, не оставляет сомнения в его антихристианской направленности. Возникнув как оппонирование христианству, соответствующие ритуалы и символика должны были утвердить мысль, что Христос умер (умер Бог), воскресения нет, и смерть торжествует.

А между тем речь шла об отборе американских элит. В гробу должны были лежать, в частности, согласно правилам обряда, члены сообщества – президенты США Буш-старший и Буш-младший. Будущие лидеры государства, равно как капитаны бизнеса, создатели культурных нарративов, лежащие в гробу – как минимум, это не может не вызывать вопросов.

Элитогенез

Исторически западный элитогенез осуществлялся через упорную борьбу. Её проявлениями стала череда терактов, государственных переворотов, революций, войн. Итогом явилось формирование единой западной элиты, ставшей затем элитой глобальной. Важно зафиксировать основные компоненты элитогенеза Запада с точки зрения их условной идеологической репрезентации. Каждый из акторов имел свои интересы и свой условный проект [20; 23; 40].

Включение различных акторов в систему глобальной элиты предполагало наличие высшего уровня, находящегося над всеми компонентами и проектами. Без соответствующего уровня глобальная элита как феномен не могла бы состояться. Предположительно, у группы сверхэлиты должна была быть в этой логике единая доктрина. Через неё легити-

мизировалась бы мировая элитаристская иерархия.

Исторические источники контрхристианства на Западе: еретические основания культуры Нового времени

Доктрина мировых сверхэлит могла иметь несколько источников формирования. Эти источники выявляются по содержанию ересей позднего средневековья. При инверсии Нового времени эти ереси оказались перемещены из маргинального пространства в ядро системы. Несмотря на многообразие и эклектичность еретического дискурса в нём можно выделить 6 основных направлений. Каждое из этих направлений исходно представляло сторону противника христианского учения.

Во-первых, учение Христа было направлено против саддукеев и фарисеев, иудаизма в целом, заявлявшего этническое избранничество. Иудаизм породил в свою очередь 2 условных направления: иудеев царя Давида и иудеев царя Соломона. Учение первых было акцентировано на приходе грядущего Машиаха, который не отождествлялся с Христом. Машиах мыслился как царь иудейский и одновременно правитель мира. Христианские эсхатологи разоблачали в образе Машиаха предсказываемого библейскими пророками антихриста [43]. Учение иудеев царя Соломона трансформировалось в кабалистику. Ключевым характерным для них образом являлось строительство Иерусалимского храма.

Во-вторых, христиане оппонировали римлянам, условной линии «Понтия Пилата». Идеология римлян состояла в создании мировой империи – *Rex Romana* [44]. И эта тема в дальнейшем в идеологии мировой элиты приобрела одно из центральных положений. Сегодня в Стратегии национальной безопасности США 2022 г. концепция мировой Римской империи представлена идеей

Соединённых Штатов Америки как глобального государства.

Третьими противниками являлась условная группа «египтян». Под египетским направлением подразумевался герметизм и производные от него учения [18]. Суть герметического учения состояла в хранении тайной доктрины древней погибшей цивилизации, некоей высшей расы, управляющей людьми («атлантами»).

Четвёртое направление представляли гностики [19]. Гностицизм акцентировал идею неравенства человечества. В рамках гностического дискурса была генерирована тема бунта против Демиурга. Освобождение от власти Демиурга интерпретировалось как обретение свободы. Через идею бунта Люцифера против Демиурга гностицизм был идейно связан с либерализмом, через идею неравенства людей – с оккультным направлением нацизма.

В пятое направление можно условно зачислить мир язычества. Племенные религии выстраивались вокруг культа плоти и крови. В рамках системы мировоззрения традиционного общества плоть и кровь одухотворялись. Десакрализованное язычество перерождалось в биоцентризм и материализм и уже в этом качестве оказалось заимствовано в рамках нового религиозного суррогата.

Шестую группу идейных оппонентов составляли эллины. Эллинистическую идеологию было бы принципиально ошибочно сводить, как это часто делается на основании прочтения мифов Древней Греции, к лекалам язычества. Идеология эллинизма была акцентирована на идее антропологического неравенства. Антропологическое неравенство имело как внешнее преломление – эллин выше варвара, так и внутреннее – свободный выше раба. Эллинские истоки лежали, безусловно, в основаниях западного расизма. Апелляция к эллинству в период Ренессанса с очевидностью вступало в противоречие с традициями христианского миропонимания и этики. Эллини-

зация составляла осевую линию и культуру классицизма [22].

Возник исторический парадокс. Народная культура была преимущественно по своим формам христианской, культура элиты – квазиэллинской. Такой разрыв существовал не только на Западе, но и в России, и русский XVIII в. являлся этому яркой иллюстрацией. Можно зафиксировать факт использования античных форм культуры, официально осуждаемых в христианстве, как некой дискурсивной и эстетической нормы. Соответственно, и обращение элит к нехристианским и антихристианским идеям было контекстно историческому времени.

Романтизация Люцифера в европейской культуре

От апологии античных богов оставался один шаг к апологии Сатаны. И этот шаг был сделан. Соответствующая семантическая связь выстраивалась через образ Прометея. Прометей, восставший против Зевса, был камуфлированной апелляцией к восставшему против власти Яхве Люциферу. Суть метафизического бунта объяснялась любовью Прометея/Люцифера к людям. Д. Мильтон в «Потерянном рае» открыл сюжетную линию раскрытия образа Сатаны как борца за свободу [45]. Но и новые элиты вели борьбу с прежними порядками под знаменем свободы. Как герой и положительный персонаж, Сатана был представлен в рамках литературных направлений романтизма и декадентства. Перси Шелли, Джордж Байрон, Альфред де Виньи, Виктор Гюго – многие из властителей общественных дум Запада приняли активное участие в героизации Люцифера. Безусловно, в соответствующих литературных произведениях имел место эпатаж. Но в данном случае важнее не то, был ли лорд Байрон сатанистом а то, что возникла мода на сатанизм, и он стал на стадии формирования мировых элит своеобразным индикатором элитарности.

Признание человеческого «Я» как самоценности вне её божественной связанности уже представляло вызов христианской версии понимания природы человека. Гуманизм, взятый с началом эпохи Возрождения на всеобщее вооружение как универсальная ценность, шёл вразрез с религиозным пониманием Божественно-человеческих отношений. «В самом начале, – реконструировал логику возрожденцев в дополнениях к “Диалектике мифа” А. Ф. Лосев, – Бога мы даже и трогать не станем: Бог-де, конечно, есть, Помилуйте! Как же без абсолютного существа! Даже и в церковь, пожалуйста, ходите. Но просим только одной безделицы: признайте, что и вы имеете право на существование... В этом-то и заключён весь секрет... И Бог остаётся нетронутым, и религия остаётся в целости, и мир существует, как существовал до сих пор, но... я тоже имею право на существование... Невинное *тоже* и есть огромная победа сатаны над Богом» [21, с. 256–259].

Гностицизм

Особо большое внимание в качестве генезиса контрсистемы по отношению к христианству и производного от неё жизнеустройства уделяется сегодня гностицизму. Гностическое направление включало в себя много течений и служило основанием широкой группы ересей. Интегрированно гностицизм выражался двумя ключевыми идеями: сотворением мира злым Демиургом и антропологическим неравенством человечества. Обе идеи вступали в противоречие с традицией взгляда на Творение мира и человека классических версий антропологических религий. Представление о том, что мир создан злым демиургом, задавало установку для гностиков восстания против него и созданной им Системы. Но тот, кого гностики считали злым Демиургом был для христиан, равно как для иудеев и мусульман, Богом-творцом. При этом существовал, сообразно с гностическими

представлениями, и иной Бог – носитель духа свободы, противостоящий Демиургу. Люцифер перетолковывался у части гностиками как посланник Бога света, проникший в тварный мир в целях освобождения человека. Люди дифференцировались на пневматиков, психиков и гиликов в зависимости от степени готовности к освобождению от власти Демиурга и его установлений.

Фактически через гностическое перетолкование содержания библейского содержания Книги Бытия происходило обоснование сатанизма. Признавая факт влияния гностицизма на формирование контрэлит на фазе перехода от Средневековья к Новому времени, следует признать, соответственно, и то, что сатанизм мог стать идеологией сил производимой трансформации [10; 19; 26; 32].

Пантеизм

Резко разрывало с традицией христианского миропонимания широко распространившееся среди элит раннего Нового времени учение пантеизма. Пантеизм отрицал самостоятельное непосредственное существование Бога, загробное инобытие, божественное откровение, вообще наличие нравственной и интеллектуальной связи между человеком и Господом.

Как отмечал католический философ Романо Гвардини в резонансной работе 1950 г. «Конец Нового времени», в противоположность средневековому рассмотрению тварного мира через призму трансцендентной субстанции, мировоззренческой парадигмой цивилизации Нового времени стал именно пантеизм [11]. Природа, будучи прежде низшей из космологических сфер, становилась теперь единственно возможной сферой.

Происходит секулярная инверсия в экономике, политике, праве. Основным законом вместо религиозного текста теперь выступает Конституция. Известно, что разработчиками первых конститу-

ций, и американской, и французской, и польской, и латиноамериканских (в т. ч. российских конституционных проектов эпохи Александра I) были лица, принадлежавшие к ломам вольных каменщиков. Фиксируются буквально текстовые совпадения уставов масонских братств с первыми конституциями (особенно в части преамбулы). Ещё более очевидно такого рода компоненты обнаруживаются в Декларации прав человека и гражданина и в первых Декларациях независимости. Так, Декларация прав человека и гражданина начиналась с апелляции к некой теологической фигуре – Верховному существу. Характерно, что не к Христу. Далее в ней проводится связь Верховного существа (традиционное масонское наименование Демиурга) с выдвигаемым концептом естественных прав человека¹.

Показательна в этом отношении Декларация независимости США. Она начинается с положения о том, что права человека устанавливаются по законам природы и её Творца. Далее следует тезис о наделении Творцом всех людей неотчуждаемыми правами. Христианская мысль, как известно, ничего о неотчуждаемых правах, а тем более, о естественном праве человека не говорит. Напротив, в ней получила развитие прямо противоположная идея – о первородном грехе. Право, согласно христианской традиции, даётся не в силу рождения, а на основании Божественного завета: Ветхого – для евреев, Нового – для христиан².

Преамбула большинства конституций (за исключением конституций, дарованных монархами) открывается с провозглашения народа источником права (мы народ такой-то...). Легитимизируется,

таким образом, народный суверенитет. Данное положение не является мировоззренчески нейтральным, сочетаясь с обозначенной выше спецификой пантеизации права. Конституционная правосубъектность устанавливается не сверху, а снизу, идёт не от Бога, а от совокупной народной воли.

От пантеизма было производно и учение о естественном праве, ставшее в дальнейшем основой доктрины прав человека. Человек наделялся правами в силу факта рождения. Христианское миропонимание и производное от него религиозное право не предполагали наличие у человека каких-либо прав, происходящих из его человеческой природы – естества. Природа человека, согласно авраамической креационистской традиции, была повреждена при грехопадении. Естественное право означало снятие самой темы греха, ибо все, что естественно, не может быть греховно [7; 8; 12; 15; 17].

В рамках пантеизма теряла смысл и теология монархической власти, раскрываемая прежде в качестве моста, связующего народ с Богом через помазанника Божьего. Формула «Глас народа – глас божий» отражала новое пантеистическое понимание общественного устройства. Прежняя христианская теза выражала прямо противоположный подход – «Глас народа Христа распял».

В своё время Гогенцоллерны любили подчёркивать, что получили корону от неба и только перед небом будут держать отчёт. Разъяснять массам тонкости государственной политики считалось делом неблагодарным. Идеологическим выражением пантеизма стала теория «общественного договора». В соответствии с ней государство провозглашается следствием соглашения между людьми, а не установлением свыше. Если уполномоченные на основании этого консенсуса к осуществлению властных обязанностей выполняют их ненадлежащим образом, договор можно расторгнуть и перезаключить.

¹ Декларация прав человека и гражданина, 26 августа 1789 г. [Электронный ресурс]. URL: https://pnu.edu.ru/faculties_old/full_time/isptic/iogip/study/studentsbooks/histsources2/igpzio35/ (дата обращения: 06.03.2024).

² Декларация независимости. Конгресс, 4 июля 1776 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Text/indpndnc.htm> (дата обращения: 06.03.2024).

Пантеизм нашёл отражение и в классической экономической теории. Не будет преувеличением сказать, что выдвинутый А. Смитом принцип *laissez – faire* проистекал из религиозных воззрений шотландского учёного. Концепция саморегулирующегося рынка напрямую связывалась с пантеистическим учением. Природа в соответствии с этим пониманием наделялась качеством разумности. Отсюда и проистекал концепт саморегулирующегося рынка. Его саморегуляция допускалась на основе веры в изначальное устройство экономических механизмов в соответствии с Высшим Разумом [30]. Отрицать самодостаточность рынка означало поставить под сомнение разумность божественного устройства. Являясь саморегулирующимся в человеческом значении, он был управляем в теологическом смысле.

В соответствии с духом эпохи Просвещения рыночная экономика представлялась как бесперебойно функционирующий механизм. Каждый конкурирующий друг с другом субъект в общем замысле существования системы выполнял определённую свыше миссию. «Невидимая рука», управляющая рынком в теории А. Смита, – это «божественное провидение» [1, с. 58–64; 29; 37]. Очевидно, что метафора саморегулирующегося рынка была жёстко привязана к контексту «естественной религии» XVIII в. [28]

Отрицание существования надприродной субстанции приводит к противопоставлению стоического, рационально-эгоистического морализма и положений христианской морали. «Отныне, – пишет один из современных критиков масонской идеологии В. М. Острецов, – с торжеством пантеизма природа становится неким нормативом для человека. Всё, что естественно, – хорошо. Пантеизм не знает первородного греха, не знает противоестества, извращения природы, так же, как не знает он и сверхъестества. Всё, что есть в природе, – хорошо, и греха нет. Добро и зло исчезают из морали и стано-

вятся только синонимом плюса и минуса, свойственного миру физическому. Но что есть зло и что есть добро, этого пантеист не знает» [25, с. 468].

Пантеизм сам по себе не был сатанизмом, но он, безусловно, базировался на еретическом фундаменте. Отрицание Бога-Неба и переход к Богу-Природе открывали перспективу следующего логического шага – поклонения Преисподней.

Вначале сатанизм оказался допущен на Западе до использования в культурных нарративах, затем стал допускаться и как легальная система взглядов и практик. С конца 1980-х гг. сатанинские организации официально регистрируются в качестве религиозных объединений. На уровне права они приравняются к христианским церквям. А далее, став легитимными, они всё более распространяют своё влияние в пространстве официальной семиосферы, вытесняют мировоззренческих конкурентов.

Образ Антицивилизации в религиозных откровениях и фаустовское искушение Запада

Образ Антицивилизации находит отражение, естественно, с использованием другого языка в священных текстах фактически всех традиционных религий. Одно обращение к ней относится к прошлому – времена праистории, другое – к будущему – перспективам эсхатологии.

К сфере праистории относится образ «вавилонской башни». Вавилон в Библии можно считать вообще образом антицивилизации. Его падение в Откровении Иоанна Богослова описывается как крушение центра мирового зла. Ангел – свидетель Апокалипсиса, восклицает: «пал, пал Вавилон, великая блудница, сделался жилищем бесов и пристанищем всякому нечистому духу, пристанищем всякой нечистой и отвратительной птицы; ибо яростным вином блудодеяния своего она напоила все народы, и цари земные либо действовали с нею, и купцы земные раз-

богатели от великой роскоши её». Некоторые толкователи интерпретируют падение Вавилона как пророчество краха США.

Первой глобализационной утопией в мировой истории часто называют строительство Вавилонской башни. Строители башни хотели возвести её до небес. Проект носил богоборческий характер, что и привело его к провалу. У строителей был единый язык, и они были политически едины. Можно сказать, что имела место унификация человечества под некий богоборческий проект. Далее происходит смешение языков и разделение человечества. Возникли отдельные народы и сложились цивилизации. Но замысел построения Вавилонской башни не был оставлен. Современные глобалисты вновь пытаются реализовать свой проект, для чего требуется осуществление унификации человечества, преодоление цивилизационного и этнического разделения.

Власть антихриста будет опираться на систему, точно подходящую под характеристики антицивилизации. Это будет система всеобщей унификации и тотального контроля. А предшествовать её установлению будут различные бедствия. Фактически антихрист окажется усмирителем хаоса, что и станет основанием легитимизации его власти. Здесь открывается тайна управления хаосом. Создатель хаоса потом и обуздывает его, получая славу победителя.

Не так ли технологически и происходит в современном мире? Вначале Соединённые Штаты Америки возвращают исламский терроризм, бросая его против Советского Союза во время войны в Афганистане. Далее террористы, как бы выйдя из-под контроля, обрушиваются на США и страны Европы. Начинается паника среди населения, требующего обеспечения безопасности. Следующим шагом возмездие настигает террористов. США направляют войска в Афганистан и Ирак, вводят ограничители свободы во

имя безопасности. Хаос оказывается отвержен его же создателем. Бурные и продолжительные аплодисменты...

Хаос явился инструментом перехода к новому мировому порядку. Речь шла исходно об инструменте, не более того. Но это был инструмент особого рода, отличающийся от любого другого политического инструментария. Для того, чтобы привести в действие силы хаоса, было необходимо погрузиться в сферу inferнального. Хаос берётся из бездны. Но погружающийся в inferнальное сам неизбежно оказывается им заражён. Попытка управлять другими через хаос приводит к тому, что сам управляющий теряет субъектность и подчиняется inferнальным силам [3].

Чернокнижник использует в достижении своих земных целей силы преисподней. Для этого он заключает конкордат с Сатаной. Обретая власть, чернокнижник по условиям конкордата сам оказывается под властью Сатаны. Сюжет о продавшем свою душу чернокнижнику лёг в основу средневековых легенд о Фаусте, литературно обработанных в XIX в. И. Гёте. Фаустовской культурой называл О. Шпенглер культуру Запада. Но если эта культура фаустовская, т. е. производная от образа Фауста, соответственно, и суть её состоит в принятии inferнального искушения [36].

С сатанизмом усматривается частью его критиков и генезис идеологии либерализма. Образ «первого либерала», сообразно с этим критическим рассмотрением, был создан уже в Библии. Это образ Люцифера. Он, в соответствии с либеральной логикой, отвергает любые ограничивающие свободу обременители. Люцифер выбирает свободу и восстает против Бога. Далее же Сатана создаёт античеловеческую систему, противоположную системе теократической. Либерализм переходит в нечто другое, противоположное ценностям категориального человека – сатанизм. В преломлении к земной, социальной истории это могло

быть категориально обозначено как фашизм, и особенно фашизм в современной цифровой версии тоталитарности. Показательно, что тема свободы и индивидуализма является ключевой в современных официально зарегистрированных сатанинских организациях, в частности, в Церкви Сатаны, основанной в США А. Лавеем [27].

Интернализация общественного бытия

Смена элит на Западе соотносится со сменой общественного устройства. По каждой из сфер общественного бытия оно принципиально различалось с тем устройством, которые предписывало христианство.

В *сфере экономики* происходит отступление от религиозной установки труда. Трудовая экономика оказалась заменена осуждаемой с религиозной позиции экономикой спекулятивной (или по Аристотелю – хрематистикой). В *сфере финансов* произошла легитимизация осуждаемого прежде на уровне папских энциклик ростовщичества.

Политическая сфера оказалась секуляризована и десакрализована. Теократия была заменена демократией. Монархический принцип как проекция Царствия Небесного отрицался. Ставшие нормой политические манипуляции соотносились с образом главного манипулятора – Сатаной.

Сфера социальных отношений выстраивается на принципах конкуренции, что прямо противоположно религиозным установкам солидаризации и любви к ближнему. Происходит снятие табу, имевших в традиционном обществе характер религиозных заповедей. Изгоняется из общественной сферы само понятие греха. Отброшен оказался фактически полностью и ориентир аскезы. Формируемые целевым образом через рекламу потребительство и гедонизм находятся в очевидном противоречии с христианскими уста-

новками разумного воздержания. Культ потребления и гедонизма воссоздаёт образы нового падшего Вавилона.

Сфера юриспруденции, взявшая за основу доктрину прав человека, впала фактически, по оценке патриарха Московского Кирилла, в ересь человекопоклонства¹. Современная система, утверждающая безусловность наделения человека по своему рождению определёнными естественными правами, противоречит религиозному осмыслению установления прав как дара и заповедей Божьих.

Вероятно, самой яркой и очевидной иллюстрацией разрыва современного западного общества с христианской традицией явилась *сфера семейно-брачных отношений*. Характеристика Запада как нового Содомы является сегодня в мире устоявшейся. Содомизация западного общества осуществляется форсированно. ЛГБТ-сообщество (запрещённое в России) диктует свою повестку большинству. Пол как естественная принадлежность человека, таким каким создал, сообразно с религиозным преданием, Адама и Еву Господь, оказался подменён гендером, который есть субъективная репрезентация. Упразднены оказались религиозные установления в отношении мужских и женских распределений ролей в семье. Понимание семьи как малой Церкви было отвергнуто уже давно. Вслед за этим оказалась утрачено и главенствующее положение мужчины в семейной иерархии. Феминизм в своём развитии дошёл до фактического культа ведьмы и обоснования неоматриархата.

Сфера культуры оказалось пространством пропаганды пороков. То, что определяется как современное искусство, является фактически реализацией технологий расчеловечивания.

Дмитрий Карамазов в своём знаменитом монологе о красоте рассуждал,

¹ Патриарх Кирилл призвал к защите веры от «глобальной ереси человекопоклонничества» // Интерфакс [сайт]. URL: <https://www.interfax.ru/russia/499346> (дата обращения: 06.03.2024).

что, начав с культа Мадонны, человек доходит до содомии. Откуда такая, на первый взгляд, странная заданность? В России Богородицу никогда не называли Мадонной. Культ Мадонны возник в Европе и имел католическое происхождение. Мадонна стала воспеваться как вечная женственность, идеал «прекрасной дамы». От иконописного плоскостного изображения сакральных персонажей Библии Европа в период Ренессанса перешла к изображениям более реалистическим – плотским. Это был первый шаг. Плотское, рассуждал герой Достоевского, само по себе будет объективно порождать сладострастие. На первом этапе это будет плотское влечение к женщине. Но сладострастие требует постоянного повышения остроты влечений. И вот уже влечение к даме замещается содомией. Дальше зоофилия и прочие извращения. Отделение эстетического от духовного приводит к её отделению и от идеального, а далее неизбежно к эстетизации безобразия и пороков.

Эстетика цивилизаций выстраивалась на представлении о существовании высшей красоты, связываемой с высшей духовностью. В силу этой связи и зарождалась красота. Красивым объект или деяние становились ввиду их приближённости к идеалу. Идеал, в свою очередь, являлся идеальным, будучи соединённым с трансцендентным, в понимании традиционных религий – с божественным. Антицивилизация отделяет эстетику от идеального и духовного. Следствием такого отделения является эстетизация безобразного. В гонке самовыражения человек-постмодернист заявляет, что гадость и мерзость есть красота.

В *сфере образования* оказалось выхолощено главное в его религиозном осмыслении – познание различий добра и зла. В Соединённых Штатах Америки уже начато факультативное изучение Основ сатанизма. Изданы иллюстрированные учебники для детей.

В округе Ориндж штата Флорида учащимся предлагается ознакомиться с основами сатанизма в интерактивном игровом формате. В предлагаемой школьникам десятистраничной «Большой сатанинской книге для детей» сатанисты мальчик Дэмиен и девочка Аннабель рассказывают сверстникам об увлекательных «сатанинских» ритуалах¹.

И вот уже то, что традиционно понималось как добродетель, оказывается ненормативным. Добродетельные учащиеся в школах являются объектом насмешек, а порочные – примером для подражания. Устанавливается система, которую можно определить как «тоталитаризм толерантности». В 2015 г. в американском Детройте устанавливается памятник сатане в образе Бафомета. Рядом с сатаной – фигуры обучаемых им детей.

Религия была жёстко отделена от *сферы познания*. Современная наука и формировалась на разрыве с религией и противопоставлении ей. Многие из того, что провозглашается научно-техническим мейнстримом, весьма сомнительно с позиций религии. Вызовом в отношении религиозной традиции является, в частности, введение понятия «искусственный интеллект». Это понятие предполагает, что машинные алгоритмы подобны интеллекту человека, и он не есть исключительно творение Божье, а может быть продуктом технологического конструирования. В США уже зарегистрирована религиозная организация, где искусственный интеллект определён в качестве бога [2].

Явные богоборческие мотивы в *сфере антропологии* проявляются в развитии направления трансгуманизма, выступающего за пересборку человека. Человек как Божественное творение для транс-

¹ В Америке выпустили «Большую сатанинскую книгу» // 5 канал: [сайт]. URL: <https://www.5-tv.ru/news/96586/> (дата обращения: 06.03.2024); Школьники американского штата Флорида изучат основы сатанизма // Политикс: [сайт]. URL: <https://politikus.ru/events/32313-shkolniki-amerikanskogo-shtata-florida-izuchat-osnovy-satanizma.html> (дата обращения: 06.03.2024).

гуманистов не совершенен. Вместо образа и подобия Божьего создаётся новый антропологический тип – киборг. С эссе «Манифест киборгов» Д. Харауэй выступила ещё в 1985 г., и с того времени тема киборгизации продвинулась далеко [34].

Заключение

Таким образом, по всем существующим сферам общественного устройства и тенденциям их развития на Западе можно зафиксировать складывание модели, прямо противоположной традиционному христианскому пониманию. Антагонизмность подходов позволяет говорить о фактическом её соответствии тому, что определялось в религиозной мысли как «сатанократия», «царство антихриста», «цивилизация Каина», «новый Содом», Антицивилизация. Возможны две объяснительные версии её формирования и третья – их синтезирующая.

По первой версии, *антицивилизация* складывается ввиду действия совокупных факторов исторической энтропии. Вторая версия состоит в том, что *сатанократия* формируется целевым образом,

сообразно с замыслом проектировщиков соответствующего процесса. В пользу этого объяснения говорит ускорение этого процесса на современном этапе, указывающее на его искусственность. Та динамика, которую приобрела, к примеру, содомизация Запада, не могла бы быть достигнута при обычном саморазложении (гниении). Третья синтезирующая версия предполагает, что действуют и факторы энтропии, и целевых усилий проектировщиков.

Принятие за основу этой третьей позиции означает буквально, что Россия в Специальной военной операции ведёт борьбу не только с украинским нацистским режимом, и не только с коллективным Западом, и даже не только с глобальным олигархатом, а с силами Сатаны и идеологией сатанизма. Борьба же с Сатаной имеет своё наименование – Армагеддон. А если происходящее есть в сути своей Армагеддон, то и та модель мобилизации, о которой говорил президент России, приобретает совершенно особый характер [4].

Дата поступления в редакцию 18.03.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Аникин А. В. Адам Смит. М.: Молодая гвардия, 1968. 257 с.
2. Багдасарян В. Э. Заглянуть за черту. Искусственный интеллект и Постчеловек: проблема ценностного программирования. М.: ИИУ МГОУ, 2019. 84 с.
3. Багдасарян В. Э., Иерусалимский Ю. Ю., Сильвестр, архимандрит (Лукашенко С. П.). Хаос как стратегия глобализма. М.: Отчий дом, 2023. 688 с.
4. Багдасарян В. Э., Реснянский С. И. Русская эсхатология: история общественной мысли России в фокусе апокалиптики. М.: БОС, 2022. 323 с.
5. Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Религиозное и научное познание. М.: Научный эксперт, 2013. 344 с.
6. Баранов А. В. Образ "большого сатаны" в концепции аятоллы Али Хаменеи // История и историческая память: сб. науч. тр. Вып. 15 / под ред. А. В. Гладышева. Саратов: Сарат. гос. ун-т, 2017. С. 52–67.
7. Батиев Л. В. Гуго Гроций о естественном праве в широком и узком смыслах // Философия права. 2013. № 5. С. 12–16.
8. Батиев Л. В. Закон и право в философии Фомы Аквинского // Философия права. 2012. № 1. С. 16–121.
9. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 2. Игры обмена / пер. с фр. Л. Е. Куббеля. М.: Весь Мир, 2006. 672 с.
10. Владимирова А. Апостолы: гностико-эллинские истоки христианства. М.: Беловодье, 2003. 582 с.
11. Гвардини Р. Конец Нового времени // Вопросы философии. 1990. № 4. С. 127–163.

12. Горяинов О. В. Особенности естественно-правовой теории Т. Гоббса в контексте метафизики человека // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 1. С. 4–10.
13. Гуревич А. Я. Средневековый мир: Культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 396 с.
14. Джон Г. Включение оккультных традиций в натурфилософию раннего Нового времени: новый подход к проблеме упадка магии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2013. № 1. С. 53–91.
15. Дидикин А. Б. Современные теории естественного права и классическая традиция // Scholē. Философское антиковедение и классическая традиция. 2014. Т. 8. С. 418–424.
16. Зомбарт В. Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономического человека. Евреи и хозяйственная жизнь / пер с нем. М.: Айрис-пресс, 2004. 624 с.
17. Ивушкин А. С. Эволюция понятий «Естественное права» и «Права человека» [Электронный ресурс] // Наука. Общество. Государство 2016. Т. 4. № 2. https://esj.pnzgu.ru/files/esj.pnzgu.ru/ivushkin_as_16_2_06.pdf (дата обращения: 06.03.2024).
18. Йейтс Ф. А. Джордано Бруно и герметическая традиция / пер. Г. Дашевского. М.: Новое литературное обозрение, 2000. 528 с.
19. Йонас Г. Гностицизм / сост. Ю. А. Сандулов. СПб.: Лань, 1998. 384 с.
20. Краснова И. А., Велмчко Л. Н. Борьба политических фракций или фэйда: истоки возникновения партий гвельфов и гибеллинов во Флоренции // Гуманитарные и юридические исследования. 2014. № 1. С. 18–25.
21. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Мысль, 2001. 558 с.
22. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М.: Академический проект, 2017. 646 с.
23. Морамарко М. Масонство в прошлом и настоящем / пер. с итал. В. П. Гайдука. М.: Прогресс, 1989. 304 с.
24. Обичкина Е. Евангелие от Робеспьера // Наука и религия. 1989. № 8. С. 11–16.
25. Острцов В. М. Масонство, культура и русская история. М.: Штрихтон, 1998. 696 с.
26. Поснов М. Э. Гностицизм II в. и победа христианской церкви над ним. М.: ARCHIVE PUBLICA, 2024. 896 с.
27. Саввин А. В. Современный сатанизм: идейные истоки, доктрина, практика: дис. ... канд. философ. наук. М.: РАГС, 1999. 152 с.
28. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1962. С. 253–331.
29. Смит А. Теория нравственных чувств. М.: АСТ, 2022. 512 с.
30. Соколов В. В. К исторической характеристике пантеизма в западноевропейской философии // Философские науки (Научные доклады высшей школы). 1960. № 4. С. 77–87.
31. Тощенко Ж. Т. Теократия как форма взаимодействия религии и власти // Философские науки. 2002. № 3. С. 5–12.
32. Трофимова М. К. Историко-философские вопросы гностицизма. М.: Наука, 1979. 216 с.
33. Фурсов А. И. De Conspiratione: капитализм как заговор. Т. I. 1520–1870-е годы // De Conspiratione / сост. А. И. Фурсов. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2013. С. 7–143.
34. Харауэй Д. Манифест киборгов. Наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. 128 с.
35. Хейзинга Й. Осень Средневековья / пер. Д. В. Сильвестрова. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2011. 768 с.
36. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. В 2 тт. / пер. с нем. И. И. Маханькова. М.: Айрис-пресс, 2003. 1163 с.
37. Яковенко В. И. Адам Смит. Его жизнь и научная деятельность. СПб.: Общественная польза, 1894. 89 с.
38. Cole A. Literature and Heresy in the Age of Chaucer. Cambridge University Press, 2008. 297 p.
39. Colton W., McMahon A. Identifying QAnon Conspiracy Theory Adherent Types // New Political Science. 2022. № 44. P. 607–627.
40. Cottrell-Boyce A. Israelism in Modern Britain. New York: Routledge, 2021. 246 p.
41. Kelly J. History and Heresy. How Historical Forces Can Create Doctrinal Conflicts. Liturgical Press, 2012. 215 p.

42. Robbins A. *Secrets of the Tomb: Skull and Bones, the Ivy League, and the Hidden Paths of Power*. Boston: Little, Brown, 2002. 240 p.
43. Scholem G. *Sabbatai Sevi: The Mystical Messiah: 1626–1676*. London: Routledge Kegan Paul: 1973. 1000 p.
44. Waddy L. *Pax Romana and world peace*. Norton, New York: Michigan State University, 1950. 240 p.
45. Werblowsky R. J. Z. *Lusefer and Prometheus. A study of Milton's Satan*. L.: Routledge, 1952. 140 p.
46. Zickmund S. *Constructing Political Identity: Religious Radicalism and the Rhetoric of the Iranian Revolution* // Poroi. 2003. № 2. P. 22–41.

REFERENCES

1. Anikin A. V. *Adam Smith [Adam Smit]*. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1968. 257 p.
2. Bagdasaryan V. E. *Zaglyanut za chertu. Iskustvennyy intellekt i Postchelovek: problema tsennostnogo programmirovaniya [Look beyond the line. Artificial intelligence and Posthuman: the problem of value programming]*. Moscow, MRSU Ed. off. Publ, 2019. 84 p.
3. Bagdasaryan V. E., Iyerusalimskiy Yu. Yu., Silvestr, arkhimandrit (Lukashenko S. P.). *Khaos kak strategiya globalizma [Chaos as a strategy of globalism]*. Moscow, Otchiy dom Publ, 2023. 688 p.
4. Bagdasaryan V. E., Resnyanskiy S. I. *Russkaya eskhatologiya: istoriya obshchestvennoy mysli Rossii v fokuse apokaliptiki [Russian eschatology: the history of social thought in Russia in the focus of apocalypticism]*. Moscow, BOS Publ., 2022. 323 p.
5. Bagdasaryan V. E., Sulakshin S. S. *Religioznoye i nauchnoye poznanie [Religious and scientific knowledge]*. Moscow, Nauchnyy ekspert Publ., 2013. 344 p.
6. Baranov A. V. [The image of “Big Satan” in the concept of Ayatollah Ali Khamenei]. In: Gladyshev A. V., ed. *Istoriya i istoricheskaya pamyat Vyp. 15 [History and historical memory: The interuniversity collection of proceedings. Vol. 15]*. Saratov, Sarat. gos. un-t Publ., 2017, pp. 52–67.
7. Batiyev L. V. *Hugo Grotius on natural law in the broad and narrow senses*. In: *Filosofiya prava [Philosophy of Law]*, 2013, no. 5, pp. 12–16.
8. Batiyev L. V. *Law and regulations in philosophy of Thomas Aquinas*. In: *Filosofiya prava [Philosophy of Law]*, 2012, no. 1, pp. 116–121.
9. Braudel F. *Civilisation matérielle, économie et capitalisme, XVe–XVIIIe siècle* (Rus. ed.: Kubbel L. E., transl. *Materialnaya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. T. 2. Igry obmena*. Moscow, Ves Mir Publ., 2006. 672 p.)
10. Vladimirov A. *Apostoly: gnostiko-ellinskiye istoki khristianstva [Apostles: Gnostic-Hellenic origins of Christianity]*. Moscow, Belovodye Publ., 2003. 582 p.
11. Gvardini R. [The end of New Times]. In: *Voprosy filosofii [Questions of Philosophy]*, 1990, no. 4, pp. 127–163.
12. Goryainov O. V. [Features of T. Hobbes' Natural Law Theory in the context of human metaphysics]. In: *Aktualnyye problemy rossiyskogo prava [Actual Problems of Russian Law]*, 2008, no. 1, Moscow, MGYUA Publ., pp. 4–10.
13. Gurevich A. Ya. *Srednevekovyy mir: Kultura bezmolstvuyushchego bolshinstva [The Medieval World: The Culture of the Silent Majority]*. Moscow, Iskustvo Publ., 1990. 396 p.
14. Henry J. [The Absorbition of Occult Traditions into Early Modern Natural Philosophy: A New Account of the Decline of Magic]. In: *Gosudarstvo, religiya, tserkov v Rossii i za rubezhom [State, Religion and Church in Russia and Worldwide]*, 2013, no. 1, pp. 53–91.
15. Didikin A. B. [Modern Natural Law Theories and the Classical Tradition]. In: *Schole. Filosofskoye antikovedeniye i klassicheskaya traditsiya [Schole. Philosophical antiquity and the classical tradition]*, 2014, vol. 8, pp. 418–424.
16. Zombart V. *Zur Geistesgeschichte des modernen Wirtschaftsmenschen* (Rus. ed.: Burzhua: *etyudy po istorii dukhovnogo razvitiya sovremennogo ekonomicheskogo cheloveka. Yevrei i khozyaystvennaya zhizn*. Moscow, Ayris-press Publ., 2004. 624 p.)
17. Ivushkin A. S. [Evolution of the concepts “Natural Law” and “Human Rights”]. In: *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo [Science. Society. State]*, 2016, vol. 4, no. 2. Abstract at: <http://esj.pnzgu.ru> ISSN 2307-9525 (accessed: 06.03.2024)
18. Yates F. A. *Giordano Bruno and the hermetic tradition* (Rus. ed.: *Dzhordano Bruno i germeticheskaya traditsiya*. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2000. 528 p.

19. Jonas G. Der Gnostizismus (Rus. ed.: Sandulov Yu. A., ed. Gnostitsizm. St.Petersburg, Lan Publ., 1998. 384 p.)
20. Krasnova I. A., Velichko L. N. [The struggle of political factions or fida: the origins of the parties of the Guelphs and the Ghibellines in Florence]. In: Gumanitarnyye i yuridicheskiye issledovaniya [Humanities and law research], 2014, no. 1, pp. 18–25.
21. Losev A. F. Dialektika mifa [Dialectics of myth]. Moscow, Mysl Publ., 2001. 558 p.
22. Losev A. F. Estetika Vozrozhdeniya [Aesthetics of the Renaissance]. Moscow, Akademicheskii proyekt Publ., 2017. 646 p.
23. Moramarko M. (Rus. ed.: Gajduk V. P., transl. Masonstvo v proshlom i nastoyashchem). Moscow, Progress Publ., 1989. 304 p.
24. Obichkina Ye. [The Gospel of Robespierre]. In: Nauka i religiya [Science and Religion], 1989, no. 8, pp. 11–16.
25. Ostretsov V. M. Masonstvo, kultura i russkaya istoriya [Freemasonry, culture and Russian history]. Moscow, Shtrikhton Publ., 1998. 696 p.
26. Posnov M. E. Gnostitsizm II v. i pobeda khristianskoy tserkvi nad nim [Gnosticism of the 2nd century and the victory of the Christian Church over it]. Moscow, ARCHIVE PUBLICA Publ., 2024. 896 p.
27. Savvin A. V. Sovremennyy satanizm: ideynyye istoki, doktrina, praktika: dis. ... kand. filosof. Nauk [Modern Satanism: ideological origins, doctrine, practice: Cand. Sci. thesis in Philosophical sciences]. Moscow, 1999. 152 p.
28. Smit A. Study on the Nature and Causes of the Wealth of Nations (Rus. ed.: Issledovaniye o prirode i prichinakh bogatstva narodov. Moscow, Izdatelstvo sotsialno-ekonomicheskoy literatury Publ., 1962. 684 p.)
29. Smit A. Theory of moral feelings (Rus. ed.: Teoriya nraivstvennykh chuvstv. Moscow, AST Publ., 2022. 512 p.)
30. Sokolov V. V. [On the historical characteristics of pantheism in Western European philosophy]. In: Filosofskiy nauki (Nauchnyye doklady vysshey shkoly) [Philosophical sciences (Scientific reports of higher education)], 1960, no. 4, pp. 77–87.
31. Toshhenko Zh. T. [Theocracy as a form of interaction between religion and power]. In: Filosofskiy nauki [Philosophical Sciences], 2002, no. 3, pp. 5–12.
32. Trofimova M. K. Istoriko-filosofskiy voprosy gnostitsizma [Historical and philosophical issues of Gnosticism]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 216 p.
33. Fursov A. I. [De Conspiracione: capitalism as a conspiracy. Vol. I. 1520–1870s]. In: Fursov A. I., ed. De Conspiracione. Moscow, Tovarichestvo nauchnykh izdaniy KMK Publ., 2013, pp. 7–143.
34. Haraway D. J. A Cyborg manifesto: science, technology, and socialist-feminism in the late twentieth century (Rus. ed.: Manifest kiborgov. Nauka, tekhnologiya i sotsialisticheskii feminizm 1980-kh. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2017. 128 p.)
35. Huizinga J. Herfst van de Middeleeuwen (Rus. ed.: Silvestrova D. V., transl. Osen Srednevekovyia St. Petersburg, Izdatelstvo Ivana Limbakha Publ., 2011. 768 p.)
36. Spengler O. Untergang Europas. Essays zur Morphologie der Weltgeschichte. In 2 Bänden (Rus. ed.: Makhankov I. I., transl. Zakat Yevropy. Ocherki morfologii mirovoy istorii: v 2 tt. Moscow, Mysl Publ., 1993.)
37. Yakovenko V. I. Adam Smit. Yego zhizn i nauchnaya deyatel'nost' [Adam Smith. His life and scientific activities]. St. Petersburg, Obshchestvennaya polza Publ., 1894. 89 p.
38. Cole A. Literature and Heresy in the Age of Chaucer. Cambridge University Press, 2008. 297 p.
39. Colton W., McMahon A. Identifying QAnon Conspiracy Theory Adherent Types. In: New Political Science, 2022, no. 44, pp. 607–627.
40. Cottrell-Boyce A. Israelism in Modern Britain. New York, Routledge, 2021. 246 p.
41. Kelly J. History and Heresy. How Historical Forces Can Create Doctrinal Conflicts. Liturgical Press, 2012. 215 p.
42. Robbins A. Secrets of the Tomb: Skull and Bones, the Ivy League, and the Hidden Paths of Power. Boston, Little, Brown, 2002. 240 p.
43. Scholem G. Sabbatai Sevi: The Mystical Messiah: 1626–1676. London, Routledge Kegan Paul, 1973. 1000 p.
44. Waddy L. Pax Romana and world peace. Norton, New York, Michigan State University, 1950. 240 p.

45. Werblowsky R. J. Z. Lusefer and Prometheus. A study of Milton's Satan. L.: Routledge, 1952. 140 p.
46. Zickmund S. Constructing Political Identity: Religious Radicalism and the Rhetoric of the Iranian Revolution. In: Poroj, 2003, no. 2, pp. 22–41.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права Государственного университета просвещения;
e-mail: vardanb@mail.ru

Архимандрит Сильвестр (Лукашенко) – настоятель храма св. великомученика Андрея Стратилата с. Сулость Ростовского района Ярославской области, председатель Ярославского церковно-исторического общества, член Общественной палаты Ярославской области;
e-mail: ekaterina.monos@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vardan E. Bagdasaryan – Dr. Sci. (History), Prof., Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Federal State University of Education;
e-mail: vardanb@mail.ru

Archimandrite Sylvester (Lukashenko) – Rector of the Church of the Holy Great Martyr Andrei Stratilat, vil. Sulost, Rostov District, Yaroslavl Region, Chairman of the Yaroslavl Church Historical Society, member of the Civic Chamber of the Yaroslavl Region;
e-mail: ekaterina.monos@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Багдасарян В. Э., Сильвестр, архимандрит (Лукашенко С. П.). Исторический генезис антихристианства на современном западе: сатанизм западных элит как политическая реальность // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 3. С. 22–39.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-22-39

FOR CITATION

Bagdasaryan V. E., Archimandrite Sylvester (Lukashenko S. P.). The historical genesis of Anti-Christianity in the contemporary West: Satanism of western elites as a political reality. In: Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences, 2024, no. 3, pp. 22–39.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-22-39

УДК: 141.72

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-40-57

ПРОПАГАНДА ФЕМИНИЗМА И ЕЁ ПОСЛЕДСТВИЯ

Фролов К. А.¹, Коростелева А. В.²¹Институт стран СНГ

119180, г. Москва, ул. Б. Полянка, д. 7/10, к. 3, Российская Федерация

²Российский государственный гуманитарный университет

125047, г. Москва, Миусская пл., д. 6, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Решить проблемы, связанные с феминизмом, и предложить решения, которые могут помочь преодолеть эти проблемы.

Процедура и методы. Предпринимается критический анализ последствий феминистской пропаганды с особым акцентом на её потенциальном влиянии на демографическую ситуацию. В исследовании применены методы: статистический метод, корреляционный и регрессионный анализ, выборка, сравнительный и историко-генетический метод.

Результаты. Проанализирована связь между распространением феминизма и рождаемостью в разных странах мира. Предложены решения выхода из демографической ситуации

Теоретическая и/или практическая значимость. Предполагается, что решение вопросов женского равенства в рамках христианства может обеспечить более органичный подход, лишённый тех издержек, которые возникают в ходе западной пропаганды феминизма. Представленное всестороннее исследование предмета, проливает свет на потенциальные последствия феминистской пропаганды.

Ключевые слова: феминизм, демография, женщина, семья, викканство, неоязычество

PROPAGANDA OF FEMINISM AND ITS CONSEQUENCES

K. Frolov¹, A. Korosteleva²¹The Institute of CIS countries

ul. B. Polyanka 7/10-3, Moscow 119180, Russian Federation

²Russian State University for the Humanities

Miusskaya pl. 6, Moscow 125047, Russian Federation

Abstract

Aim. To address problems related to feminism and propose solutions that can help overcome them.

Methodology. A critical analysis of the implications of feminist propaganda is undertaken, with a particular emphasis on its potential impact on demography. The following methods were used in the study: statistical method, correlation and regression analysis, sampling, comparative and historical-genetic method.

Results. The connection between the spread of feminism and fertility in different countries of the world is analyzed. Solutions to overcome the demographic situation are proposed.

Research implications. It is assumed that addressing issues of women's equality within the framework of Christianity can provide a more organic approach, devoid of the costs that arise in the course of Western propaganda of feminism. The article is a comprehensive examination of the subject, shedding light on the potential consequences of feminist propaganda.

Keywords: feminism, demography, woman, family, Wicca, neo-paganism

Введение

Перед лицом демографического кризиса в России становится крайне важно устранить потенциальные негативные последствия, связанные с широким распространением феминизма, как это наблюдается на примере западной цивилизации, где он способствовал значительному снижению рождаемости¹. Вместо этого целесообразно изучить опыт стран, где феминистские идеи имеют ограниченную популярность, но преобладают высокие показатели рождаемости (табл. 1–2). Изучая потенциальное влияние феминистской идеологии, мы можем получить представление об альтернативных подходах, которые могут помочь смягчить демографические проблемы, с которыми сталкивается страна. Для решения этой проблемы необходимо предоставить комплексный анализ феминистской идеологии и её потенциального влияния на российское общество, чтобы определить необходимые меры для предотвращения негативных последствий и сохранения традиционных ценностей.

История феминистического движения

Феминизм как движение за права женщин и равенство полов прошёл через несколько этапов развития, называемых волнами феминизма.

Первая волна феминизма (конец XIX – начало XX вв.) началась в США и Великобритании в конце XIX в. и была тесно связана с борьбой за политические права женщин, включая право голоса (суфражистки). Эта волна ставила вопросы равноправия и политического участия женщин на повестку дня [8].

Вторая волна феминизма (1960–1980-е гг.) возникла в 1960-х гг. на фоне глобальных тенденций, характерных для того времени и связанных с борьбой за гражданские права и антивоенным дви-

жением в США. Основные темы второй волны: равное вознаграждение, репродуктивные права, борьба с домашним насилием и сексизмом, а также осознание гендерных стереотипов.

Третья волна феминизма (1990-е гг. – 2010 г.) характеризуется широким спектром тем, включая вопросы сексуальности, расового и культурного многообразия, идентичности, трансфеминизма и интерсекциональности; акцентирует внимание на многообразии женского опыта и обеспечении их взаимодействия и поддержки.

Четвёртая волна феминизма (с начала 2010-х гг. – настоящее время) отличается активным использованием социальных медиа и интернета для организации и активизации феминистических действий; фокусируется на борьбе с сексизмом в интернете, поддержке жертв насилия, активизме через хештеги (например, #MeToo) и на вопросах трансгендерных прав.

Каждая из волн феминизма вносит собственный вклад в борьбу за равенство полов и призывает к изменениям в обществе в целях повышения осведомлённости о проблемах, с которыми женщины сталкиваются, а также улучшения условий их жизни.

Феминизм и роль женщины в христианстве

Феминистическое движение развивалось по принципу перехода от рациональных зёрен и решения подлинных социальных проблем ко всё более разрушительным тенденциям. Важнейшими достижениями первой волны стали избирательное право для женщин, доступ к образованию и работе, владение собственностью. Вторая волна феминизма позволила расширить права женщин, дать равные возможности в образовании, трудоустройстве, оплате труда и политическом участии. Именно этот период отмечен появлением многих женских организаций и приютов для жертв семейного насилия.

¹ Росстат отчитался о снижении рождаемости в первом квартале // РБК: [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/08/05/2024/663ba14f9a79473027445da4> (дата обращения: 19.05.2024).

Третья и четвёртая волны фокусируются уже исключительно на вопросах гендера, на сексуализированном насилии и домогательствах, критике гендерных стереотипов в кино, рекламе и музыке. Именно они привели к массовому отказу женщины от создания семьи и рождения детей, к *cancel culture*.

Здесь нужно подойти к вопросу комплексно и глубоко, потому что декларируемые задачи зачастую не соответствуют целям. Во-первых, когда декларируются обычные гуманитарные задачи, например, избирательные права женщин, то на самом деле они служат лишь поводом для постановки базовых вопросов феминизма как антихристианского, антисемейного, антинационального движения.

В сфере христианства, особенно в православии, крайне важно обратить внимание на ключевое положение женщины. Её роль была исторически и духовно не только существенна, но и сравнима с ролью апостолов. Более того, эта роль имеет значительный авторитет и политическое влияние. В данном контексте крайне важно отметить таких выдающихся личностей, как императрицу Елену и Ирину, а также Феодору, жену императора Юстиниана, которые почитаются в лике святых как равноапостольные. Кроме того, княгиня Ольга, «начальница веры» и «корень Православия» на русской земле, сыграла ключевую роль в истории Руси, проявив себя как стойкий политик, способствовавший распространению христианства, укрепивший Киевское государство и положивший начало каменному градостроительству на Руси.

Одной из величайших женщин является преподобная Евфросиния Московская (в миру благоверная княгиня Евдокия), известная в России своими подвигами [4]. Несмотря на то, что она вышла замуж в очень молодом возрасте и вырастила 12 детей, она активно участвовала в строительстве церквей и монастырей, став первой женщиной-ктитором на Руси. После смерти своего супруга,

благоверного великого князя Димитрия Донского, святая Евдокия, по словам агиографа, «стала прилагать труды к трудам, подвиги к подвигам», вместе с тем продемонстрировав исключительные управленческие способности, сочетая личный аскетизм с подвигом гражданского служения своему народу и родной земле [1]. Евфросиния оказала значительное влияние на культуру и политику своей эпохи. Её обширная благотворительная деятельность включала поддержку обездоленных, вдов и сирот. Несмотря на перенесённую горе – потерю мужа, смерть детей в младенчестве, пленение сына, осаду врагов, непрекращающиеся народные бедствия (пожары, мор, голод, войны) – она оставалась сильна.

В светском контексте интересно рассмотреть личность Екатерины Великой, предпринявшей решительные действия по устранению своего мужа, которого она считала предателем родины и веры. Пётр III, стремясь к заключению мира с Пруссией, принял решение о возвращении Восточной Пруссии без каких-либо дополнительных условий, удовлетворяя таким образом ключевые требования Фридриха II. Проект мирного договора, предложенный Петром III, был составлен в канцелярии прусского короля, что подчёркивает степень уступчивости российского императора в этом вопросе. Кроме того, Пётр не ограничивался незначительными изменениями в сфере духовной жизни, а выпустил распоряжения, указывающие на масштабные преобразования в сфере православных церковных обрядов. Эти планы вызвали серьёзное недовольство в русском обществе, учитывая известное пренебрежение императора к православным традициям [3, с. 15]. Екатерина Великая ликвидировала предателя, чтобы обезопасить империю и защитить веру.

На примере этих женщин можно сделать вывод, что проблемы, связанные с великой ролью женщины, её деятельностью, воплощением замысла Божия

о ней и её роли в миссии, в политике, в геополитике, в утверждении православия Российской империи, были решены без необходимости внедрения концепции феминизма. Эти вопросы женского равенства решались естественным путём, без участия радикальных женских движений.

В своей работе «Бабье царство: дворянки и владение имуществом в России (1700–1861)» [5] американская исследовательница М. Маррезе подчёркивает, что русские дворянки пользовались правом наследовать и распоряжаться собственностью на столетие раньше, чем европейские женщины. Примечательно, что в 1906 г. женщины в Финляндии, которая в то время была частью Российской империи, получили право голоса, и это первый случай на территории Европы. А это право не было предоставлено в странах, где суфражистки были наиболее активны. Учитывая исторический контекст, становится очевидным, что женщины де-факто имели политическое влияние, что затем воплотилось в их юридических правах. Избирательные права в глобальном политическом смысле всегда выходили за рамки юридически признанных прав, относясь к фактическому влиянию, которое женщины имели на политические процессы и институты на протяжении истории.

Поэтому вопрос о женских правах относится к техническим и опциональным вопросам, влияние которых определяется христианским учением и традиционным мировоззрением, основанным на принципах равенства перед Богом. Дело в том, что формальный правовой порядок несовместим с русским национальным характером. Русский народ всегда ставил моральные принципы и личное самосознание выше формальных норм организации общественной жизни. Западная правовая культура, основанная на рационализме, отличается самодостаточностью правовых норм и их абсолютизацией, что приводит к диктату права над этикой

поведения. В русской правовой культуре, напротив, этика рассматривается как высшая ценность, определяющая правовые нормы [7]. В данном случае имеет место различие между узким и глобальным смыслом закона: в нашем цивилизационном контексте речь идёт не столько о юридическом законе, о правовом аспекте социального существования, сколько о духовном фундаменте, выстроенном на христианском мировоззрении. В этом контексте женщины не ущемлялись в правах и не считались «людьми второго сорта», т. к. в Христе Иисусе нет различия между мужчиной и женщиной (Гал. 3:28). Это положение является фундаментальным и не требует для своего обоснования привлечения идей феминизма.

Для расширения возможностей женщин было необходимо последовательное развитие православной Российской империи и других государств, основанных на христианских ценностях. Феминизм же как движение, возникшее в рамках либерализма и глобализма, изначально не имел отношения к естественным вопросам женских прав и использовал лозунги о женском равноправии как прикрытие для достижения более радикальных целей. Как политическое движение феминизм един, а его разделение на умеренное и радикальное крыло существует лишь на поверхности, где радикалы служат для создания впечатления большей респектабельности умеренных феминисток. Цели движения всегда радикальны, и со временем радикализм становится нормой и основным течением. Умеренные лозунги о женском правовом равноправии были лишь предвестником реализации «четвёртой волны» феминизма, начавшейся в 2011 г. Одним из первых шагов этой волны стала легализация аборт, что рассматривается как массовое убийство и геноцид, противоречащий христианскому учению о человеке, потому что с момента зачатия мы имеем дело с личностью, сотворённой Богом, с человеком, состоящим из духа, души и тела.

Изначально все эти цели ставились феминистическим движением уже на первом этапе, но официально были раскрыты только феминизмом «четвёртой волны», потому что все остальные 3 этапа были подготовительными. Предположение о том, что уже на первом этапе подлинной целью было разрушение семьи, пока остаётся гипотезой и не имеет научных доказательств. Однако феминистическое движение, как мы видим, разворачивалось по своей внутренней логике: в нём нет ничего неожиданного, т. к. каждая последующая волна предсказуемо приходит на смену предыдущей.

Современный феминизм представляет собой разнообразное движение, включающее в себя множество течений с различными целями и методами. Среди них можно выделить либеральный, радикальный, социалистический, марксистский, гуманистический, психоаналитический, экологический, культурный и постмодернистский феминизмы. Несмотря на различия в подходах, все эти ветви феминизма объединяет гендерный анализ человеческой природы, где основной фокус направлен на пол и роль женщины в обществе.

Важно, что при всём многообразии феминистических течений, умеренный феминизм, хотя и не представляет свои цели в качестве противоречащих традиционным представлениям о семье и общественном укладе, однако, на самом деле стремится к их радикальному переосмыслению и разрушению. Основной целью феминизма является переосмысление христианского учения о человеке и о роли женщины в обществе, что ведёт к деконструкции традиционного понимания семейных отношений.

С. де Бовуар, одна из ключевых фигур феминистского движения «второй волны», утверждает: «Христианская идеология немало способствовала угнетению женщины». Концепция феминизма основывается на утверждении: «Истина заключается в том, что именно правила,

придуманные мужчинами, и общество, созданное ими и в их интересах, поставили женщину в такое положение, которое в настоящее время стало причиной мучений и женщин, и мужчин»¹.

Согласно этой идее, средневековое христианское мировоззрение в сочетании с буржуазной моралью ведёт к подчинённому положению женщины, что, по мнению феминисток, должно быть устранено. Следовательно, должен быть нивелирован и традиционный институт семьи. Американская писательница, активистка феминистического движения Б. Фридан² утверждает, что традиционная модель женственности, заведомо ограничивающая женщину рамками семьи, препятствует её духовному росту и лишает общество ценного человеческого потенциала. Фридан призывает женщин к «новому жизненному плану», где приоритетом является получение образования и построение карьеры перед созданием семьи. Она подчёркивает необходимость самореализации женщин в публичной сфере, считая, что они должны иметь возможность задавать себе вопросы: «Кто я? Чего я хочу от жизни?» без чувства вины и без страха быть осуждёнными за «эгоизм» или «невротизм»³. «Мы не можем больше игнорировать голоса женщин, которые говорят: “Я хочу большего, чем муж, дети и дом”»⁴. Это «большее», по мнению Фридан, – самореализация в профессиональной сфере.

Такая идеология продвигается постепенно, используя методы «дрессировки» общественного мнения. Сначала радикальные идеи внедряются через маргинальные движения, от которых «умеренные» феминистки впоследствии отмежевываются. Однако постепенная адаптация общественного мнения к ра-

¹ Бовуар С. де. Второй пол / пер. с фр. И. Малаховой, Е. Орловой, А. Сабашниковой. Спб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. С. 505.

² Фридан Б. Загадка женственности / пер. с англ. О. Ворониной. М.: Прогресс, Литера, 1994. 494 с.

³ Там же. С. 25.

⁴ Там же. С. 45.

дикальным идеям делает их главным потоком (мейнстримом), что открывает путь к публичной декларации изначальных антихристианских и антисемейных целей феминизма. Хотя само движение по своей сути радикально, оно принимает умеренный фасад, чтобы привлечь людей, которые всё ещё придерживаются традиционных убеждений. Однако по мере того, как эти люди вовлекаются в движение, их традиционные взгляды постепенно разрушаются. Следовательно, то, что изначально воспринималось как радикальное, становится новой нормой вследствие подрыва традиционных христианских ценностей.

В данном конкретном случае фундаментом четвёртой волны феминизма можно обозначить борьбу за право на аборт и, как следствие, борьбу против христианских антропологических представлений и за перевод человекоубийства в область допустимого. Последующий этап включает в себя оспаривание православной доктрины, утверждающей сотворение Богом мужчины и женщины в качестве разных полов. На этой почве популярность вновь обретает феминистическое богословие, родственное по сути теологии освобождения и общей теории феминизма.

В американской многотомной «Энциклопедии религии» это направление определяется следующим образом: «критический и конструктивный подход к религиозной традиции, в центре которого находятся вопросы благополучия и влияния женщин»¹. Так, теологи из Женевы Э. Пармантье и Л. Савой представили «Женскую Библию» – феминистическое переосмысление священного текста, вдохновлённое первым женским комментарием к Библии, составленным под ру-

ководством известной американской суфражистки Э. К. Стентон в конце XIX в.

«Женская Библия» стала первой попыткой переосмыслить Священное Писание с точки зрения феминизма, и она приобрела широкую популярность в радикальных кругах, обосновывая особое представление о Троице как Боге-отце, Богине-матери и Сыне.

Таким образом, представленное выше отношение к христианству и христианским ценностям и попытка отменить или переписать их привели к тому, что после легализации аборт феминистское движение породило концепцию гендерной флюидности, а также признание «множественных гендеров». Если фундаментальные принципы христианской антропологии и персонализма подвергаются сомнению, это открывает дверь к утверждению, что существует не просто 2 пола, а неопределённое число гендеров, например, 22 или 45. Этот процесс включает в себя все вышеперечисленные аспекты, полный демонтаж православной христианской антропологии и последующее социальное манипулирование, которое способствует антихристианской форме глобализации.

Параллельным следствием четвёртой волны феминизма является разрушение института семьи. Последнее также имеет свои собственные параллельные последствия в форме эрозии государственности как социального института. Этот сдвиг в сторону транснациональности и глобализации способствует распаду традиционных национальных государств и росту глобализма, как это описанного К. Швабом в рамках концепции Четвёртой промышленной революции². Эта глобалистская антихристианская сила, часто связанная с транснациональными корпорациями, ещё больше подрывает традиционные представления и доктрины о человеке, семье, нации и государстве, со-

¹ Encyclopedia of Women and World Religion (1999). NY: Macmillan Reference USA. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.encyclopedia.com/environment/encyclopedias-almanacs-transcripts-and-maps/feminist-theology-overview> (дата обращения: 20.05.2024).

² Шваб К. Четвертая промышленная революция / пер. с англ. под ред. А. Мухамедовой, Л. Ивахненко. М.: Эксмо, 2018. 285 с.

гласуясь с православной эсхатологией и концепцией пришествия Антихриста.

Важно отметить, что феминистское движение является частью более широкого единства среди различных современных антихристианских движений. Феминистки часто критикуют авраамические религии, включая христианство, за их традиционные установки относительно роли женщин в обществе. Однако эта критика часто проистекает из неправильных представлений о правах и степени свободы женщины в христианстве, а также убеждения, что христианство увековечивает гендерное неравенство и дискриминацию женского пола.

М. М. О'Хэйр, основательница организации «Американские атеисты», является одной из самых яростных критиков христианства в числе феминисток. Её заявления отражают общее мнение организации о том, что религия, включая идею Бога, вредна для человечества, мира, разума и науки. О'Хэйр выступает за то, чтобы разум, образование и наука вытеснили религиозные убеждения: «Религия всегда была против человека, против женщины, против жизни, против мира, против разума и против науки. Идея бога нанесла ущерб не только человечеству, но и земле. Пришло время разуму, образованию и науке взять верх»¹.

В данной ситуации крайне важно понять, что феминистская повестка заключается не в обеспечении равных прав для женщин. Феминизм – это политическое движение, которое бросает вызов традиционной структуре семьи, пропагандируя такие действия, как развод с супругами, аборты, нетрадиционные отношения, а также оккультизм, о чём будет сказано ниже.

Связь феминизма и неоязычества

Среди религий у феминисток наиболее популярно викканство. Это со-

временный вариант неоязычества с поклонением силам природы. Слово *wicca* происходит от древнеанглийского слова «ведьма» или старого тевтонского слова *wican* – «сгибать». Представители данного синкретического культа характеризуют свою «религию» следующим образом: «...викка является религией, в значительной мере основанной на кельтской культуре. Но викканские волшебные традиции имеют корни и во многих других, ещё более древних, культурах»². Кроме того, для представителей течения естественно характеризовать викканство в качестве дохристианских мистических таинств Старой Европы. По словам последователя учения, «викка исключительно терпима к любым верованиям. В викке отсутствуют жестокие догматические рамки, и каждый волен искать и находить собственное понимание этого вероучения»³. Однако, несмотря на якобы богатую историю викканства, об этой религии впервые заговорили в XX в. после выхода книги Д. Гарнера «Современное колдовское искусство».

В феминистском дискурсе фигура ведьмы тесно связана с историческими преследованиями женщин в Средние века. По этой причине в наше время образ ведьмы превратился в символ сопротивления патриархальным системам и проявления женской силы. Например, писательница-феминистка К. Солли утверждает⁴, что предтечами средневековых ведьм можно считать дерзких женщин, изображённых в ранних текстах авраамических религий: так, Ева и Лилит предстают в тексте исследовательницы положительными персонажами, демонизированными патриархальным обществом в виду акта неповиновения вертикали патриархальной власти, продиктованной Богом.

¹ Top 25 quotes by Madalyn Murray O'Hair (of 123) | A-Z Quotes https://www.azquotes.com/author/10974-Madalyn_Murray_O_Hair (дата обращения: 20.05.2024).

² Гримасси Р. Древние корни колдовских учений. М.: Фаир-Пресс, 1999. С. 12.

³ Там же.

⁴ Kristen J. Sollee. Witches, Sluts, Feminists: Conjuring the Sex Positive. Berkeley: Stone Bridge Press, 2017.

Кроме того, феминизм и викка разделяют общие ценности, поскольку виккане стремятся к отождествлению со всем сущим и преодолению границ. Феминистки интегрированы в викканство через стремление к устранению различий по признаку пола, расы, культуры и других факторов. В то время как феминизм фокусируется на защите прав женщин и гендерного равенства, викканские верования бросают вызов христианской доктрине о главенстве Адама и доминировании мужчины над природой. В этом контексте защита окружающей среды возводится в священную практику, превосходящую понятие ответственности человека за «возделывание своего сада». Вместо этого акцент смещается на существование человека ради священной рощи, а не наоборот.

Из викканской идеологии возникла концепция защиты животных, которая в современном мире доведена до крайности. Хотя проявление сострадания к животным и доброжелательное обращение с ними соответствует христианским принципам, виккане выступают за чрезмерную заботу о брошенных животных, иногда превосходящую заботу о других людях. Некоторые виккане нередко занимают идеологическую позицию бездетности, делая выбор в пользу аборт, и одновременно заводят многочисленных домашних животных, называя себя «родителями» этих животных и считая собак или кошек своими «детьми».

Помимо викканской религии интересен так называемый феномен *Feminist Spirituality*, появившийся во время второй волны феминизма. Среди представителей этого течения можно выделить феминистку С. Эллер, профессора теологии, представившую книгу «Жизнь во власти Богини: Спиритуалистский феминизм в США», и К. П. Крайст, написавшую эссе «Зачем женщинам нужна богиня?».

Феминистки часто занимаются культурным присвоением, используя образы, враждебные христианству, в частности,

наименования неоязыческих праздников, входящих в викканский цикл «Колесо года». Феминистские мероприятия и даты также нередко носят оккультный характер («Фем-Хеллоуин», «Фем-шабаш», «Ковены феминисток»). Представительниц движения привлекает колдовская символика, четвёртая волна феминизма совпала с трендом на магию. В Берлине в ночь на 1 мая 2024 г. феминистки пытались провести массовую «Вальпургиеву ночь», но шабаш был пресечён берлинской полицией.

В 60-е годы XX в. в США была образована группа «Завет Богини» – викканская община, выстроенная по матриархальному принципу. В неё обращались женщины, которые столкнулись с дискриминацией в отношении своего труда, что совпало с ростом популярности образа ведьмы в культурном пространстве. Телесериал «*Bewitched*», получивший в русской локализации название «Моя жена меня приворожила», стал главным хитом телевидения тех лет, регулярно собирая зрителей у экранов. Уже ближе к началу 1970-х активистки гендерного движения стали объединяться в сообщества, которые также имели много общего с ведьминскими коветами. В этом отношении примечательно течение под названием W.I.T.C.H. (*Women's International Terrorist Conspiracy from Hell* или *Women Inspired to Commit Herstory*), основанное активисткой радикального феминизма Р. Морган и её подругой фем-активисткой С. Браунмилле.

Феминизм как причина инфантилизации мужчин

Философ А. Г. Дугин предлагает критическую интерпретацию влияния феминизма на современную маскулинность. Он утверждает, что агрессивная риторика некоторых феминистских течений способствует инфантилизации мужчин, которые всё чаще принимают на себя роль «сыновей» в рамках «нового матриархата».

Мужчины «стали более инфантильными, поскольку в рамках доминации нового матриархата всё больше берут на себя роль детей, сыновей. Далее они служат для оплодотворения – отсюда расширение эротических контактов для женщины, которую аполлонический патриархат сдерживал. Возникает представление о том, что мужчина является оплодотворителем, поэтому их может быть не один, а много. Отсюда – релятивизация брака (а брак – это патриархальный институт, как мы знаем).

И, наконец, происходит уничтожение мужчины и его кастрация как финал материнских мистерий, оскотление. Поэтому современные мужчины – это одновременно скопец, оплодотворитель и младенец, и этот приблизительный архетип сейчас доминирует. Причём важно, что эти функции не являются строго различными – они вытекают из логики логоса Кибелы»¹.

В православной символике и онтологии описанному выше образу разнузданной, никому не подвластной женщине соответствует «Вавилонская блудница», сидящая на звере. В рамках православной аксиологии наблюдается противопоставление образа «Вавилонской блудницы», символизирующей собой разнузданность и непокорность, идеалу целомудренной женщины-христианки. Согласно данному дискурсу, глобалистские медиа активно пропагандируют первый архетип, подрывая тем самым традиционные духовные и нравственные ценности.

В качестве противодействия данному явлению предлагается развитие альтернативной православной массовой культуры, способной формировать среду, направляющую личность к духовному преображению. В частности, интерес представляет деятельность художников А. Беликова (проект «После иконы») и

А. Цыпкова (православный стрит-арт), которые с помощью современных художественных форм пропагандируют образы Спасителя, святых и, что особенно важно, женщин-христианок (святая Ольга, императриц Елены, Ирины, Феодоры). Подобная деятельность рассматривается как форма борьбы за суверенное культурное пространство и направлена на предотвращение маргинализации православия и сохранение его деятельного влияния в современном мире. Именно таким образом должна быть наполнена наша среда обитания, потому что мы должны бороться за всю медийную, общественную, культурную среду и не дать загнать себя в некое православное гетто, а базовый социум, базовое культурное пространство оставить сатанинским, антихристианским, глобалистским силам.

Разрушение семьи под лозунгами предотвращения семейного насилия

Феминистки непосредственно четвёртой волны взялись за информационное освещение такой важной общественной проблемы, как семейное насилие. Но, как и в предыдущих случаях, изначально благое дело (помощь жертвам насилия, сотрудничество с органами власти в целях совершенствования законодательства в интересах женщин, предотвращение домашнего насилия) было превращено в рычаг для разрушения семьи.

На различных мероприятиях и в своих блогах феминистки часто повторяют: «Самое опасное для женщины место – это её собственный дом, если она замужем. Самое опасное состояние – это брак». Далее они приводят статистику о том, что из всех погибших женщин от рук мужчин 71% были убиты дома, в том числе 66% – своим партнёром². Далее из этих данных делается вывод, что самое опасное, что может сделать женщина в

¹ Метелкина С. Победа феминизма давно произошла // Геополитика.ru: [сайт]. URL: <https://www.geopolitika.ru/article/pobeda-feminizma-davno-proizoshla> (дата обращения: 20.05.2024).

² Алгоритм света. 2020-2021 годы [Электронный ресурс] URL: <https://readymag.website/algorithmsveta/2020-2021/> (дата обращения: 20.05.2024).

жизни, это выйти замуж, потому что по статистике чаще всего женщин убивают именно их мужья.

Описанная ситуация является доказательством того, что эти очевидные идеи вводятся также для манипулирования адептами. Казалось бы, очевидным является то, что бить жён неприемлемо. Христиане и консерваторы тоже с этим, естественно, согласятся. Но, как мы видим, как только адепты воспринимают этот лозунг и становятся готовыми присоединиться к движению, которое выступает против домашнего насилия, нового приверженца погружают в мир идей, которые первоначально казались радикальными и маргинальными: например, что причина всех зол – это семья и замужество. По мере вовлечения адепта и погружения его в среду единомышленников он постепенно начинает воспринимать отказ от создания семьи по причине её «опасности» как нечто естественное. В процессе этой работы всё большее число людей начинает думать, что главное зло коренится в самой семье.

Как уже было сказано выше, изначально была поставлена задача уничтожить семью, но сначала это проходило под видом борьбы за безопасность и права женщины. Из-за того, что в общественное сознание внедряется огромное количество контента о семейном насилии, у огромного количества людей формируется крайне негативный образ брака.

Молодёжь, особенно подверженная воздействию такого контента, начинает отрицать концепцию традиционного брака и предпочитает однополые отношения. Длительное воздействие деструктивных взглядов на брак приводят к формированию адептов, отвергающих ценности христианской традиционной семьи. Таким образом, разрушается сначала малая церковь, а потом и церковь как таковая.

Что же реально можно сделать для предотвращения семейного насилия? Эта проблема решается в христианстве, с ко-

торым как раз и борется феминизм. Для борьбы с семейным насилием необходимо укреплять православные ценности и традиционные семейные устои. В малой церкви, где муж является образом Христа, нет места насилию: «Мужья, любите своих жён, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за неё» (Еф.5:25).

Феминистки обещают сестричество новым сторонницам

Феминистское движение активно привлекает новых сторонниц обещаниями поддержки, солидарности и чувства общности, предлагая им коливинги в фем-коммуне, совместную аренду большой квартиры или частного дома, где все соседки будут только женщинами и единомышленницами. Однако за привлекательным фасадом могут скрываться риски для психического здоровья. Исследования демонстрируют повышенный процент людей с психическими проблемами в подобных сообществах, что может быть связано с самой идеологией феминизма, обостряющей восприятие проблем и дискриминации. Несмотря на декларируемую поддержку, новые адепты, ищущие в фем-сообществе понимание и принятие, могут столкнуться с обратным эффектом.

Исследование *Pew Research*, проведённое в 2020 г., выявило, что диагноз «психическое расстройство» ставился более чем 50% белых женщин в возрасте 18–30 лет, идентифицирующих себя либералами¹.

Что касается России, то процент молодых девушек, которые считают себя феминистками, может варьироваться в зависимости от опросов и исследований. В некоторых исследованиях можно увидеть, что примерно 30–40% молодых

¹ Murray O. *Pew Research: more than half of insane leftist women are literally insane* - American Thinker. [Электронный ресурс] URL: https://www.americanthinker.com/blog/2024/03/pew_research_more_than_half_of_insane_leftist_women_are_em_literally_em_insane.html (дата обращения: 18.05.2024).

женщин в России идентифицируют себя как феминистки или поддерживают феминистские идеи. Однако точных данных может не быть из-за различий в методологии и определениях феминизма.

В ходе опроса, проведённого ВЦИОМ среди 1600 совершеннолетних респондентов, феминизм как движение поддерживают 31% россиян. Среди молодёжи (18–24 лет) эта доля выше – 44%. Среди мужчин феминизм поддерживают 30%, среди женщин – 33%. 55% респондентов не поддерживают феминизм¹.

Борьба против слатшейминга как попытка нормализации промискуитета

В 2016 г. участнику президентской избирательной кампании Д. Бушу пришлось уволить своего сотрудника после того, как в Интернете всплыл один из старых твитов этого человека, в котором он называл женщин «*sluts*» – «шлюхами» [2].

Этот пример чрезвычайно наглядно иллюстрирует, как зарождалась современная культура отмены.

Слатшейминг (англ. *slut-shaming*) – это форма осуждения женщин за их реальное или предполагаемое сексуальное поведение. Это может проявляться в форме оскорблений, угроз или праведного осуждения, включая обвинение в «неприличности», «недостойности» или «проблемности» такого поведения. Слатшейминг основан на традиционных представлениях о предписанных каждому полу моделях поведения и неправых стандартах для мужчин и женщин в области сексуальности.

Феминистки, борющиеся против слатшейминга, выступают за то, чтобы женщин никак не осуждали за любое количество сексуальных партнёров, любую форму, а также степень открытости одеж-

ды и какое угодно сексуальное поведение. Как мы видим, в результате снова происходит подмена – изначально декларируемая благая цель в конечном итоге способствует разрушению семьи как традиционного института. Разумеется, христианские консерваторы тоже выступают против того, чтобы оступившейся девушке мазали ворота дёгтем, травили, брили голову наголо, как, например, поступали с проститутками в некоторых странах ещё до феминистической Европы. Однако здесь важно придерживаться православного принципа «люби грешника и ненавидь грех». Признавая промискуитет, супружеские измены, полиамирию нормой, мы тем самым не поможем тем, кто это практикует, сохранить психическое здоровье и избежать нервных срывов, а, напротив, ещё более укрепим людей с подвижной психикой и личностными расстройствами в тех тенденциях, которые их разрушают. Если делать вид, что промискуитет – это норма жизни, то рано или поздно институт семьи будет полностью разрушен и рождаемость упадёт до нуля.

Связь между распространением феминизма и рождаемостью в разных странах мира

Первым шагом для установления связи между распространением феминизма и рождаемостью является анализ различий между странами с высоким уровнем рождаемости и странами с низким уровнем рождаемости. Изучая этот пропорциональный контраст, становится очевидным, что основной фактор, влияющий на рождаемость, очевиден. Вырисовывается чёткая закономерность: страны с феминистско-матриархальным укладом переживают демографический кризис и снижение рождаемости. Феминизм, часто маскируемый под «равенство» полов, по сути, является не чем иным, как формой агрессивного матриархата [9].

В этих обществах при разводе дети обычно передаются матерям, а отцы об-

¹ ВЦИОМ. Гендерное равенство в России: идеал или ложная цель? [Электронный ресурс] URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gendernoe-ravenstvo-v-rossii-ideal-ili-lozhnaya-cel> (дата обращения: 19.05.2024).

ремяются чрезмерными алиментами. При этом осуществляется также раздел имущества, при котором права женщин ставятся выше прав мужчин. Истинное равенство в таких сценариях отсутствует, и вместо этого феминизм, как сказано выше, устанавливает матриархат. С другой стороны, в патриархальных странах Азии и Африки наблюдается демографический рост, где рождаемость примерно в 3–4 раза превышает смертность. В этих странах господствует патриархальный уклад, согласно которому отец берёт на себя роль главы семьи и принимает решения. В патриархальных обществах, наподобие Ирана, женщины не могут подписывать юридические документы без разрешения мужа. Например, рождаемость в патриархальных странах колеблется в пределах 30–50 на 1000 человек, что соответствует 3–5% в год, тогда как в России она составляет всего 12,6 на 1000 человек, или 1,26%. В Германии общий процент рождаемости составляет 8,2 на 1000 человек, или 0,8%. Кроме того, рождаемость, измеряемая средним количеством детей, рождённых у 1 женщины, составляет около 6–7 в патриархальных странах и только 1–2 в феминистских или сочувствующих идеям феминизма, как в случае с Россией. Например, коэффициент рождаемости в России составляет 1,4.

Когда рождаемость падает ниже 2¹, население находится под угрозой значительного сокращения [9]. В то время как в Азии и Африке наблюдается рост населения, Европа и Россия сталкиваются с сокращением населения из-за преобладания феминизма в последних регионах. Важно отметить, что на это явление влияют не только богатство или религия страны, но и её Семейный кодекс. Вот почему такие меры, как материнский капитал, имеют ограниченное воздействие.

Исследуя страны с самым высоким уровнем рождаемости в мире, социоло-

¹ Коэффициенты рождаемости указаны в промилле.

ги вычислили, что это преимущественно патриархальные страны Азии и Африки, где феминизм не получил никакого распространения. Примечательно, что в этот список не вошли ни одна европейская страна, в т. ч. и Россия (табл. 1–2).

Феминистическое движение и дискредитация СВО

С началом специальной военной операции на Украине в феврале 2022 г. организаторами антивоенных протестов выступили несколько феминистических организаций, которые были зарегистрированы совсем недавно перед этим событием. Именно тогда появилось «Феминистское антивоенное сопротивление» (внесено Минюстом РФ в список иноагентов). В апреле 2024 г. данное движение внесли в реестр нежелательных организаций, что следует из соответствующего перечня на сайте Министерства юстиции.

У истоков этой организации стояла писательница и феминистка Д. Серенко (внесена Минюстом РФ в список иноагентов). Она осуществляла сбор средств в поддержку ВСУ и способствовала продвижению лиц, которые участвовали в протестных движениях. При этом в данный момент Серенко проживает за границей.

10 апреля МВД России объявило Серенко в розыск. Согласно данным в базе ведомства, женщина разыскивается по уголовной статье². При этом не уточняется, какое именно положение УК РФ стало поводом для этого.

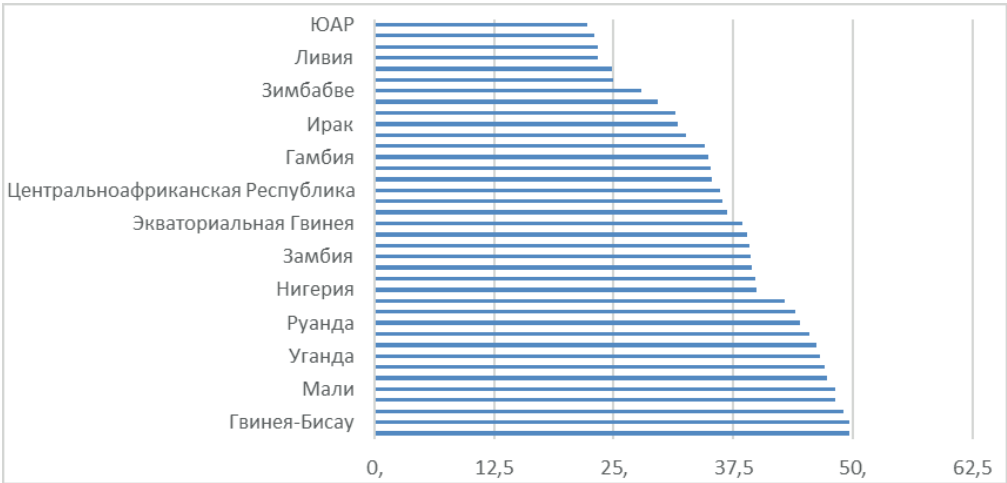
Кроме Серенко, у истоков движения стояли ещё 9 человек, среди которых числятся гендерный историк Э. Россман, художница экофеминистка Л. Нордик и другие активистки.

В 2022 г. движение «Феминистское антивоенное сопротивление» провело акции протеста более, чем в 60 городах

² «Феминистское антивоенное сопротивление» стало нежелательной организацией NEWS.ru: [сайт]. URL: <https://news.ru/russia/feministskoe-voennoe-soprotivlenie-stalo-nezheletelnoj-organizacij/> (дата обращения: 19.05.2024).

Таблица 1 / Table 1

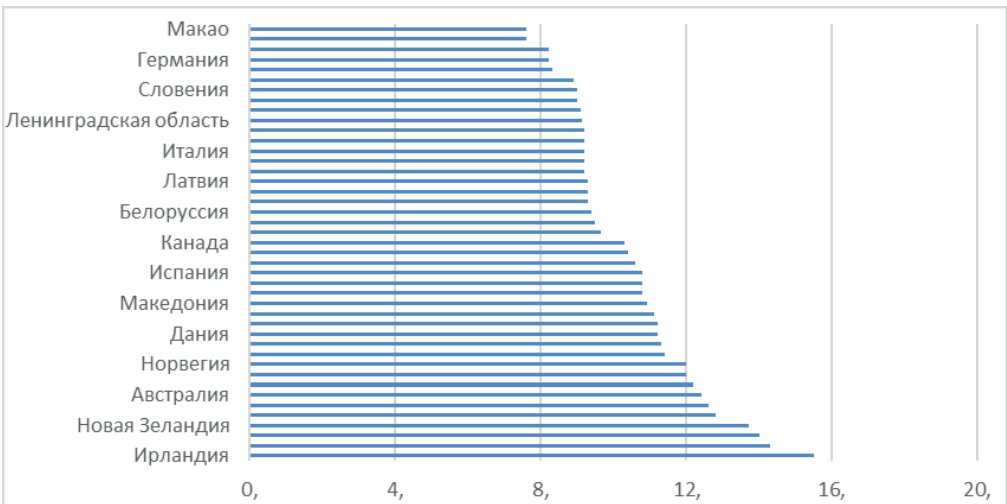
Страны мира с самой высокой рождаемостью/ Countries in the world with the highest birth rates

Источник: [9]

Таблица 2 / Table 2

Страны мира с самой низкой рождаемостью / Countries in the world with the lowest birth rates

Источник: [9]

России и 30 странах мира, включая Европу, США, Южную Корею и др. Эмигрировавшие активистки объединили усилия с местными феминистскими и антивоенными группами, разворачивая свои антивоенные акции и призывая к политическому и экономическому давлению на Россию.

Движение использовало разнообразные методы для распространения антивоенных посланий: листовки, граффити, штампованные сообщения на банкно-

тах, «антивоенные ценники» в магазинах (дело феминистской художницы С. Скольченко, осуждённой на 7 лет за политическую провокацию), «письма несчастья» (стилизованные под поздравления), антивоенные стихи, оформленные в стиле праздничных открыток ко Дню Победы.

«Феминистское антивоенное сопротивление» выпустило газету «Женская правда», направленную на более зрелое поколение, но под видом привычного контента, распространяющую информацию и содержащую материалы независимых и запрещённых в России СМИ.

Коллаборционизм с Западом бесполезен

Несмотря на то, что российские феминистки выступили после 24 февраля 2022 г. против специальной военной операции, им не удалось избежать разрыва с западными феминистическими движениями. Российские феминистки ожидали, что потенциал второй волны феминизма, связанный с солидарностью движений против СВО, сыграет решающую роль. Однако коллаборационизм с Западом оказался недейственным.

Когда у Д. Батлер, иконы третьей волны феминизма, оказавшей колоссальное влияние на развитие гендерных исследований и квир-теории и по чьей инициативе вместе с И. Жеребкиной был организован круглый стол *Transforming Solidarities*, профессор российского права университета Хельсинки М. Муравьева [6] деликатно спросила, не по ошибке ли российские феминистки не приглашены к разговору, то ей ответили, что их действительно не пригласили, т. к. российских феминисток это вообще не касается, потому что Россия вторглась на Украину, следовательно, все российские граждане несут за это коллективную ответственность.

Многие украинские феминистки, принимавшие участие в мероприятии,

идентифицировали себя как радикальных феминисток. Однако их радикализм выявил фрагментарность феминизма, их собственную травму и отказ от солидарности и диалога.

Российские феминистки стремились к сотрудничеству и диалогу по принципу израильско-палестинского движения, но профессор М. Муравьева указала на отличия в конфликтах и особенности «регионального» феминизма, в т. ч. на то, что российский феминизм, как и любой другой, носит колониальный характер. Профессор М. Муравьева выразила сожаление о том, что «феминистки и радикалки разделились по принципу поддержки своего патриархата и своей войны, вместо того, чтобы начать критиковать патриархат и видеть его как причину этой самой войны».

Приравнивание патриархата к «колониализму» в контексте феминистических дискуссий говорит о стремлении либералов к радикальным изменениям, направленным на уничтожение всех институтов, ограничивающих глобализацию: от традиционной семьи до государства.

Защищая Традиции: женщины за традиционные ценности

После того, как из России ушли феминистические организации, прекратилось и финансирование Западом всех тех организаций, которые существовали на западные средства с 1990-х гг.: ассоциации планирования семьи, некоммерческие объединения по борьбе с семейным насилием и т. д. Их место, естественно, не может долго оставаться пустым: эту нишу должны занять православные, консервативные, патриотические женские организации, продвигающие семейные ценности.

На сегодняшний день весьма немаловажно проанализировать весь опыт феминистических движений, т. к. 44% молодых девушек в России, увлечённых идеями феминизма, являются весьма

предостерегающим показателем¹. И это лишний раз доказывает, что работа этих организаций велась весьма качественно и плодотворно: их идеи слышали, видели их последствия – и всё это успешно и прочно проникало в сознание и повседневную жизнь. Но теперь нужно сделать так, чтобы, действуя теми же методами, но имея другой контент и другие идеи, создавались консервативные православные патриотические организации, которые смогут овладеть уже переделанными и извращёнными женскими умами, которые когда-то обработали феминистки. Необходимо настроить молодёжь в сторону живого и действенного отстаивания семейных ценностей, тем самым способствуя развитию в них адекватной и здоровой активности, однажды с чужого голоса потраченной на борьбу против них.

До Октябрьской революции 1917 г. в России существовали несколько православных и консервативных женских движений, которые стремились пропагандировать традиционные ценности и укреплять роль православия в обществе. Некоторые из них были ориентированы на образование и благотворительность, другие – на активное участие женщин в общественной и политической жизни. И все это чрезвычайно эффективно работало против разрушительных феминистских идей.

«Женское православное общество», основанное в 1907 г. великой княгиней Елизаветой Федоровной, было одним из наиболее известных консервативных женских организаций. Члены общества занимались благотворительной деятельностью, осуществляли помощь нуждающимся и участвовали в различных образовательных и культурных инициативах с упором на православие.

«Общество Православной женской просвещённой русской молодёжи» (ОПЖПРМ) было создано в 1907 г. Члены общества работали над поддержанием и распространением православных традиций, участвовали в социально-просветительской деятельности и оказывали помощь молодёжи.

«Общество защиты и воспитания детей» было ориентировано на благотворительную и воспитательную деятельность. Оно поддерживало и обеспечивало образование и воспитание детей из малообеспеченных и малочисленных семей с акцентом на православные ценности.

Эти организации активно пропагандировали традиционные ценности, семейные устои, религиозные обряды и укрепление роли православия в общественной жизни. Они также поддерживали монархию и выступали против радикальных идеологий. После революции большинство таких организаций было запрещено или распущено, а их деятельность прекратилась.

В современной России массовое женское консервативное движение пока не сформировалось. Но можно отметить ряд блогеров и инфлюэнсеров, которые уже имеют свою растущую женскую аудиторию и могли бы дальше развиваться:

Екатерина Мацвей – ведущая телеканала «Спас», учредитель «Школы невест». Совокупная аудитория в соцсетях – более 60 тысяч подписчиков. Пропагандирует целомудрие, верность, воздержание до брака, многодетность в браке, русский стиль одежды;

Инна Царева – заместитель директора Свято-Елизаветинской гимназии при Марфо-Мариинской обители. Ведёт канал в Телеграме о традиционных ценностях и русско-сербской дружбе, проводит собрания женского клуба;

Ольга Гуманова – психолог, создательница и идеолог женского движения «Матроны.Ру», ведёт Телеграм-канал о том, как создать православную семью. В последнее время к ней на эфиры стало при-

¹ Гендерное равенство в России: идеал или ложная цель? // ВЦИОМ: [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gendernoe-ravenstvo-v-rossii-ideal-ili-lozhnaya-czel> (дата обращения: 19.05.2024).

ходить довольно много молодых девушек от 18 до 22 лет с вопросами о том, как выйти замуж за такого мужчину, с которым впоследствии возможна многодетность, хотя раньше средний возраст её аудитории был в среднем лет на 10 старше.

Но, конечно же, этого мало, чтобы выйти на тот уровень, о котором сказано выше. Необходимо гораздо большее количество энтузиастов.

Удивительно, но существование православного феминизма наблюдалось и в СССР, примером чего является издание «Мария» и труды Т. Горичевой, православного философа, публициста и миссионера. Философские эссе Горичевой исследуют православный феминизм и духовную роль женщины. Её центральный тезис подчёркивает, что освобождение женщин носит, прежде всего, духовный, а не экономический, социальный или политический характер. По словам Горичевой, такое духовное освобождение женщины полезно и мужчинам. Эта идея согласуется с утверждением С. Бовуар о том, что освобождение женщин неизбежно является освобождением всего человечества. Однако Горичева предлагает иную точку зрения на само понятие свободы, переосмысливая тезис Бовуар в духовно-религиозном ключе. В результате выводы этого тезиса приобретают совершенно иной характер.

Она утверждает, что человек, созданный по образу Божию, должен признать и принять в себе этот божественный образ. Только тогда любая другая реформа, включая феминистские движения, может быть успешной. Горичева утверждает, что

в качестве Другого женщина обладает уникальным и очень высоким статусом. То, что феминистки часто воспринимают как деградацию и порабощение женщин, Горичева как христианка рассматривает как вершину их существования. Она рассматривает послушание и смирение не по отношению к общественным и социальным ролям, которые опциональны, а по отношению к Богу в качестве фундаментальных и важнейших добродетелей. Горичева считает, что чем скромнее, целомудреннее и чище женщина, тем сильнее она становится, приводя в пример Жанну Д'Арк¹.

Заключение

В свете демографического кризиса в России крайне важно избежать негативных последствий, наблюдаемых в западном мире из-за распространения феминизма, что привело к значительному снижению рождаемости. Вместо этого целесообразно обратиться к опыту стран, где феминистские идеи имеют низкую популярность или ограничены, что сочетается с высокой рождаемостью (табл. 1–2).

Также стоит обратить внимание на неоконсервативное направление феминизма, подчёркивающее подход, ориентированный на семью, и желающее улучшить условия женского репродуктивного труда, одновременно стремясь к гармоничному балансу между домом и профессиональными обязанностями современных матерей [8; 10].

Дата поступления в редакцию 29.05.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Викторов А. Е. Великая княгиня Евдокия, во иночестве преподобная Евфросиния, основательница Вознесенского девичьего монастыря в Московском Кремле. М.: Типо-лит. Ефимова, 1899. 71 с.
2. Гнедаш А. А. Четвертая волна феминизма: политический дискурс и лидеры мнений в социальной сети Твиттер // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. № 1. С. 64–89.

¹ Нестеренко М. Патриархальная некрофильская цивилизация побеждает // [Электронный ресурс]. URL: <https://gorky.media/context/patriarhalnaya-nekrofilskaya-tsivilizatsiya-pobezhdaet/> (дата обращения: 22.05.2024).

3. Каменский А. Б. Россия в XVIII столетии. Общество и память: исследования по социальной истории и исторической памяти. СПб.: Алетейя, 2017. 336 с.
4. Малкова Н. А. Святые жены Руси досинодального периода: общая характеристика [Электронный ресурс] // Вестник РХГА. 2010. № 1. С. 7–17.
5. Маррезе М. Л. Бабы царство. Дворянки и владение имуществом в России (1700–1861). М.: Новое литературное обозрение. 2009. 368 с.
6. Муравьева М. Радикальный феминизм и конфликты // Социодиггер. 2022. № 7. С. 51–57.
7. Мурунова А. В. Правовые традиции России и Запада: сравнительно-правовой анализ // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2011. Вып. 5. Т. 4. С. 120–126.
8. Полутова М. А. Методологические подходы зарубежных ученых к теории феминизма: истоки, этапы развития, основные направления // Вестник ЗабГУ. 2013. № 11. С. 66–79.
9. Чашихин У. Решение демографического кризиса в России. М., 2017. 52 с.
10. Ylöstalo H. Feminism at the Crossroads of Neoliberalism and Neoconservatism: Restructuring Women's Labor in the Context of Family Leave Reform in Finland // Social Politics: International Studies in Gender, State&Society. 2022. Vol. 29. Iss. 4. P. 1336–1359.

REFERENCES

1. Viktorov A. E. Velikaya knyaginya Evdokiya, vo inochestve prepodobnaya Evfrosiniya, osnovatelnicza Voznesenskogo devichego monastyrya v Moskovskom Kremlе [Grand Duchess Evdokia, monastic Rev. Euphrosyne, founder of the Ascension Girl's Monastery in the Moscow Kremlin]. Moscow, Tipo-lit. Efimova Publ., 1899. 71 p.
2. Gnedash A. A. [The fourth wave of feminism: political discourse and opinion leaders in Twitter]. In: Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Politologiya [RUDN Journal of Political Science], 2022, vol. 24, no. 1, pp. 64–89.
3. Kamenski A. B. Rossiya v XVIII stoletii. Obshhestvo i pamyat: issledovaniya po socialnoj istorii i istoricheskoy pamyati [Russia in the 18th century. Society and memory: researches on social history and historical memory]. SPb., Aletejya Publ., 2017. 336 p.
4. Malkova N. A. [Saint wives of Russia of the dosinodalny period: general characteristic]. In: Vestnik RXGA [RCAH Review], 2010, no. 1, pp. 7–17.
5. Marreze M. L. Babe czarstvo. Dvoryanki i vladenie imushhestvom v Rossii (1700–1861) [Woman's kingdom. Noblewomen and possession of property in Russia (1700–1861)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2009. 368 p.
6. Muraveva M. [Radical feminism and conflicts]. In: Sociodigger [Sotsiodigger], 2022, no. 7, pp. 51–57.
7. Murunova A. V. [Legal traditions of Russia and the West: comparative legal analysis]. In: Kontury globalnyx transformacij: politika, ekonomika, pravo [Contours of global transformations: politics, economics, law], 2011, iss. 5, vol. 4, pp. 120–126.
8. Polutova M. A. [Methodological approaches of foreign scientists to the theory of feminism: origins, development, main directions]. In: Vestnik ZabGU [Vestnik ZabSU], 2013, no. 11, pp. 66–79.
9. Chashhixin U. Reshenie demograficheskogo krizisa v Rossii [Solution to the demographic crisis in Russia]. Moscow, 2017. 52 p.
10. Ylöstalo H. Feminism at the Crossroads of Neoliberalism and Neoconservatism: Restructuring Women's Labor in the Context of Family Leave Reform in Finland. In: Social Politics: International Studies in Gender, State&Society, 2022, vol. 29, iss. 4, pp. 1336–1359.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Фролов Кирилл Александрович – заведующий отделом по взаимодействию с Русской Православной Церковью Института стран СНГ;
e-mail: frolov_moskva@mail.ru

Коростелева Анастасия Владимировна – секретарь учебно-научного центра «Высшая политическая школа им. И. Ильина» Российского государственного гуманитарного университета;
e-mail: av_krauzee@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kirill A. Frolov – Department Head, Department for Cooperation with the Russian Orthodox Church, The Institute of CIS Countries;
e-mail: frolov_moskva@mail.ru

Anastasiya V. Korosteleva – Secretary, High Political School named after I. Ilyin, Russian State University for the Humanities;
e-mail: av_krauzze@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Фролов К. А., Коростелева А. В. Пропаганда феминизма и её последствия // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 3. С. 40–57.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-40-57

FOR CITATION

Frolov K. A., Korosteleva A. V. Propaganda of feminism and its consequences. In: Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences, 2024, no. 3, pp. 40–57.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-40-57

УДК 291.13

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-58-76

МИФОЛОГЕМЫ О РУССКИХ ЛЮДЯХ В МАССОВОМ ЗАПАДНОМ КИНО XXI ВЕКА

Резвушкина С. А., Резвушкин К. Е.*Российский государственный гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская пл., д. 6, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Обоснование тезиса о том, что конструирование Западом кинематографического образа русского человека напрямую зависит от геополитических отношений между ним и Россией.

Процедура и методы. Основной методологической базой исследования является концепция сетевых войн, согласно которой производимый коллективным Западом медиаконтент является инструментом формирования в обществе политического оппонента социальной прослойки, позитивно относящейся к идеологемам и мифологемам, транслируемым государством-захватчиком. Также в исследовании использован вестернологический подход, предполагающий рассмотрение западного дискурса не как культурной универсалии, но как продукта отдельной, отличной от России цивилизации. На основании изучения наиболее крупных киноплатформ было обнаружено 103 киноматериала, в которых действуют персонажи, обозначенные как русские по происхождению. Показательно, что подавляющее большинство персонажей может быть описано одним из трёх наиболее частотных клише: мафия, КГБ, учёные. Каждое из этих клише имеет определённые исторические корни и является «наследником» стереотипного восприятия русского человека, сложившегося в период холодной войны. С целью изучения влияния геополитических процессов на репрезентацию и мифологизацию образа России в целом и русских людей в частности, авторами был произведён контент-анализ, на основании которого были построены графики, отображающие результаты исследования, и дана их геополитическая интерпретация.

Результаты. Контент-анализ киноматериалов продемонстрировал взаимосвязь между экспликацией этих клише в современном западном массовом кинематографе и политическими взаимоотношениями между странами глобального Запада и Россией. Так, в период наибольшей геополитической напряжённости в современном западном массовом кино преобладают негативные образы, связанные со шпионажем и тоталитарной политической системой, в то время как разрядка отношений влечёт за собой снижение доли русских акторов в кино и/или конструирование их нейтрального образа. Существующая зависимость может быть объяснена через призму концепции сетевых войн и подходом к кинематографу как инструменту вторичной мифологизации политически и идеологически значимых феноменов и средств конструирования memetic warfare.

Теоретическая и/или практическая значимость. Изучение современного западного массового кинематографа через призму концепции сетевых войн позволило увидеть основные пути формирования внутри населения Российской Федерации прослойки прозападных граждан.

Ключевые слова: современное западное массовое кино, сетевая война, memetic warfare, геополитика, вестернология, идеология, мифологема, гетеростереотип, цифровизация, цифровое кино

THE MYTHOLOGEMS OF RUSSIAN PEOPLE IN 21ST CENTURY MASS WESTERN CINEMA

S. Rezvushkina, K. Rezvushkin

Russian State University for the Humanities

Miuskaya pl. 6, Moscow 125047, Russian Federation

Abstract

Aim. To justify the thesis that the Western construction of the cinematic image of a Russian person directly depends on its geopolitical relations with Russia.

Methodology. The study's primary methodological foundation is the concept of network-centric warfare, according to which the media content produced by the collective West serves as a tool for the formation of a social stratum within the society of the political opponent that positively relates to the ideologemes and mythologemes broadcast by the invading state. The study also applies a Westernological approach, which suggests regarding Western discourse not as a universal cultural phenomenon but rather as a product of a distinct civilisation, different from Russia. Through an analysis of the largest film platforms, the authors identified 103 film materials in which characters identified as Russian in origin are depicted. It is notable that the majority of these characters can be characterised by one of three predominant clichés: mafia, KGB, or scientists. Each of these clichés has specific historical roots and represents an inheritor of the stereotypical perception of the Russian person formed during the Cold War. To study the influence of geopolitical processes on the representation and mythologisation of the image of Russia in general and of the Russian people in particular, the authors carried out a content analysis and constructed graphs showing the results of the study and their a geopolitical interpretation.

Results. A content analysis of film materials has demonstrated a correlation between the explication of these clichés in contemporary Western mass cinema and the political relations between the Global West and Russia. Thus, during the period of the greatest geopolitical tension, negative images associated with espionage and totalitarian political systems prevail in contemporary Western mass cinema. Conversely, the détente of relations entails a decrease in the share of Russian actors in cinema and/or the construction of their neutral image. The observed dependence can be explained through the lens of the network-centric warfare concept and the view of cinema as an instrument of secondary mythologisation of politically and ideologically significant phenomena and a means of constructing memetic warfare.

Research implications. The study of contemporary Western mass cinema through the lens of the network-centric warfare revealed the primary mechanisms by which pro-Western citizens are formed within the population of the Russian Federation.

Keywords: modern Western mass cinema, network-centric warfare, memetic warfare, geopolitics, Western studies, ideology, mythologeme, heterostereotype, digitalisation, digital cinema

Введение

В работе «Травматические единицы в кино» классик философского осмысления кино Р. Барт указывал, что экранный образ представляет собой одну из тотальных сложных знаковых систем, включающую в себя и значение, и эмоциональное восприятие. Любое кинопроизведение

имплицитно содержит так называемые «травматические единицы», которые открывают значение как нечто, воспринимаемое зрителем. Однако эпистемологически плюралистичная природа кино предполагает лабильность этих единиц и влияние на осмысление зрителем того или иного феномена [10]. Совокупность

«травматических единиц» также участвует в формировании нового мифа, понимаемого Р. Бартом как вторичная семиологическая система, которая «похищает» референт первичного языка, нагружая его новым, избыточным коннотатом¹. В результате такого действия «похищенный» символ имплицитно выражает в себе дополнительное значение. В качестве примера Барт приводит трансформацию современной ему киноиконографии.

В фильме «Королева Кристина» актриса Г. Гарбо воплощает тот тип в истории кино, когда лицо актёра воспринималось как некая недостижимая в своём совершенстве и статичности константа. Барт пишет, что лица актёров того периода, будучи плотно покрытыми гримом, навевают воспоминания о масках античного театра и транслируют идею лица-архетипа, лица-объекта, не принадлежащего субъекту. В «Королеве Кристине» за маской нагримированного лица Барт находит имплицитно содержащуюся мифологему экзистенциальной красоты, к которой стремится новое кино, уходя от красоты эссенциальной. В этом же фильме он обнаруживает и другой миф: воплощая образы королевы и кавалера, Г. Гарбо транслирует платоновскую мифологему об андрогине как о человеке бесполом и бинарном².

«Травматические единицы» травматичны тем, что задействуют в сознании человека позитивную или негативную систему эмоций, которая, в понимании А. Л. Барковой, есть ряд различных референтов, выстроенных в синтагму внутри определённого дискурса посредством единого коннотата [1]. Таким образом, мифологемы, которые состоят из «травматических единиц», также актуализируют в сознании человека систему эмоций. И даже если их корневой миф не был эксплицирован в полноте, он все равно будет

означен некоей эмоцией, впоследствии определяющей сознательное отношение человека к тем или другим феноменам. И чем больше мифологем потребляет человек, тем более однозначным становится его отношение к мифологизированному объекту.

При этом Ж. Делёз отмечает, что для современного кино характерно размытие границы между политическим и частным мифом. По его мнению, классический кинематограф, представленный работами Пудовкина, Форда, Гюнея и прочих, выдерживает чёткую границу, которая отмечает корреляцию от политического к частному, в то время как современные авторы отказываются от неё. Целью этого отказа, по Делёзу, служит потребность точнее изобразить нации, находящиеся в процессе кризиса коллективной самоидентификации. Он пишет, что для кино нужен народ, но если народа как такового пока ещё нет, то режиссер вынужден создавать его самостоятельно, извлекая из мифа действительно пережитое [2, с. 481–485]. За счёт этой операции создаётся перверсированное понимание национальной памяти – памяти «я», которая в сути своей не является ни психологической, ни коллективной. Делёз пишет, что такая память в глубинном и отдалённом измерении компенсирует то, чего ей недостаёт в протяжённости... Получается, что вся память мира будто навязывает себя каждому угнетённому народу, а вся память «я» поставлена на карту в некоем органическом кризисе [2, с. 486].

Идеи Барта и Делёза о кино органично ложатся на постсоветский образ русского человека. Этот период для русского народа означен кризисом коллективной самоидентификации – советская идентичность уже преодолена, а современная и суверенная русская ещё не найдена. Одним из источников, в котором современный русский человек черпает представление о себе самом, является глобальный кинематограф. Е. С. Холмогоров указывает: «Кино в эпоху массового ис-

¹ Барт Р. Мифологии / пер. с фр. С. Зенкина. М.: Академический проект, 2021. С. 291–292.

² Барт Р. Мифологии / пер. с фр. С. Зенкина. М.: Академический проект, 2021. С. 133–135.

кусства формирует образ национальной идентичности. «Мы» – это те, кто вырос на одних и тех же фильмах, говорит на языке их вымышленных вселенных, кто вообразён в этих фильмах как «мы» и воображает через эти фильмы себя как одно с другими» [9, с. 26].

Геополитика образов и образы геополитики: историко-культурный абрис проблемы

Из всего вышесказанного следует, что глобальное западное кино является средством для интеграции в глобальное же западное сообщество и одновременно механизмом трансляции гетеростереотипов об этнической идентичности. При этом транслируемые гетеростереотипы воспринимаются носителями этнической идентичности как гомостереотипы, поскольку они возникают в рамках «мы» глобального кинематографического мира. Соответственно, если гетеростереотипы будут описываться пейоративно, то и для носителя этнической идентичности его принадлежность к этносу будет восприниматься как нечто постыдное, мешающее его инклюзии в воображаемое сообщество глобального мира. Таким образом, изучение гетеростереотипов позволяет реконструировать представление о русской этнической идентичности в глазах коллективного Запада как некоей травматической «группы-других» (по У. Самнеру) и выявить её основные предикаты [3, с. 236–237].

Изучение возникших в период распада биполярного мира гетеростереотипов о русских представляется значимой задачей и в рамках вестернологического подхода, поскольку обращение к *другости* русских маркирует процесс раскола этноцентрума коллективного Запада и проводит цивилизационный водораздел между им и Россией. Такой подход соотносится с предложенным А. Г. Дугиным и К. В. Малофеевым вестернологическим подходом, который предполагает

рассмотрение Запада не как культурной универсалии, а как отдельной цивилизации, неправомочно претендующей на эту универсальность¹. По мнению авторов, использование вестернологического подхода позволит корректнее определить цивилизационные основания пейоративной мифологизации России и русских, воспринимая приписываемые Западом предикаты не как реальные недостатки, а как инструментализованные пейоративные мифологемы и идеологемы.

При этом, если обратиться к истории, то становится очевидно, что для западного дискурса Россия всегда была маркирована не только как *другой*, но как экзистенциально *чужой*, обладающий предельной инаковостью. Это отношение имеет принципиальное значение, поскольку культуры Старого и Нового света, рассматриваемые как культуры глобального Запада, вне зависимости от геополитических противоречий остаются друг для друга «своими», т. к. наследуют общую традицию. Россия же в этой оптике на цивилизационном уровне является чуждой западной цивилизации, поскольку в своём развитии она отклонилась от общеевропейской логики, приняв восточное прочтение христианства и пережив ордынское нашествие, которое сделало нас в глазах коллективного Запада преемниками Орды и носителями негативных коннотатов, связанных с ней: варварства, жестокости, тоталитарности [7, с. 3–8].

Описанный выше образ России влечёт за собой 2 отношения, которые меняются в зависимости от актуальных потребностей коллективного Запада: Россия – это коварный азиатский враг, с которым надо бороться, и Россия – это «младший брат», которого надо окультурить. При этом современное кино, будучи носителем гло-

¹ Как распознать враждебную идеологию: В Высшей политической школе Ильина запущен пилотный проект // Seldon.News: [сайт]. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/311255985> (дата обращения: 19.05.2024).

балистского политического дискурса, отражает доминирующее в конкретный момент отношение к России и рисует заведомо ангажированный властными элитами образ *русского* в глобальной медиаповестке. Однако проблема не только в том, что кино отражает чаяния определённых политических субъектов, но и в том, что оно транслирует мифологемы, которые встраиваются в ту или иную систему эмоций и определяют отношение к демонстрируемому феномену. Таким образом, кино является не просто политическим барометром, а утилитарным инструментом пропаганды и инвазии гетеростереотипов в сознании культурной группы на правах гомостереотипа с целью внутреннего разложения цивилизации.

Особенно остро эта проблема встаёт в период тотальной цифровизации и кросс-культурной диффузии. В результате развития технологии цифрового кинематографа, а также благодаря возникновению онлайн-кинотеатров и файлообменников, кино становится доступным, вследствие чего любой фильм может быть просмотрен в любой точке мира с минимальным временным лагом после выхода в прокат. Из этого следует, что содержащиеся в нём мифологемы и стереотипы могут быть легко внедрены в сознание любого, даже самого отдалённого от Запада зрителя. Кросс-культурную диффузию усиливает развитие машинного перевода, который делает доступными для широкого круга те фильмы, которые не были адаптированы для русскоязычного зрителя. В результате этих процессов на русского человека с периода «падения железного занавеса» и по сегодняшний день обрушился огромный массив кино-материала, содержащий в себе гетеростереотипы разной степени враждебности.

Аналитик Д. Ольшанский пишет об этом так: «Наша огромная и почти никем не замечаемая проблема состоит в том, что западный мир создал такую грандиозную машину по производству форма-

тов, образцов и культурных стандартов для каждого молодого, образованного и небедного человека в мире, что противопоставить этой машине можно только сидящее в глухой обороне государство...»¹.

Ещё более актуальной эта проблема становится, если взглянуть на неё через призму концепции сетецентрических войн, которая становится всё более и более актуальной в контексте текущих геополитических событий.

В. Коровин подчёркивает, что главной целью войны такого рода (также употребляется термин «сетецентрическая война») является захват территории и установление контроля над ней без использования обычных классических вооружений и/или без прямой военной агрессии. В качестве среды для таких войн выступает современное информационное общество, а ключевой задачей – формирование в социуме политического оппонента общественного мнения и общественного процесса, позитивно относящегося к трансформациям, проводимым государством-захватчиком [4, с. 23–24]. Ключевым инструментом сетецентрических войн является *memetic warfare* – развлекательный контент, который имплицитно содержит политический, культурный или ценностный подтекст (т. е. является мифологизированным в бартовском смысле). Согласно Коровину, потребление такого контента способствует формированию у населения определённого политически заряженного мировоззрения без использования прямых агентов влияния [4, с. 138–149]. Большая часть развлекательного контента рассчитана на аудиторию, которая обладает низкой степенью рефлексивности, минимально владеет навыками критического мышления и эмоционально реагирует на всякую информацию, которая задевает «триггерные» точки.

¹ Ольшанский Д. Клиенты глобальной культурной машины // Завтра: [сайт]. URL: https://zavtra.ru/blogs/klienti_global_noj_kul_turnoj_mashini (дата обращения: 04.06.2022).

Актуализируя описанную выше позицию Р. Барта, производитель изначально закладывает в кино, используемое как инструмент политической пропаганды и, впоследствии, сетецентрической войны, те травматические единицы, которые прицельно воздействуют на основные триггеры в сознании человека. Так, *memetic warfare* формирует внутри государства «бомбу замедленного действия», закладывая в подсознание электората ценностную систему, идущую вразрез с геополитическими устремлениями страны, гражданами которой они являются.

Здесь необходимо подчеркнуть, что львиная доля медиаконтента, потребляемого гражданами РФ, производится именно на территории коллективного Запада. И в результате развития технологии сетецентрических войн западное кино воздействует на русского зрителя мало заметно, но неотвратимо, транслируя нужные коллективному Западу смыслы и конструируя необходимые для реализации своих притязаний на геополитическую гегемонию мифологемы. В каком-то смысле одним из первых случаев использования этой технологии является война в Персидском заливе, описанная Ж. Бодрийяром в серии эссе «Войны в заливе не было». Согласно Бодрийяру, американские военные, располагая большим военным потенциалом на самом деле не вступали в прямой военный конфликт с Иракской армией¹. Однако конструируемый посредством создания и тиражирования в СМИ мифологемы об Ираке как активном и агрессивном акторе военных действий различных симулякров и усиления нарратива арабофобии позволил вовлечь в горячую фазу конфликта большое количество экономически незаинтересованных сторон, а также легитимировать подлинное геополитическое устремление Америки, направленное на контроль над ресурсной базой Востока.

¹ Бодрийяр Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / пер. с фр. А. Качалова. М.: РИПОЛ классик, 2016. 222 с.

В этой связи рефлексия образа русского в современном массовом кино является не просто сюжетом для академических штудий, но ответом на реальную внешнеполитическую угрозу. По нашему мнению, выявление доминирующих мифологем и установление их корреляции с политическим курсом геополитического противника позволит убедительно, с привлечением валидных аргументов, разоблачить стратегию сетецентрической войны коллективного Запада против России и увидеть основные «триггерные точки» и паттерны, используемые нашим противником на медийном театре боевых действий. В свою очередь это даст нам представление о гетеростереотипах со стороны «группы-других» и позволит превентивно конструировать нивелирующий деструктивные мифологемы суверенный русский кино контент.

Исследование кино контента

В качестве хронологических рамок исследования был выбран период с 2000 по 2024 г., что связано с вступлением России в период суверенизации геополитического дискурса, возникшем в результате начала президентского срока В. В. Путина. Также этот период маркирует четвертьвековой отрезок, являющийся достаточно репрезентативным в контексте геополитической динамики.

Анализ материалов крупных кино платформ позволил обнаружить 103 фильма, в которых достоверно действуют русские актеры (табл. 1). Из них 95 фильмов (89,32% от общей выборки) снято по оригинальному сценарию, в то время как остальные 5 опираются на романы российских классиков. На наш взгляд, это маркирует потребность внешнего дискурса в составлении собственного, политически и культурно обозначенного, образа России и её граждан. Показательно, что для ряда зарубежных фильмов характерно неразличение рус-

ских, белорусских и украинских персонажей – они все входят в клише «русская мафия». Примером такого подхода можно назвать «дитя Беларуси» – персонажа серии фильмов «Джон Уик», главу мафии

по прозвищу «Баба Яга». Очевидно, такая аккомодация этносов обусловлена восприятием их извне через призму общего исторического пути, в пределе выраженного в СССР¹.

Таблица 1 / Table 1

Западные фильмы с русскими персонажами / Western movies with Russian characters

№	Название	Год	Формат	Русские персонажи	Примечания
1	Большой куш	2000	ф	Борис «Бритва» Юринов	М
2	Миссия невыполнима 2	2000	ф	Доктор Нехорвич, доктор Градский	У
3	Космические ковбои	2000	ф	Генерал Востов, инженер	С
4	Там, за океаном	2000	ф	Саша Кузнецова, дядя Алеша, Сева	
5	Люди Икс: Эволюция	2000–2003	м/с	Пётр «Колосс / Пролетарий» Распутин	
6	Враг у ворот	2001	ф	Василий Зайцев, Саша Чернова, комиссар Данилов, Никита Хрущев, Куликов, Филиппов, мать Филиппова, Антон, дедушка	Частично основан на реальных событиях
7	Перехватчики 2	2002	ф	Горшков	С
8	Лиля навсегда	2002	ф	Лиля, Володя, Андрей, Сергей	
9	Хэллбой: герой из Пекла	2004	ф	Распутин	–
10	Люди Икс 2	2004	ф	Пётр «Колосс / Пролетарий» Распутин	–
11	Загадка Наталии Вуд	2004	с	Наталя Захаренко, Ольга, Наташа, Майя Плисецкая	Основан на реальных событиях
12	Превосходство Борна	2004	ф	Ирина Неская, Кирилл, Владимир Неский, Юрий Гретков	М
13	И моё сердце биться перестало	2005	ф	Минсков	М
14	Старший сын / Оптимист	2005	ф	Макс	–
15	Полурусская история	2006	ф	Юлия, Лена, Натали, Роман, Артур, Стас	–
16	Люди Икс: Последняя битва	2006	ф	Пётр «Колосс / Пролетарий» Распутин	–
17	Плутоний – 239	2006	ф	Марина Березина, Оксана, Тимофей Березин, Старков, Влад, Егор, Андрей	С
18	Хозяева ночи	2007	ф	Карина Бужаева, Сандра Грузинская, Вадим Нежинский, Павел Любарский, Марат Бужаев, Иосиф Грузинский, Берт Грузинский	М
19	Стрелок	2007	ф	Михайло Щербяк	М
20	Война и Мир	2007	ф	Наташа Ростова, Мари Болконская, Соня Ростова, Элен Курагина, Наталя Ростова, Лиза Болконская, Марья Ахросимова, Пьер Безухов, Андрей Болконский, князь Болконский, Николай Ростов, Фёдор Долохов, Анатолий Курагин, Илья Ростов, Василий Курагин, Михаил Кутузов, Василий Денисов, Петя Ростов, Платон Каратаев, император Александр	По роману Л.Н. Толстого

¹ В таком случае необходимо оговориться, что несмотря на то, что авторы считают необходимым всё же дифференцировать русский и белорусский этносы.

21	24 часа	2001–2010 Сезон 2007–2008	с	Анна Суварова, Юрий Суваров, Владимир Берко, Дмитрий Греденко, Даврос, Сергей Бажаев, Иосиф Бажаев, Владимир Лайтонян, Михаил Новакович	М, С
22	Индиана Джонс и Королевство Хрустального Черепа	2008	ф	Ирина Спалько, Антон Довченко	У, С
23	Рок-н-ролльщик	2008	ф	Юрий Омович	М
24	Карантин	2008	ф	Юрий Иванов	
25	Иммигранты	2008	м/с	Владислав	–
26	Кодекс вора	2009	ф	Александра Короленко, Виктор Петрович, Богдан, Сергеев, Жуков	М
27	Одиночки	2009	ф	Саша Блохин	На основе реальных событий
28	Гриффины: Шпионы, похожие на нас	2009	м/с	Владимир Путин	С
29	Росомаха и Люди Икс	2009	м/с	Пётр «Колосс / Пролетарий» Распутин	–
30	Перейти черту	2010	ф	Летвинко, Борлек	М
31	Фрахт	2010	ф	Сорин, Василий, Сергей, Вадим	М
32	Аббатство Даунтон	2010 – 2015	с	Князь Игорь Курагин, граф Николай Ростов	
33	Железный Человек 2	2010	ф	Наташа «Чёрная вдова» Романофф Иван «Хлыст» Ванко	У
34	Железный Человек: Приключения в броне	2010	м/с	Иван «Хлыст» / «Красное динамо» Ванко	У
35	Мстители: Величайшие герои Земли	2010–2012	м/с	Наташа «Чёрная вдова» Романофф	–
36	5 дней в августе	2011	ф	Даниил, Александр Демидов, Лаврин, солдаты российской армии	Основан на реальных событиях, С
37	Люди Икс: Первый класс	2011	ф	Генерал Волков, Леонид Брежнев, советские офицеры	С
38	Двойной агент	2011	ф	Эмбер, Игорь Волк, Иохан Бозловский	С
39	Области тьмы	2011	ф	Геннадий	М
40	Мы. Верим в любовь	2011	ф	Евгений Колпаков	–
41	Груз	2011	ф	Наташа, Ольга, Миша	–
42	Миссия невыполнима: Протокол Фантом	2011	ф	Анатолий Сидоров	С
43	Красная вдова	2012	ф	Карина Петрова, Андрей Петров, Ирвин Петров	М
44	Четвёртая власть	2012	ф	Катя, Алексей Онегин, Дима, Владимир, Соколов	С
45	Мстители	2012	ф	Наташа «Чёрная вдова» Романофф	–
46	Мадагаскар 3	2012	м/с	тигр Виталий	–
47	Ячейка Гординых	2012	с	Диана Гордина, Наталья Гордина, Нина Исааковна, Людмила, Юлия Демидова, Эяль Гордин, Михаил Гордин, Высоцкий	М

48	Анна Каренина	2012	ф	Анна Каренина, Долли Облонская, Лидия Ивановна, княгиня Мякая, графиня Вронская, баронесса, Бетти Тверская, Кити Щербацкая, Маша, Лиза Меркалова, княжна Сорокина, Каренин, Вронский, Стива Облонский, Константин Левин, капитан Махотин, Борис, Александр, Тушкевич, Василий Лукич	По роману Л.Н. Толстого
49	Записки юного врача	2012	с	Пелагея Ивановна, Анна, Владимир Бомгард, Демьян Лукич, Кирилл, Егорыч, Пальчиков	По мотивам произведений М.А. Булгакова
50	Чёрный список	2013 – н.в	с	Маша Ростова, Екатерина Ростова, Татьяна Петрова, Константин Ростов, Илья Козлов, Иван Степанов, Богдан Крипов	С
51	Пипец 2	2013	ф	Екатерина «Mother Russia» Дубровски	
52	Тихоокеанский рубеж	2013	ф	Саша и Алексей Кайдановские	У
53	Предательство	2013	ф	Наташа, Юрий, Миша, Коля, Борис	М
54	Roulette	2013	ф	Мария, Елена, Арсений, Туристин, Влад, Юрий	М
55	Крепкий орешек: хороший день, чтобы умереть	2013	ф	Юрий Комаров, Виктор Чагарин, Антон	М, С
56	Мстители: Общий сбор	2013–2019	м/с	Наташа «Чёрная вдова» Романофф	
57	Великий уравнитель	2014	ф	Николай «Тедди» Итченко, Владимир Пушкин (в рус. дубл. – Пушкиевич)	М
58	Люди Икс: Дни минувшего будущего	2014	ф	Пётр «Колосс» Распутин	
59	Первый мститель: Другая война	2014	ф	Наташа «Чёрная вдова» Романофф	
60	Академия Вампиров	2014	ф	Наталья Дашкова, Дмитрий Беликов, Виктор Дашков	
61	Курт Сеит и Александра	2014	с	Александра Верженская, Тина Верженская, Татьяна Чупилкина, Лора Полянская, Захде Эминова, Хавва Эминова, Нина Верженская, Екатерина Верженская, Надежда Богаевская, Мария Боринская, Ыылдыз Мемедова, Алина Соколова, Курт Сеит, Петр Боринский, Джелиль Камилов, Владимир Савитков, Михаил Сорокин, мирза Эминов, Махмут Эминов, Осман Эминов, Юлиан Верженский, Африкан Богаевский, Андрей Боринский, Борис Богаевский	
62	Жертвуй пешкой	2014	ф	Борис Спасский, Ефим Геллер, Иванович, Леонид Брежнев	На основе реальных событий, С
63	Виктор	2014	ф	Александра Иванова, Ирина Плутова, Виктор Ламберт, Антон Белинский, Ветров, Вадим	М
64	Гнев / Токарев	2014	ф	Лиза, Чернов, Иван, Антон, Саша	М
65	Номер 44	2015	ф	Раиса Демидова, Инесса Демидова, Лев Демидов, Василий Никитин, Михаил Нестеров, майор Кузьмин, Анатолий Бродский, Владимир Малевич, майор Грачев, Иван Суков, Александр, доктор Тяпкин, Алексей Андреев, Семён Окунь	Частично основан на реальных событиях, С
66	Заложница 3	2015	ф	Олег Маленков	М

67	Мстители: Эра Альтрона	2015	ф	Наташа «Чёрная вдова» Романофф	С
68	Агенты А.Н.К.Л.	2015	ф	Илья Куракин, Олег	С
69	Плоть и кости	2015	с	Паша, мафиози Сергей	М
70	Первый мститель: Противостояние	2016	ф	Наташа «Чёрная вдова» Романофф	
71	Война и Мир	2016	с	Наташа Ростова, Мари Болконская, Соня Ростова, Элен Курагина, Анна Друбецкая, Наталья Ростова, Анна Павловна Шерер, Лиза Болконская, Жюли Карагина, Пьер Безухов, Андрей Болконский, князь Болконский, Николай Ростов, Фёдор Долохов, Анатолий Курагин, Илья Ростов, Борис Друбецкой, Василий Курагин, Михаил Кутузов, Василий Денисов, Петя Ростов, Платон Каратаев, Билибин, император Александр, Осип Баздеев, Тихон, князь Багратион, генерал Беннигсен, дядя Михаил	По роману Л.Н. Толстого
72	Дедпул	2016	ф	Пётр «Колосс» Распутин	
73	Смерть Сталина	2017	ф	Виктория Юдина, Светлана Аллилуева, Лидия Тимашук, Полина Молотова, Никита Хрущев, Лаврентий Берия, Василий Сталин, Георгий Маленков, Вячеслав Молотов, Лазарь Каганович, Анастас Микоян, Георгий Жуков, Николай Булганин, Иосиф Сталин, Леонид Брежнев, Иван Конев, Кирилл Москаленко, Сергей, Андреев, Спартак Соколов, Делов, Тарасов, Межников	Частично основан на реальных событиях, С
74	Хантер Киллер	2018	ф	Сергей Андропов, Николай Закарин, Дмитрий Дуров	С
75	Профессионал / Сибирь	2018	ф	Катя, Раиса, Ефрем, Борис Волков, Полозин, Иван, Павел	М
76	Гордая Мэри	2018	ф	Лука Козлов	М
77	Мстители: Война бесконечности	2018	ф	Наташа «Чёрная вдова» Романофф	
78	Дедпул 2	2018	ф	Пётр «Колосс» Распутин	
79	Чайка	2018	ф	Ирина Аркадина, Маша, Полина Андреевна, Ирина Заречная, Борис Тригорин, Илья Шамраев, Константин Треплев, Петр Сорин, Евгений Дорн, Семен Медведенко,	По пьесе А.П. Чехова
80	Красный воробей	2018	ф	Доминика Егорова, Нина Егорова, Марта Еленова, Соня, Аня, Владимир Корчной, Иван Егоров, Захаров, Максим Волотнов, Дмитрий Устинов, Константин, Николай, режиссер балета, Сергей Маторин	С
81	МакМафия	2018	ф	Оксана Годман, Катя Годман, Людмила Николаевна, Таня, Наташа Калягина, Маша Попова, Ирина, мать В. Калягина, Алекс Годман, Дмитрий Годман, Вадим Калягин, Борис Годман, Илья Федоров, Марат, Тимур, Григорий Мишин, Олег	М
82	Тихоокеанский рубеж 2	2018	ф	Илья	
83	Операция Одесса	2018	ф	Людвиг Файнберг	На основе реальных событий, М
84	Джетт	2019	с	Виктор Солоник	М

85	Анна	2019	ф	Анна Полятова, Ольга, Ника, Алексей Ченков, Пётр, Влад, Васильев, Олег Филенков	С
86	Мстители: Финал	2019	ф	Наташа «Чёрная вдова» Романофф	
87	Очень странные дела (3 сезон)	2019	с	Алексей, доктор Жарков, командир Озеров, неназванный ученый	С, У
88	Джентльмены	2019	ф	Аслан	М
89	Песня о Свэй-Лейк	2019	ф	Николай	
90	Великая	2020	с	Екатерина Великая, Джорджина Дымова, Елизавета Петровна, Татьяна, Беланова, Марина, Катя Липка, Надя, Юля, Федора, Пётр III, Емельян Пугачев, граф Орлов, Георгий Дымов, архиепископ, Велементов, Аркадий, Лео Вронский, Влад, доктор Чехов, Ник, князь Смольный, Алексей Ростов, Толстов, князь Раскольников, лейтенант Бухарин, Алексей, доктор Смирнов, военнопленный, Василий, гвардеец, доктор Винодел, отец Василий, Раскольников, дядя Ваня, Максим, Григорий Петров, Пётр Великий	Частично основан на реальных событиях
91	Довод	2020	ф	Андрей Сатор, Волков	М
92	Игры шпионов	2020	ф	Вера, Олег Пеньковский, Никита Хрущёв, Олег Грибанов	Основано на реальных событиях, С
93	Пороховой коктейль	2021	ф	Русский головорез	М
94	Черная вдова	2021	ф	Наташа «Чёрная вдова» Романофф, Елена «Чёрная вдова» Белова, Антония «Таскмастер» Дрейкова, Мелина «Чёрная вдова» Востокофф, Алексей «Красный страж» Шостаков, генерал Дрейков	С, У
95	Соколиный глаз	2021	с	Елена «Чёрная вдова» Белова, «Мафия в трениках»	М
96	Никто	2021	ф	Подручная, Юлиан Кузнецов, Федор Кузнецов, Валентин, Анатолий, Павел	М
97	Академия Вампиров	2022	с	Дмитрий Беликов, Виктор Дашков	
98	Южный парк	2022	м/с	Владимир Путин	С
99	Быстрее пули	2022	ф	Белая Смерть, Алексей Ильин	М
100	Тетрис	2023	ф	Саша, Нина Пажитнова, Алексей Пажитнов, Валентин Трифонов, Николай Беликов, Михаил Горбачев, Дмитрий Пажитнов, Петр Пажитнов	Частично основан на реальных событиях, У, С
101	Гриффины: Из России с Любовью	2023	м/с	Иван	
102	Нападение на Рио-Браво	2023	ф	Иван Турчанинов	
103	Крейвен-охотник	2024	ф	Сергей Кравинов, Николай Кравинов, Алексей Сицевич, Дмитрий Смердяков,	

Источник: составлено авторами

Материалы киновселенных, где упоминается один и тот же персонаж, выделены в таблице цветом, а имена реальных исторических личностей отмечены курсивом. Это позволило отделить оригинальные

характеры от образов русских исторических лиц, действующих в соответствии с представлениями о России в контексте глобального дискурса. Мы видим, что 2 из 3 клише являются, скорее,

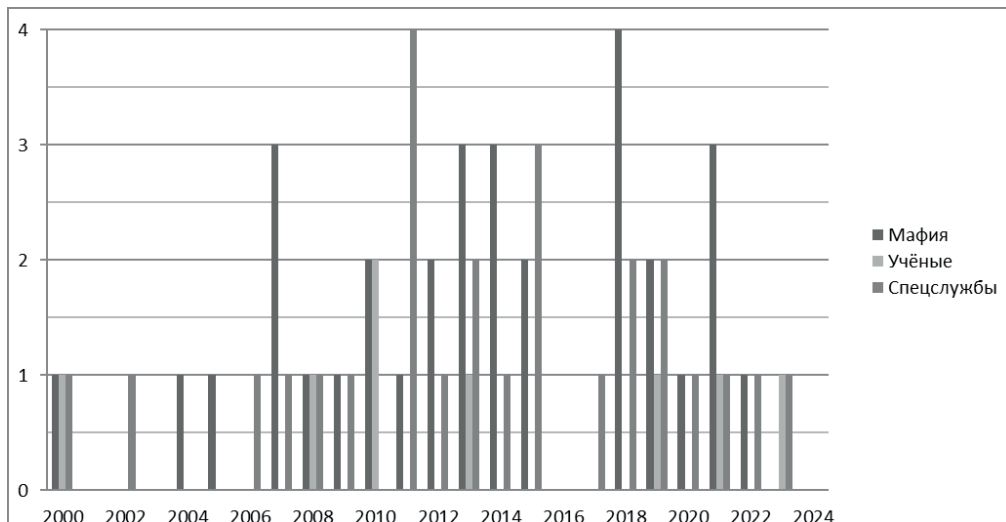

Рис. 1 / Fig. 1. Количество фильмов с русскими персонажами по дате выхода, шт. / Number of movies with Russian characters by release date, pcs.

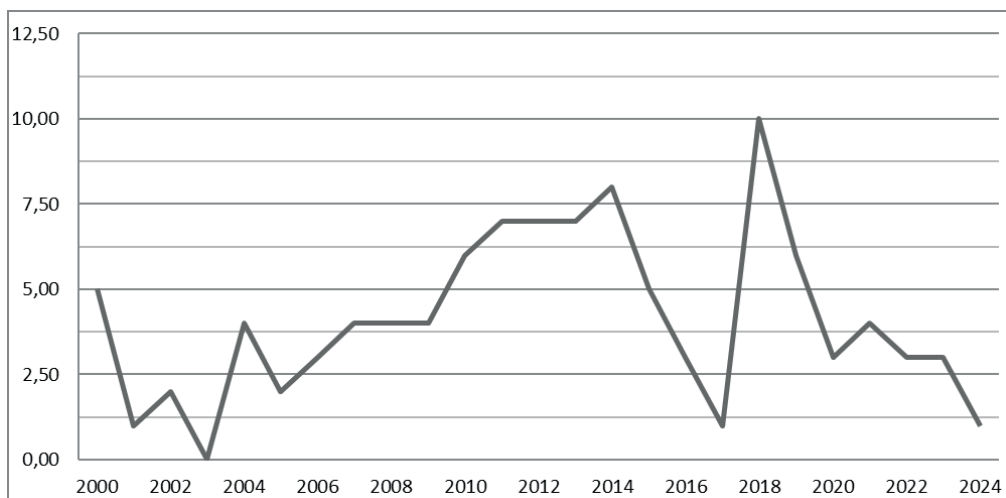

Рис. 2 / Fig. 2. Распределение фильмов с основными клише по годам, шт. / Distribution of films with major clichés by year, pcs.

пейоративными («мафия» и «спецслужбы»), и лишь одно («учёные») – условно-нейтральным.

На основании получившихся данных построен график, отображающий количество фильмов с русскими персонажами по дате выпуска, для того, чтобы проследить корреляцию между «русской темой» в западном кино и геополитическими событиями (рис. 1). Также построен график, демонстрирующий распределение

фильмов с основными клише по годам, который позволяет выделить основные мифологемы, используемые для конструирования образа русских в том или ином году (рис. 2).

Смотря (в) западное кино: эмпирический анализ данных

В целом для западного массового кино характерно использование русской темы. Говоря об истории отображения русских

в западном глобальном кино, достаточно вспомнить романтическую комедию «Ничка» (1939), которая транслирует относительно доброжелательное отношение к русским. Однако всё изменилось с началом холодной войны, которая подарила западному дискурсу идею «красной угрозы». Примером такого отношения можно назвать фильм «Вторжение в США» (1952) и «Русские идут! Русские идут!» (1966).

Начиная с 1950-х гг. вплоть до конца XX в. характерна определённая степень «советофобии», апофеозом которой стал фильм «Красный рассвет» (1985), повествующий о нападении СССР на США. Перестройка и ориентация Советского Союза на сотрудничество с Западом привели к снижению степени геополитической эскалации, что, в свою очередь, трансформировало кинематографическое отношение к русским в сторону более терпимого. Так, в фильмах «Красная жара» (1988), «Русский дом» (1990) и «Маленькая Одесса» (1994) наши соотечественники показаны не как безвольные шестерёнки механизма советской «тоталитарной машины», а как люди, достойные сопереживания и сочувствия. Точнее всего отношение западного дискурса к русскому миру выразил герой А. Шварценеггера, милиционер Иван Данко: «Мы офицеры полиции, не политики, нет ничего плохого в том, чтобы признавать, что мы друзья». В этот период сохраняется инерция сохранения образа спецслужб как органов надзора, но дополнительно вводится образ русского учёного – безденежного, безответного, но являющегося гениальным творцом.

С 1990-х гг. помимо сочувственного интереса к русским людям в западном кинодискурсе появляется новая алармистская линия – русские эмигранты, хлынувшие в США и Европу¹. С целью

маргинализации этого этнического субстрата глобальный западный кинематограф конструирует образ русской наркомафии или организованной преступной группировки, ведущей себя предельно дико и брутально. В качестве примера фильмов с таким пейоративным восприятием русских эмигрантов можно назвать фильм «Точка падения» (1996).

Исследователи образа русских в массовом кино выделяют несколько ключевых причин для формирования «русского мафиозного алармизма»: война в Чечне, которую на Западе воспринимали как подавление свободы [6, с. 74], слабость и политическая несубъектность ельцинского политического аппарата, постсоветский бандитизм и неустойчивое финансовое положение населения [8, с. 81–82]. К 2000 г. в Голливуде сложилась устойчивая традиция изображать русских либо как обнищавших наследников Советского Союза, либо как иммигрантов, утративших моральные ориентиры. И на рис. 2 мы видим, что фильмы начала 2000-х гг. сохраняют традиционный набор стереотипов о русском человеке: мафия, спецслужбы, учёные. Все эти категории представлены в равной степени в 4 игровых фильмах и одном мультсериале.

В 2001 г. можно наблюдать резкий провал на графике (рис. 1), обусловленный резким снижением доли фильмов с русскими персонажами. А. В. Слобода и П. Злобина выдвигают гипотезу, что в этот период американский кинодискурс был сконцентрирован на исламских террористах и медиа-ответу на события 11 сентября 2001 г. [6, с. 75]. Соглашаясь с этим тезисом, мы предлагаем дополнительное объяснение резкому уходу от «русской темы» в начале века. На наш взгляд, этот феномен обусловлен транзитом власти от Б. Н. Ельцина к В. В. Пу-

¹ На самом деле постсоветские, но как говорилось выше, для глобального Запада характерна смысловая коллизия, выраженная в этнической агглютации населения СССР и именование всех некогда проживавших на его территории этносов «русскими».

ми». Так, например, Аслан и Аслан-старший из фильма «Джентльмены» (2019, реж. – Г. Ричи) в равной степени могут быть как русскими кавказцами, так и русскими грузинами, армянами или азербайджанцами.

тину, и западный дискурс в этот период предпочёл «взять паузу», чтобы корректнее определить новые дискурсивные рамки для выстраивания образа русского в кинематографе. Однако 10 января 2000 г., тогда ещё находящийся в статусе и.о. президента РФ, В. Путин подписал Указ «О концепции национальной безопасности Российской Федерации». В нём было заявлено о намерении России обеспечивать свою национальную безопасность посредством противодействия попыткам других стран лишить её статуса одного из центров влияния в многополярном мире¹. Этот документ маркировал начало новой внешней политики, отличной от стремления к глобализации Ельцина. Он же сказался и на трансформации России в глобальном дискурсе и его экспликации в медиаконтенте.

Начиная с 2004 г., мы видим существенный прирост фильмов с русскими персонажами и их стабильную негативную коннотированность как «мафиози» (рис. 2). Объяснение росту этого клише предлагает А. Федоров, который указывает на следующий момент: «как уже отмечалось, западная кинопродукция о русских бандитах стартовала в 1990-х. Однако именно в 2000-х она достигла своего пика. Жестокие российские гангстеры и мафиози, часто в нелепом, совершенно неправдоподобном исполнении западных актёров... стали своего рода знаковыми персонажами на экранах США и Европы. Конечно, «жанру боевика необходим образ врага. Чем удобны Голливуду Россия и русские?... Всем! Россия – далеко, к тому же не так сильна и не так амбициозна, как прежде. Далее: русские, что очень важно, белокожие. Голливуд (особенно после Лос-Анджелесских событий) опасается изображать злодеями латино-, афроамериканцев или вы-

ходцев из Юго-Восточной Азии, которые составляют значительную часть населения и (кстати!) зрительской аудитории. Удобно и то, что русское лобби в Америке себя почти не проявляет» [8, с. 83].

Второй пейоративный гетеростерейотип, который заслуживает безусловного внимания и более подробной дескрипции – это образ спецслужб. Быт советских граждан описывался в терминах, характерных для антиутопий и в этом описании неизменно присутствовала аббревиатура «КГБ». Инерция такого подхода сохраняется вплоть до 2008 г. Можно предположить, что причин сохранения образа русских как поднадзорных граждан две.

Во-первых, создание мифологизированного образа государства, населённого сотрудниками спецслужб, которые следят за согражданами и осуществляют промышленный, культурный и геополитический шпионаж органично ложится на образ *чужого*, который диаметрально противоположен западному дискурсу. Ведь декларируемыми конвенциональными ценностями коллективного Запада являются свобода², демократия³ и неограниченное развитие технологий⁴. Примат спецслужб в общественной жизни государства, конструируемого как *группа других* или *чужое* инвертирует эти ценности, низводя их до противоположных. За счёт этого создаётся основанная на формационном подходе и характерная для западного леволиберального расистского мировоззрения бинарная оппозиция «варварства и цивилизации», которая мыслится уже не как элементы синтагмы, но как полюса «добра и зла».

В качестве примера такого взгляда на русские спецслужбы можно привести

² Понимаемая как *liberty* – «свобода от» (Э. Фромм) или негативная свобода (Ф. Ницше)

³ Конструируемая строго по западноевропейскому образцу, с размыванием этнической, религиозной или любой другой идентичности и с нахождением в проамериканском геополитическом блоке (НАТО, ЕС).

⁴ В пределе ведущее к пост- и трансгуманизму.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 10.01.2000 г. № 24 О концепции национальной безопасности Российской Федерации // Президент России: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/14927> (дата обращения: 13.05.2024).

фильм «Космические ковбои» (2000), повествующий о едва не случившемся по вине русских ядерном апокалипсисе. По сюжету некий старый советский спутник связи «АЙКОН» сошёл с орбиты и может рухнуть на Землю. Однако попытки его перехватить приводят инженеров к шокирующему выводу: это не спутник, а пусковая платформа для 6 ракет с ядерными боеголовками. Представитель России в НАСА вынужден признать, что «АЙКОН» был частью секретного советского проекта по созданию системы гарантированного ответного удара на случай ядерной войны. И если спутник сойдёт с орбиты, то его автоматика расценит это как ликвидацию СССР и запустит ракеты по 6 крупным городам США.

Ещё одним ярким примером мифологизации образа русских спецслужб является одна из самых тиражируемых русских героинь в западном медиадискурсе – Наташа «Чёрная вдова» Романовф. Она встречается в 10 киноисточниках из 103 рассмотренных, и большая часть этих кинопроизведений ориентирована на детей и подростков, т. е. снята на основе комиксов. Персонаж Наташа Романовф – русская шпионка, которая выросла в фальшивой семье, состоящей полностью из агентов КГБ. Согласно сюжету комиксов она с детства обучалась в специальной балетной академии «Красная комната», на деле представляющей собой сверхсекретную советскую (впоследствии российскую) программу по превращению молодых женщин в элитных убийц¹. Помимо занятий балетом и воинской подготовки, все студентки «Красной комнаты» проходят принудительную стерилизацию². По сюжету серии комиксов «Мстители» Наташа покидает Россию и присоединяется к агентству «Щ.И.Т.», где становится

ключевым членом команды. Несмотря на очевидную абсурдность биографии, этот персонаж, равно как и сама концепция «Чёрной вдовы» как идеальной женщины-убийцы, прошедшей подготовку в стенах КГБ, пользуется высокой популярностью в западном медиа-дискурсе. Так, отголоски образа Наташи Романовф можно обнаружить в фильме «Красный воробей». В нём главная героиня Доминика Егорова также проходит подготовку в школе КГБ под прикрытием занятий балетом и в процессе подвергается физическому и психологическому насилию.

Интересно, что, несмотря на то, что Наташа Романовф погибает в фильме «Мстители: Финал» (2019), дело её остаётся живо. После успешного релиза приквела «Чёрная вдова» (2021) компанией Disney+ в прокат был запущен сериал «Соколиный глаз», повествующий о другой «Чёрной вдове» с идентичным прошлым – Елене Беловой. На наш взгляд, это маркирует определённую идеологическую ценность данного клише для коллективного Запада и готовность его тиражирования во всё новых и новых прочтениях на детскую и юношескую аудиторию.

Справедливости ради следует сказать, что в большинстве фильмов русские спецслужбы не являются основным двигателем сюжета, но служат значимым контрапунктом. Однако за счёт использования этого образа в западном кинодискурсе складывается устойчивая мифологема о России как анти-Западе и вражеской территории. При этом чрезвычайно показательно, что как враг Россия в целом и русский человек в частности показаны страшными, но при этом слабыми, а признаком чуждости становится несогласие с глобальными ценностями.

Во-вторых, вероятно, что образ русских спецслужб представляет собой синекдоху президента России. Широко известен тот факт, что В. В. Путин в с 1975 по 1990 гг. служил в КГБ по линии контрразведки и внешней разведки, а с

¹ Более детально это заведение, а также сама учебная программа показываются в фильме «Чёрная вдова» (2021 г., реж. К. Шортланд)

² См. фильм «Мстители: Эра Алтрон» (2015 г., реж. Дж. Уидон).

25 июля 1998 г. по 9 августа 1999 г. возглавлял ФСБ России¹. Вполне вероятно, что выполняющий свой долг перед Родиной офицер, который впоследствии занял главную руководящую роль в стране, был интерпретирован западным дискурсом как бенефициар крупной сети служб разведки. Очевидно, что такой руководитель России как крупный геополитический игрок на международной арене для Запада не просто неудобен – неприемлем. Об этом косвенно свидетельствует фраза министра обороны США Р. Гейтса: «У старых шпионов есть привычка говорить откровенно», сказанная им о В. В. Путине в контексте обсуждения тезисов Мюнхенской речи 2007 г.² Исходя из этого, логично предположить, что соотнесение России с образом спецслужб – один из векторов сетцентрической войны против России, направленный на дискредитацию её президента в глазах аксиологически прозападной «пятой колонны».

Подтверждением гипотезы о геополитической ангажированности в процессе конструирования негативного образа России может косвенно служить снижение доли образа русских спецслужб в период президентства Д. А. Медведева (рис. 2). Примечательно, что единственное упоминание российских спецслужб в западном кинодискурсе в период с мая 2008 по 2011 гг. изображало именно В. В. Путина, руководящего «спящими» агентами³. Первые шаги на посту президента, предпринятые Д. А. Медведевым, органично ложились в логику глобалистских процессов и вызвали потребность в медийной деэскалации. Сюда же можно отнести «перезагрузку» отношений РФ и

США в 2009 г. и восстановление совета Россия–НАТО.

Однако суверенизация российского внешнеполитического курса, выраженная в поддержке Россией Южной Осетии в 2008 г., а также несогласие правительства РФ с интервенцией НАТО в Ливию вызвали новый виток сетцентрической войны на западном кинофронте. Так, на 2011 г. приходится пик фильмов, упоминающих русские спецслужбы (рис. 2), и после этого периода количество негативных клише, связанных с образом русских в западном кинодискурсе начинает держаться на стабильно высоком уровне. Мы видим, что показатели (рис. 2) как минимум вдвое превышают значения, которые были характерны для первого десятилетия XXI в. Таким образом, начиная с 2011 г., западный дискурс усиливает трансляцию мифологемы о «злом русском», вследствие чего русский человек в глобальном западном кинематографе изображается максимально негативно.

Вплоть до 2014 г. доля фильмов с негативно мифологизированными русскими персонажами стабильно возрастает, однако после событий «Русской Весны» график демонстрирует провал вплоть до 2017 г. Однако этот и предшествующий годы не демонстрировали каких-либо ярких моментов в российской политике, которые могли бы повлиять на внезапную деэскалацию. Учитывая тот факт, что большинство западных кинофильмов снимаются в Голливуде, можно предположить, что объяснение этому провалу фундировано в политических событиях Америки. И действительно, конец 2016 г. прошёл в США под знаком беспрецедентно острой предвыборной гонки, в результате которой демократа Б. Обаму 8 ноября 2016 г. сменил республиканец Д. Трамп.

21 января 2017 г., на следующий день после своей инаугурации, Трамп выступил с речью перед сотрудниками ЦРУ, в которой он определил нового внешнего

¹ Биографии президентов России // Президент России: [сайт]. URL: <http://kremlin.ru/structure/president/presidents> (дата обращения: 13.05.2024).

² Как шпион шпиону. Министр обороны США вступил в полемику с президентом России // Lenta.ru: [сайт]. URL: <https://lenta.ru/articles/2007/02/12/munich/> (дата обращения: 13.05.2024).

³ Мультсериал «Гриффины», сезон 8, эпизод 3 «Шпионы, похожие на нас», 2009 г.

врага – исламских террористов¹. За счёт этой директивы негативная мифологизация русских снова идёт на спад. В этот период основу для сценариев фильмов с «русским следом» составляли фильмы на основе комиксов² и обращение к русской классической литературе³. Но и это потепление было недолгим – после «дела Скрипалей» отношения между двумя крупнейшими игроками на мировой арене стремительно ухудшились⁴. В 2018 г. вышло в прокат максимальное количество фильмов с участием русских актёров, в котором наиболее высокую долю (4 из 10 фильмов) составляет мифологема «русской мафии», и на среднем уровне (2 из 10) держится миф о русских спецслужбах (рис. 2).

Интересно, что СВО не повлекла за собой увеличения количества фильмов с русскими персонажами, но актуализировала геополитическую повестку в медиаконтенте, рассчитанном на молодёжную аудиторию. Так, в культовых мультсериалах «Гриффины» и «Южный Парк» после 2022 г. вышли сюжеты с предельно пейоративными образами В. В. Путина⁵ и России⁶.

Ещё одним образчиком геополитического антироссийского высказывания в западном глобальном кинематографе является биографический триллер «Те-

трис», посвящённый А. Пажитнову⁷. Этот фильм в определённом смысле является посланием всем, кто был индоктринирован западными ценностями – он повествует о советском гении, изобретшем культовую видеоигру, но не получающем роялти от государства, поскольку оно стремилось быть единственным выгодоприобретателем от его изобретения. В фильме Пажитнов показывается как сын диссидента (отца лишили учёного звания и работы за подпись под петицией об освобождении коллеги, который был лишён свободы за продажу прав на издание его книги на Западе) и безответный интеллектual, который находится в окружении сотрудников КГБ и партийных работников, утративших идеологическую выверенность и верящих в становление капиталистического общества. В фильме также утрированно показан агонизирующий Советский Союз, граждане которого поднимают тосты за «свободу личности и слова, кока-колу и джинсы Levi's». Показательно, что незадолго до выхода фильма в прокат, Пажитнов подверг резкой критике президента России В. В. Путина и специальную военную операцию России на Украине⁸.

Заключение

Современное кино полностью утратило схватываемую Делёзом границу между политическим и частным мифом, а геополитическое измерение влияет на сферу искусства, к которой принадлежит кино. Западный глобализм реализует стратегии сетцентрических войн, удаляя из кино духовные смыслы, взамен насыщая его идеологемами либерализма. В результате такой инструментализации кино западным антироссийским дискурсом в мире сформировался пласт

¹ Трамп выступил с речью перед работниками ЦРУ // Lenta.ru: [сайт]. URL: <https://lenta.ru/news/2017/01/22/trump/> (дата обращения: 13.05.2024).

² А именно: «Первый мститель: Противостояние» (реж. Э. Руссо, Дж. Руссо, 2016) и «Дэдпул» (реж. Т. Миллер, 2016).

³ В этот период в Британии по роману Л. Н. Толстого был снят телесериал «Война и Мир» (реж. Т. Харпер, 2016).

⁴ U.S. – Russian relations worst Ambassador Antonov can remember // NBC News: [сайт]. URL: <https://www.nbcnews.com/news/world/u-s-russian-relations-worst-ambassador-antonov-can-remember-n861391> (дата обращения: 13.05.2024).

⁵ Мультсериал «Южный парк», сезон 25, эпизод 4 «Назад Холодную войну», 2022 г.

⁶ Мультсериал «Гриффины», сезон 21, эпизоды 19 и 20 «Из России с любовью», 2009 г.

⁷ «Тетрис» (реж. Дж. С. Брейд, 2009).

⁸ Tetris creator Alexey Pajitnov condemns Russian invasion of Ukraine // Venturebeat: [сайт]. URL: <https://venturebeat.com/games/tetris-creator-alexey-pajitnov-condemns-russian-invasion-of-ukraine/> (дата обращения: 18.05.2024).

людей, некритически воспринимающих западные ценности и транслирующие русофобские пейоративы, идеологемы и мифологемы. И в условиях текущей сетцентрической войны с коллективным Западом перед русскими людьми остро встаёт проблема противодействия «мягкой силе» западной кинопропаганды, поскольку становится очевидно, что, если не противодействовать этой тенденции, то есть риск утратить собственный геополитический и культурный суверенитет. Так, К. В. Малофеев подчёркивает необходимость такого противодействия на государственном уровне следующим образом: «Успешное авторское кино, не противоречащее базовым ценностям и принципам русской цивилизации, должно удостаиваться значительных госпремий, в т. ч. и полностью покрывающих затраты на производство» [5, с. 44].

При этом тотальная цифровизация предоставляет человеку доступ к огромному количеству материалов, позволяющих проверить информацию, которая содержится в потребляемом контенте.

На наш взгляд, вестернологический подход к кино – та методология, которая позволит воспринимать продукты западной медиа-среды не как культурную универсалию, но как политический инструмент цивилизационного оппонента, отображающий лишь один взгляд на геополитическую реальность. Такой подход позволит современному российскому зрителю не поддаваться соблазну слияния политических конструктов с объективной реальностью и в то же время не забывать о бенефициарах транслируемых мифологем, которые лишь подливают масла в огонь нашего беспокойного времени.

Дата поступления в редакцию 29.05.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Баркова А. Подросток. Исполин. Регресс: Три лекции о мифологических универсалиях. М.: РИПОЛ классик, 2019. 224 с.
2. Делез Ж. Кино / пер. с фр. Б. Скуратова. М.: Ad Marginem Press, 2012. 560 с.
3. Дугин А. Г. Этносоциология. М.: Академический проект, 2007. 639 с.
4. Коровин В. Третья мировая сетевая война. СПб.: Питер, 2014. 352 с.
5. Малофеев К. Империя. Образ будущего. М.: АСТ, 2022. 112 с.
6. Слобода А. В., Злобина П. Искажение образа России и русского быта в западных фильмах // StudArctic Forum. 2021. № 1. С. 71–87.
7. Танышина Н. П. Страшные сказки о России. СПб.: Питер, 2023. 256 с.
8. Федоров А. В. Трансформации образа России на западном экране: от эпохи идеологической конфронтации (1946–1991) до современного этапа (1992–2015). М.: Информация для всех, 2013. 230 с.
9. Холмогоров Е. С. Истина в кино. Опыт консервативной кинокритики. М.: Книжный мир, 2018. 640 с.
10. Glassman D. Nine Texts on the Cinema by Roland Barthes. New York, Oxford Academic, 2016. 217 p.

REFERENCES

1. Barkova A. *Podrostok. Ispolin. Regress: Tri lektzii o mifologicheskikh universal'yakh* [Teenager. Giant. Regression: Three lectures on mythological universals]. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2019. 224 p.
2. Deleuze G. *Kino* (Rus. ed.: Skuratov B., transl. *Kino*. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2012. 560 p.)
3. Dugin A. G. *Etnosotsiologiya* [Ethnic Sociology]. Moscow, Akademicheskiiy proyekt Publ., 2007. 639 p.
4. Korovin V. *Tret'ya mirovaya setevaya vojna* [Third World Network War]. St. Petersburg, Piter Publ., 2014. 352 p.
5. Malofeyev K. *Imperiya. Obraz budushchego* [Empire. Image of the future]. Moscow, AST Publ., 2022. 112 p.
6. Sloboda A. V., Zlobina P. [Distortion of the image of Russia and Russian life in Western films]. In: *StudArctic Forum*, 2021, № 1, pp. 71–87.

7. Tanshina N. P. *Strashnyye skazki o Rossii* [Scary tales about Russia]. St. Petersburg, Piter Publ., 2023. 256 p.
8. Fedorov A. V. *Transformatsii obraza Rossii na zapadnom ekrane: ot epokhi ideologicheskoy konfrontatsii (1946–1991) do sovremennogo etapa (1992–2015)* [Transformations of the image of Russia on the Western screen: from the era of ideological confrontation (1946–1991) to the modern stage (1992–2015)]. Moscow, Informatsiya dlya vseh Publ., 2013. 230 p.
9. Kholmogorov Ye. S. *Istina v kino. Opyt konservativnoy kinokritiki* [Truth in the cinema. Experience in conservative film criticism]. Moscow, Knizhnyy mir Publ., 2018. 640 p.
10. Glassman D. *Nine Texts on the Cinema by Roland Barthes*. New York, Oxford Academic, 2016. 217 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Резвушкина Софья Александровна – аналитик учебно-научного центра «Высшая политическая школа им. И. Ильина» Российского государственного гуманитарного университета;
e-mail: finntundra@gmail.com

Резвушкин Кирилл Евгеньевич – кандидат философских наук, эксперт учебно-научного центра «Высшая политическая школа им. И. Ильина» Российского государственного гуманитарного университета;
e-mail: kirus2002@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sofia A. Resvushkina – Analyst, High Political School named after I. Ilyin, Russian State University for the Humanities;
e-mail: finntundra@gmail.com

Kirill E. Revvushkin – Cand. Sci. (Philosophy), Expert, High Political School named after I. Ilyin, Russian State University for the Humanities;
e-mail: kirus2002@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Резвушкина С. А., Резвушкин К. Е. Мифологемы о русских людях в массовом западном кино XXI века // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 3. С. 58–76.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-58-76

FOR CITATION

Rezvushkina S. A., Rezvushkin K. E. The mythologems of Russian people in 21st century mass Western cinema. In: Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences, 2024, no. 3, pp. 58–76.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-58-76

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94 (47) "17-18"

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-77-88

ПОНЯТИЕ «ПОДУШНАЯ ПОДАТЬ» В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВВ.

Бегунова Л. В.

Государственный университет просвещения

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация.

Аннотация

Цель. Рассмотрение понятия «подушная подать» применительно к налогам Российской империи XVIII – первой половины XIX вв.

Процедура и методы. Помимо общенаучных методологических принципов, в работе использованы специальные методы: историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный и метод терминологического анализа.

Результаты. Показано, что к середине XIX в. налог, называемый в историографии «подушной податью», по своей структуре являлся уже не вполне тем платежом, что ввёл в России Петр I, в связи с чем используемое в научной литературе для обозначения данного налога понятие является достаточно условным. Сделан вывод, что трансформация «подушной подати» в конце XVIII – первой половине XIX вв., представлявшая собой постепенное слияние нескольких подушных платежей в один, отражает одну из сторон рационализации процесса сбора прямых налогов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в изучение прямого налогообложения в России.

Ключевые слова: налоговая система, подушная подать, подушный оклад, прямое налогообложение, прямой налог, Российская империя

THE CONCEPT OF "POLL TAX" IN THE CONTEXT OF STUDYING THE TAX SYSTEM OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE 18TH – FIRST HALF OF THE 19TH CENTURIES

L. Begunova

Federal State University of Education

ul. Very Voloshinoi 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To review the concept of "poll tax" in relation to the taxes of the Russian Empire of the 18th – first half of the 19th centuries.

© CC BY Бегунова Л. В., 2024.

Methodology. In addition to general scientific methodological principles, the author uses special methods which include historical-genetic, historical-comparative, historical-typological, historical-systemic and the method of terminological analysis.

Results. The article shows that by the middle of the 19th century the tax, called in historiography "poll tax", was structurally not quite the same payment that was introduced in Russia by Peter the Great, therefore the concept used in scientific literature to designate this tax is quite conventional. It is concluded that the transformation of the "poll tax" in the late 18th – first half of the 19th century, which was a gradual merger of several per capita payments into one, reflects one of the sides of the rationalization of the collection of direct taxes.

Research implications. The research results contribute to the study of the history of direct taxation in Russia.

Keywords: direct tax, direct taxation, tax levied, pool tax, Russian Empire, tax system

Введение

Исследования, посвящённые проблемам экономического развития России XVIII–XIX вв. редко обходятся без упоминания «подушной подати» – ключевого понятия, используемого при рассмотрении вопросов, касающихся налогов и налогообложения в государстве в рассматриваемый период.

Однако несмотря на то, что данный термин является, казалось бы, понятным и не нуждающимся в толковании, традиционно обозначающим основной прямой налог Российской империи, его применение в историографии является достаточно условным. Среди исследователей до сих пор отсутствует единство относительно того, что следует называть «подушной податью» в конкретный исторический период. Это относится как к XVIII в., когда применения данного понятия в источниках ещё не наблюдалось, так и к первой половине XIX в., когда оно вошло в употребление в законодательстве.

Во многом это связано с недостаточным вниманием исследователей к вопросам о том, что из себя представляла «подушная подать» в структурном плане в конкретный период, как трансформировалась в течение времени и чем отличалась от «подушного оклада».

Этим аспектам и посвящена данная работа.

Подушные платежи: что следует называть «подушной податью» в XVIII в.

Переход Петра I на подушную систему обложения означал, что основной податной единицей в Российском государстве становится ревизская душа, а основным налогом – взимавшийся с каждой ревизской души денежный платёж, необходимый для содержания армии. Первоначально в расчёте на 5 миллионов «мужеска пола крестьян и дворовых людей, и иных, которые с ними равно в тягло положены» он составил «8 гривен с персоны» или 80 к. с души¹. Затем этот размер был пересмотрен, составив в 1724 г. 74 к., а в 1725 г. – 70 к. Несмотря на то, что в историографии для обозначения нового налога традиционно применяется термин «подушная подать», в источниках того времени он обычно именовался иначе – «подушными деньгами», «подушным сбором» или «поголовным сбором».

Все категории населения, подлежащие обложению данным налогом, по результатам первой ревизии включались в так называемый «подушный оклад», т. е. обязывались уплачивать определённый государством размер подушного налога. Однако практически сразу Пётр I установил некоторую дифференциацию в подушном обложении, критерием для ко-

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е (далее – ПСЗ I). Т. VI. №3873.

торой послужила разная степень обременённости населения.

Так, по справедливому замечанию авторов «Истории налогов в России», крепостные, кроме уплаты подушного налога государству, несли повинности в пользу своих помещиков (в т. ч. платили оброк). Тем самым они оказывались в более обременительном положении, нежели остальные крестьяне. Поэтому, чтобы уравнивать тяготы всего крестьянства, правительство установило в отношении последних в дополнении к основному подушному налогу специальный платёж, равный 40 к. с души [4, с. 88]. Размер платежа определил его название – «четырёхгривенные деньги» или «четырёхгривенный сбор». Изначально он был учреждён для однодворцев и предназначался для содержания гусарских полков, но указы 23 октября и 10 декабря 1723 г. распространили его на всех непомещичьих крестьян [11, с. 90]. Этим решением государство по существу официально закрепляло за собой статус феодала в отношении данной категории населения, а установленный сорокакопеечный платёж в этой связи стал таким же видом феодальной ренты, что и оброк, уплачиваемый крепостными в пользу помещиков (поэтому также можно встретить его именование «четырёхгривенным оброком»), что лишний раз подтверждалось указом от 19 мая 1724 г.¹ По факту это означало законодательное оформление новой сословной группы, названной «государственные крестьяне», что окончательно устанавливалось Плакатом 26 июня 1724 г.² Именно в этом документе, по свидетельству Г. В. Ярового, данный термин встречается впервые [13, с. 165].

¹ ПСЗ I. Т.VII. №4503.

² ПСЗ I. Т.VII. №4533. Термин «государственные крестьяне» становился собирательным. Согласно Плакату, под данным понятием теперь объединялись однодворцы, черносошные крестьяне, татары, «ясашные и Сибирской губернии пашенные прежних служб, копейщики, рейтары, драгуны, солдаты, казаки, пушкары, затинщики и разсылыщики и всякого звания люди, которые в поголовную перепись написаны и в раскладку на полки положены».

В результате, если помещичьи крестьяне, имея господина в лице помещика, были обязаны уплачивать в пользу казны только «подушный сбор» (на тот момент составлявший 74 к.), то государственные крестьяне, являясь собственностью государства, вносили в казну сразу 2 платежа – «настоящий подушный сбор» и «4-х-гривенные деньги»³. При этом, важно отметить, что всё тем же Плакатом подчёркивалась необходимость «... 4-х гривенные деньги с тех людей (кого причисляли к государственным крестьянам – Л. Б.) собирать Комисару...» и при этом «с настоящим подушным сбором не мешать»⁴, чем закреплялась самостоятельность 2 упомянутых платежей.

Несколько иначе ранее поступили в отношении жителей городов – посадских людей (мещан и купцов). Изначально 8-гривенный платёж на них не распространялся, т. е. они не были включены в подушный оклад. Однако в 1722 г. в отношении данной категории населения был установлен налог, именовавшийся «40 алтын с души»⁵. Существует мнение, что при его введении Петр I руководствовался тем же принципом справедливости, что и в случае с установлением «четырёхгривенных денег», поэтому такой размер платежа был выбран неслучайно: к первоначально определённой сумме подушного налога (80 к. с души) за принадлежность к посадским людям сверх накидывалось 40 к., в сумме получалось 1 руб. 20 к. или «40 алтын с души» [4, с. 88].

Если принять данную точку зрения, то важно подчеркнуть, что принципиально важным отличием этой 40-копеечной «надбавки» от «четырёхгривенных денег» было то, что уже изначально она оказалась неотделима от первоначально установленного размера подушного налога. Поэтому, если при снижении последнего в 1725 г. до 70 к. общая сумма, следовавшая к уплате в пользу казны с государ-

³ Там же.

⁴ Там же. П.18.

⁵ ПСЗ I. Т.VI. №3983.

ственных крестьян, на соответствующую сумму уменьшилась, то в отношении посадских людей подобного не произошло. При снижении размера «настоящего подушного сбора» сначала до 74 к., а затем – 70 к., они по-прежнему должны были платить первоначально установленный 1 руб. 20 к., что, как отмечается в «Истории налогов в России», являлось причиной недовольства и жалоб с их стороны [4, с. 88].

В результате, фактическая 40-копеечная «надбавка» к подушному налогу не стала в отношении посадских людей самостоятельным платежом, как это произошло с «четырёхгривенными деньгами» у государственных крестьян, а изначально слилась с ней. Тем самым, «40 алтын с души» стали для посадских людей основным подушным платежом, что делает вполне оправданным его традиционное представление в историографии в качестве вида или ставки «подушной подати» – основного налога Российского государства. Однако проблема состоит в том, что исследователи часто относят к последней не только изначально установленный в размере 80 к., а в 1725 г. составивший 70 к. платёж, взимавшийся со всех крестьян, и 40-алтынный платёж, уплачиваемый посадскими людьми, но и сами «четырёхгривенные деньги». Так, по мнению Е. С. Корчминой, «под подушной податью понимается 3 вида платежа:

7-гривенный платёж (70 коп.) платили все крестьяне;

4-гривенный платёж (40 коп.) дополнительно собирался с государственных крестьян и тех, кого можно причислить к этой группе населения;

40-алтынный платёж (1 руб. 20 к.) уплачивали купечество, мещане и те категории населения, которые можно к ним причислить» [6, с. 8].

Такой же трактовки подушной подати придерживается, например, в своих статьях А. А. Космовская [7, с. 78; 8, с. 81].

Появление представленной точки зрения, вероятно, вызвано тем, что в источниках встречается именование всех

3 названных платежей «подушными сборами». Например, в указе от 24 мая 1736 г. читаем: «...велено подушной, как семи, так и четырёхгривенной, и с купечества сорока-алтынной сборы положить по прежнему на губернатора и воевод»¹. Однако подобное использование данного термина в документах Российской империи не означает, что перечисленные платежи априори следует считать видами основного налога государства, а указывает лишь на то, что все они являлись платежами, единицей обложения для которых являлась ревизская душа. Приведённое же выше применение исследователями термина «подушная подать» создаёт определённую путаницу, т. к. превращает его не в видовое, а в родовое понятие. «Подушной податью» в такой трактовке следует называть любой прямой налог, взимавшийся с души, что, на наш взгляд, является не вполне верным.

Не совсем оправданным мы находим и встречающееся в историографии представление 1 руб. 10 к. (т. е. суммы «основной подушной подати» и «четырёхгривенных денег») в качестве одной из ставок «подушной подати» [4, с. 88].

На наш взгляд, следует различать оклады (в значении ставки) самой «подушной подати» как основного налога Российского государства и «подушные оклады». В источниках же, и, следовательно, в научной литературе часто происходит их смешение, что и приводит к появлению подобных интерпретаций.

Всё дело в том, что если первоначально «подушный оклад» означал собственно размер налога, условно называемого в историографии «подушной податью» (80 к.), то с введением дополнительных платежей, единицей обложения для которых также становилась ревизская душа, под «подушным окладом» уже следует понимать сумму всех подушных платежей, взимавшихся с конкретной категории населения в пользу государства.

¹ ПСЗ I. Т.IX. №6976.

Так, помимо «четырёхгривенных денег», дополнительно собиравшихся сверх «подушных» с государственных крестьян, необходимо упомянуть о «двухкопеечных деньгах». Они взимались с каждого рубля «подушных денег» и предназначались на покрытие издержек по сбору последних. Хотя исследователи в своих работах часто ссылаются на «Историко-статистические сведения о подушных податях, составленные И. П. Руковским», где указывается на существование данного платежа с петровских времён¹ [12, Прил. № 5], важно подчеркнуть, что на самом деле он был введён сверх «подушных денег» Анной Иоанновной в 1736 г. Данный факт устанавливается Высочайше утверждённым докладом Сената от 26 января 1736 г.² Подтверждение же введения «двухкопеечных денег» сверх «подушных» именно в упомянутом году также содержится в Сенатском указе от 22 апреля 1745 г.³

С учётом появления добавочных к основному подушному налогу платежей правильнее будет говорить о возникновении 2 основных окладов (ставок) «подушной подати» как основного налога Российской империи и формировании нескольких «подушных окладов». Так, размер «подушной подати» для всех крестьян с 1725 г. составлял 70 к. с души (эта сумма и называлась в документах «подушные деньги» или «подушный сбор»), для посадских людей ставка равнялась 1 руб. 20 к. («40 алтын с души»). Примеры же подушных окладов можно назвать следующие:

– подушный оклад помещичьих крестьян, включавший «подушные деньги» (70 к.);

– подушный оклад посадских людей, включавший 40-алтынный платёж (1 руб. 20 к.);

– подушный оклад государственных крестьян, включавший «подушные деньги» (70 к.) и «четырёхгривенные деньги» (40 к.).

С 1736 г. в каждый оклад были включены «двухкопеечные деньги» – платёж, дополнительно взимаемый с рубля при уплате «подушных денег».

При этом важно заметить, что постоянное расширение территории Российского государства и его многоконфессиональный и многонациональный состав неизбежно вели к ещё большей дифференциации в подушном налогообложении. В отношении населения конкретных областей империи, представителей определённых наций, конфессий и т. п. оно могло приобретать свои специфические черты. Это выражалось как в установлении в отношении определённых категорий населения конкретных регионов своих размеров уже существующих подушных налогов (например, по справедливому замечанию К. С. Бельского, «старообрядцы вплоть до 1782 г. подушную подать платили в двойном размере» [2, с. 114]), так и во введении дополнительных платежей (так, был установлен специальный подушный платёж за право винокурения на присоединённой к России части Белоруссии⁴). В результате возникали льготные или, напротив, повышенные ставки «подушной подати» и, в дополнение к основному, формировались особые «подушные оклады»⁵ [11, с. 23–25.]. Однако их детальное рассмотрение – предмет отдельного исследования.

⁴ ПСЗ I. Т. XIX. №13865. П.3.

⁵ Как отмечает В. И. Неупокоев, т. н. особые подушные оклады окончательно оформились ко второй трети XIX в. и существовали для 6 сословных групп (малороссийских казаков, панцирных бояр, вольных людей, граждан и однодворцев западных губерний, иностранных ремесленников и колонистов), а также для нерусских народов окраин империи и позднее – населения Бессарабии. Учёный отмечает, что данные подушные оклады определялись спецификой предшествующих податей конкретных регионов, положением сословных групп и политическими расчётами царского режима.

¹ Согласно приведенным в Таблице № 5 данным в период с 1724 по 1794 гг. размер данного платежа составлял 1,5 к.

² ПСЗ I. Т. IX. №6872. П.8.

³ ПСЗ I. Т. XII. №9149.

Таким образом, «четырёхгривенные деньги», будучи самостоятельным подушным платежом, являлись составной частью основного подушного оклада государственных крестьян. Называть же их «подушной податью», как и именовать таковой уплачиваемую государственными крестьянами в казну сумму «настоящего подушного сбора» и «4-х-гривенных денег» не вполне корректно. В качестве дополнительного подтверждения приведём цитату из указа Сенату от 23 июня 1794 г.: «Подушный сбор со всех поселян казённого ведомства и с помещичьих крестьян, установленный со времени... Государя Императора Петра Великого, по 70 коп., и на содержание военной сухопутной силы в оборону Государства присвоенный, существует и доньше в таком же количестве»¹. Также заметим, что к концу XVIII в. для прежнего 4-гривенного платежа постепенно стали оформляться уже свои оклады (ставки) в зависимости от класса губернии. И во избежание путаницы он стал именоваться в источниках «оброчным сбором» (позднее – «оброчной податью»).

Таким образом, если использовать термин «подушная подать» применительно к налогам XVIII в., то лишь в отношении первоначально установленных «80 гривен с персоны», а затем – 70-копеечного и 4-алтынного платежей.

Подушная подать в конце XVIII – первой половине XIX вв.: трансформация налога, введённого Петром I

Налог, далее условно именуемый нами «подушной податью», был зафиксирован в существовавшем на 1725 г. виде вплоть до 1794 г. Пожалуй, единственным важным изменением в этот период стало только то, что от его уплаты были освобождены купцы: указом 1775 г. они были исключены из подушного оклада, что выразилось для них в замене прежних «40 алтын с души» 1% сбором с капитала

[4, с. 111–112]. Это означало, что плательщиками подушной подати теперь оставались крестьяне, всё так же обязанные уплачивать по 70 к. с души, и мещане, для которых подушная подать по-прежнему составляла 1 руб. 20 к.

Первое увеличение прежних ставок подушной подати последовало по указу Екатерины II от 23 июня 1794 г. В связи с ростом потребностей на содержание армии размер подушной подати с крестьян «вместо бывшего доньше оклада по 70 копеек» был установлен «по одному рублю в год» в денежном эквиваленте², а в отношении мещан – поднят до 2 руб. с души³. Сверх означенных сумм также собирались введённые в 1736 г. «двухкопеечные деньги», теперь именовавшиеся «накладные с каждого рубля по 2 копейки»⁴.

Однако, когда по указу от 18 декабря 1797 г. основные ставки подушной подати вновь были подняты, то произошло важное изменение. Если в отношении мещан прежние 2 руб. были увеличены ещё на 50 к., «прибавляя к тому и накладные по 2 копейки с рубля», то с крестьян повелевалось собирать «сверх установленно-го по указу 1794 года июня 23 подушного оклада, ещё по 26 копеек с каждой души мужского пола, включая тут и те 13 копеек, кои указом Нашим от 19 сентября сего

² Дело в том, что повышение имело свою специфику в зависимости от губернии. В 18 губерниях, включая Московскую, подушная подать «со всех поселян казённого ведомства и с помещичьих крестьян» была повышена с прежних 70 к. до 1 руб. с души. А в губерниях, богатых хлебом, подушная подать, например, повышалась до 85 к. Это было связано с тем, что крестьяне данных губерний обязывались поставлять хлеб на ежегодное продовольствие войск (т. н. хлебная подать) и по расчётам властей в денежном эквиваленте она и составила эту самую разницу в 15 к. То есть, по сути, подушная подать для всех крестьян была повышена одинаково [ПСЗ I. Т.XXIII. №17222]. Во избежание сложностей при сборе части подушной подати в натуральном виде Павел I перевёл её в денежный эквивалент, таким образом, подушная подать для помещичьих и государственных крестьян составила 1 руб. [ПСЗ I. Т.XXIV. №17628, №17661].

³ ПСЗ I. Т.XXIII. №17222.

⁴ ПСЗ I. Т.XXIII. №17222.П.12.

¹ ПСЗ I. Т.XXIII. №17222.

1797 года определены, и разумея в том же числе накладные из 2 копеек на рубль, которые по расчислению на сию накладку приходили бы¹. Другими словами, к подушной подати прибавлялся ранее отдельный от неё подушный платеж 13 к. (на содержание лошадей для армии²) и накладные по 2 к. с рубля. Таким образом, по справедливому замечанию А. О. Абашева, «чистая надбавка к окладу подушной подати составила 11 к.» [1, с. 87].

Так начался процесс «поглощения» подушной податью других подушных платежей, изначально от неё отделявшихся (платежи, являвшиеся частью подушного оклада, теперь включались в соответствующий оклад самой подушной подати).

В 1810 г. установленные в 1797 г. ставки основного налога империи были снова увеличены, обоснованием чего, помимо прочего, стало отсутствие их повышения в течение многих лет при происходившем сокращении доходов казны из-за обесценивания бумажных денег [5, с. 20]. Для мещан прежние 2 руб. 50 к. с души составили уже 5 руб., для крестьян же – 1 руб. 26 к. возрос до 2 руб.³. При этом, помимо 13 к. на содержание лошадей для армии и накладных по 2 к. с рубля, в крестьянский оклад подушной подати для удобства, по всей видимости, также оказался включён распространённый с 1807 г. на всех крестьян дополнительный подушный платёж на содержание присутственных мест и чинов, равный 18 к. с души⁴. О чём сви-

детельствует прекращение его упоминания в дальнейшем в качестве отдельного платежа [9, с. 20].

В результате в упомянутом законе 1810 г. прежние 70-копеечный и 40-алтынный платежи (являвшиеся до 1794 г. ставками подушной подати у крестьян и мещан, соответственно) окончательно слились с дополнительными подушными платежами (к 70-копеечному присоединились: 13 к. – на содержание лошадей для армии; 2 к. с рубля – на затраты по взиманию налога; 18 к. – на содержание присутственных мест, к 40-алтынному – 2 к. с рубля – на затраты по взиманию налога), и уже без всякого разделения назывались «подушной податью»⁵.

Соответственно, в 1812 г., когда последовало новое возвышение окладов основных налогов в связи с необходимостью погашения государственных долгов, основная ставка подушной подати для мещан составила уже 8 руб., а в отношении крестьян «к подушной двухрублевой подати, ныне взимаемой» прибавлялся ещё 1 руб.⁶. Таким образом, платёж, именуемый «подушной податью», окончательно вобрав в себя дополнительные подушные платежи, уже по своей структуре отличался от того, что ввёл в России Петр I.

Далее ситуация с подушной податью ещё более усложнилась. В 1816 г. для всех податных сословий был введён новый прямой налог на устройство в государстве сухопутных путей сообщения, именуемый «сбором на устройство дорог». При этом для «всех вообще поселян, вольных людей и мещан» размер данного налога составил 25 к. с ревизской души (налог также распространялся и на купцов, но для них составлял 5% от уплачиваемых ими податей)⁷. В 1818 г. на тех же принципах, что и рассмотренный выше платёж, был учреждён налог на устройство водных путей сообщения («сбор на устройство водяных сообще-

¹ ПСЗ I. Т.XXIV. №18278.

² ПСЗ I. Т.XXIV. №18145.

³ ПСЗ I. Т.XXXI. №24116.

⁴ Вместе с отменой учреждённого Павлом I специального налога с дворянских имений на содержание присутственных мест (для каждой губернии был определён свой годовой оклад данного платежа, например, для Московской он равнялся 51 000 руб. с имения), поступавший от него прежде в казну доход был разложен на помещичьих крестьян в размере 18 к. с души. С 1807 г. данный подушный платёж также был распространён на государственных и удельных крестьян [Труды Комиссии высочайше учреждённой для пересмотра системы податей и сборов. Т.1: Прямые налоги. Санкт-Петербург, 1866. С. 14–15].

⁵ ПСЗ I. Т.XXXI. №24116.

⁶ ПСЗ I. Т.XXXII. №24992.

⁷ ПСЗ I. Т.XXXIII. №26477.

ний»). Его размер «со всех вообще поселен, вольных людей и мещан» составил 5 к. с ревизской души¹.

Несмотря на то, что в историографии введение названных налогов в отношении крестьян и мещан традиционно представляется как увеличение подушной подати [3, с. 50; 10, с. 77; 11, с. 31], необходимо отметить, что в документах Российской империи первой половины XIX в. данные платежи изначально с подушной податью образца 1812 г. не объединялись.

Так, в окладных книгах Российской империи за 1819 и 1820 гг. размер «подушных» с поселян был зафиксирован по 3 руб. с души, с мещан и цеховых – по 8 руб. с души. Налоги же «на устройство дорог» и «на устройство водяных сообщений» выделялись отдельно (для каждого из них была предусмотрена своя графа таблицы). При этом первый составлял «с купцов по 5% с платимых ими повинностей, мещан, цеховых и поселян по 25 к. с души», второй – «с купцов по 5% с платимых ими повинностей, а с мещан и поселян по 5 к. с души»².

Подобное разделение наблюдалось и в «Сведениях о числе душ и податей по всему государству за исключением Княжества Финляндского, Области Бессарабской и Грузии», составленных в Департаменте разных податей и сборов в мае 1823 г. Основная ставка подушной подати для крестьян фиксировалась в документе как 3 руб. с души, а для мещан (христиан и евреев) – 8 руб. с души³. Налоги же на устройство путей сообщения наряду с другим дополнительными платежами⁴ выделялись отдельным списком, а

их размер для указанных категорий населения, как и прежде, составлял 25 к. – «на устройство дорог» и 5 к. – «на устройство водяных сообщений»⁵. То же мы находим в «Расписании сумм земских повинностей с 1826 по 1828 г.» по Московской губернии. Согласно документу, на каждую ревизскую душу казённых крестьян на 1825 г. причиталось: «подушных по 3 руб., оброчных по 10 руб., на водяную коммуникацию – 5 к., устройство дорог по 25 к., на земские повинности по 49½ к., на исправление больших трактов по 1 руб. 35 к.»⁶, с помещичьих же крестьян полагалось: «подушных по 3 руб., на содержание дорог по 25 к., на водяные сообщения – 5 к., на земские повинности по 58 к., на устройство больших трактов по 1 руб. 35 к.»⁷.

Итак, можно говорить о том, что перечисленные платежи включались в соответствующий подушный оклад (т. к. взимались с ревизской души), но с подушной податью первоначально не смешивались. В этой связи утверждение о том, что с 1818 г. сбор на устройство водяных и сухопутных сообщений был «присоединён к подушной подати, подняв её до 3 руб. 30 к.» [9, с. 20], является не вполне точным.

Представление налогов на устройство путей сообщения в качестве составной части подушной подати наблюдается в Уставе о податях Свода законов Российской империи 1832 г., где отмечается,

правления Екатерины II. К 1823 г. его размер составил 2 руб. с души. Столько же сверх подушной 3-х рублевой подати платили владельцы бывших оброчных суконных фабрик за каждую приписанную к их заведениям душу.

¹ ПСЗ I. Т.XXXV. №27314.

² Российский государственный исторический архив. (далее – РГИА). Ф. 571. Оп. 9. Д. 22, Д. 23.

³ Сведения о числе душ и податей по всему государству за исключением Княжества Финляндского, Области Бессарабской и Грузии. 1823. С. 6, 8 // Министерства Финансов РФ: [сайт]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=129107&ysclid=lh76suzoz078038956 (дата обращения: 18.02.2024).

⁴ Например, для 14 губерний сохранялся дополнительный подушный налог, взимаемый за право винокурения и свободной продажи вина со времён

⁵ Сведения о числе душ и податей по всему государству за исключением Княжества Финляндского, Области Бессарабской и Грузии. 1823. С. 8 // Министерства Финансов РФ: [сайт]. URL: https://minfin.gov.ru/ru/document/?id_4=129107&ysclid=lh76suzoz078038956 (дата обращения: 18.02.2024).

⁶ Центральный государственный архив г. Москвы. Отдел хранения документов до 1917 г. (далее – ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г.). Ф. 16. Оп. 4. Д. 2351. Л. 12 (об).

⁷ ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 16. Оп. 4. Д. 2351. Л. 12 (об).

что «подушная подать составляет 1) из главной или первоначальной¹ 2) из накладных, каковы суть: сбор на сухопутные и водяные сообщения, сбор на содержание присутственных мест и сбор на право винокурения, в некоторых губерниях установленный»². Тем не менее в окладных книгах Российской империи размер подушной подати по-прежнему продолжал фиксироваться как 3 руб. с души для крестьян и 8 руб. – для мещан. То есть без учёта налогов на пути сообщения. Разница была лишь в том, что присутствовавшего ранее разделения платежей («на устройство водяных сообщений» и «на устройство дорог») больше не наблюдалось. Они были объединены в один, названный «на устройство путей сообщения». Соответственно, вместо прежних 2 граф в таблице присутствовала лишь одна³.

Окончательно же к подушной подати налоги на пути сообщения были присоединены в ходе проведения денежной реформы 1839 г., когда произошло переложение на серебро не отдельно каждого из названных налогов, а их общей суммы: для крестьян – 3 руб. 30 к., для мещан – 8 руб. 30 к. Получившиеся в результате 95 к. сер. с души – для крестьян, 2 руб. 38 к. сер. с души – для мещан были названы «подушной податью и на устройство путей сообщения»⁴. Это изменение фиксируют и окладные книги, где, начиная с 1840 г., «подушные и на устройство путей сообщения» для поселян составляют 95 к. сер. с души, для мещан – 2 руб. 38 к. сер. с души, а ранее самостоятельный платёж «на устройство путей сообщения» для

названных категорий исчезает⁵. То же мы видим и в окладных листах – документах, предназначавшихся для учёта уплаты налогов⁶.

Таким образом, к середине XIX в. основной прямой налог империи, условно называемый в историографии «подушной податью», уже являлся сложносоставным. Помимо «подушной подати» образца 1725 г. в его состав оказались включены подушные платежи, изначально являвшиеся наряду с «подушной податью» составной частью соответствующего подушного оклада. Тем самым, получившийся налог значительно отличался от того, что ввёл в России Петр I.

Процесс включения в состав основного прямого налога империи изначально самостоятельных подушных платежей, на наш взгляд, мог выступать одним из проявлений стремления властей несколько оптимизировать процесс сбора прямых налогов. При повышении размера существовавших на большей части империи подушных платежей правительство избрало путь не увеличения каждого из них, а более удобный вариант – их объединения и увеличения общей суммы получившегося налога, что несколько упрощало счетоводство и ведение податной отчётности.

Заключение

Используя понятие «подушная подать» при изучении налоговой системы Российской империи XVIII – первой половины XIX вв., следует учитывать, с одной стороны, условность его применения в отношении основного прямого налога, введённого в России при переходе на подушную систему обложения, а с другой – изменения, которые проходили с самим платежом, по отношению к которому данный термин может быть применим.

Так, говоря о налогах XVIII в., когда само понятие «подушная подать» ещё не

¹ Под первоначальной, скорее всего, подразумевается сумма, установленная в 1797 г.

² Свод законов Российской империи. Т.V. Санкт-Петербург. 1832. С. 1.

³ Например, РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 35. Л. 11–12.

⁴ Что же касается налога, взимаемого за право винокурения и свободной продажи вина, то он перекладывался на серебро отдельно от подушной подати. Это было сделано из удобства, поскольку данный платёж существовал лишь в некоторых губерниях. [ПСЗ II. Т.XIV. Штаты и табели. №12867].

⁵ РГИА. Ф. 571. Оп. 9. Д. 38. Л. 12.

⁶ ЦГА Москвы. ОХД до 1917 г. Ф. 1675. Оп. 1. Д. 152. Л. 3 (об), 4.

использовалось в законодательных актах в отношении взимаемого с души основного прямого налога государства, оно может быть условно применимо к изначально установленным первым российским императором «80 гривнам с персоны». В этой связи получившиеся в результате корректировки размеры данного платежа, составившие на 1725 г. для всех крестьян – 70 к. с души (в источниках именуемые «подушные деньги», «подушный сбор», «поголовный сбор»), для посадских людей – 1 руб. 20 к. с души («40 алтын с души»), оправдано условно именовать ставками или окладами «подушной подати». Уплачиваемые же государственными крестьянами сверх 70-копеечного платежа «четырёхгривенные деньги» в некоторых случаях также представляемые в научной литературе в качестве «вида подушной подати» или же её составной части, следует считать частью «подушного оклада» государственных крестьян, понимая под последним сумму всех подушных платежей, взимавшихся с конкретной категории населения в пользу государства.

В конце XVIII – начале XIX вв. основной прямой налог Российской империи начинает подвергаться структурным изменениям. Необходимое повышение основных ставок (окладов) «подушной подати» в этот период не было простым увеличением установленных в 1725 г. размеров данного налога. Оно сопровождалось включением в состав прежней «подушной подати» изначально самостоятельных подушных платежей, составлявших вместе с ней соответствующий подушный оклад. Так, к 1812 г. в крестьянский оклад подушной подати оказались включены: 13 к. на содержание лошадей для армии, накладные – по 2 к. с рубля и 18 к. – на содержание присутственных

мест; а в мещанский оклад: накладные – по 2 к. с рубля. В это время в источниках и появляется ранее не используемый термин «подушная подать» для обозначения получившегося сложносоставного налога, уже являвшегося не вполне тем платежом, который ввёл в России Пётр I. К середине же XIX в., когда в состав «подушной подати», помимо упомянутых, также оказываются включёнными первоначально самостоятельные налоги на устройство путей сообщения, в источниках появляется новое название для получившегося налога – «подушная подать и на устройство путей сообщения».

При применении же в историографии понятия «подушная подать», произошедшая к середине XIX в. с основным прямым налогом трансформация обычно не учитывается, по причине чего может создаться не совсем верное представление об изменении размера данного налога в течение времени.

Однако принятие во внимание всех рассмотренных изменений, на наш взгляд, очень важно. С одной стороны, их необходимо учитывать при анализе динамики роста «подушной подати», поскольку непонимание, за счёт чего происходило повышение размера основного прямого налога государства, может создать не вполне верное представление о реальном увеличении налогового бремени в отношении конкретной категории населения. С другой стороны, описанная трансформация «подушной подати», представлявшая собой слияние нескольких платежей в один, может отражать одну из сторон своего рода рационализации процесса сбора прямых налогов, по крайней мере, в отношении счетоводства и ведения податной отчётности.

Дата поступления в редакцию 10.04.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Абашев А. О. Налоговая система России: X – начало XX вв. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2017. 258 с.
2. Бельский К. С. Финансово-правовые преобразования в XVIII столетии. Финансово-правовое государство Петра I // Государство и право. 2020. № 10. С. 109–120. DOI: 10.31857/S102694520012237-1.

3. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. Т. 1. Предпосылки и сущность реформы. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1946. 632 с.
4. Захаров В. Н., Петров Ю. А., Шацилло М. К. История налогов в России. IX – начало XX века. М.: РОССПЭН, 2006. 294 с.
5. Захаров В.Н., Соловьев Я. В., Бегунова Л. В. Налоги в России в XVIII – начале XX века. Часть III: первая четверть XIX века // Преподавание истории в школе. 2023. № 6. С. 19–23. DOI: 10.51653/0132"0696_2023_6_19
6. Корчмина Е. С. Подушная подать: микроисследование по материалам Переславль-Рязанского уезда в середине XVIII в. // Экономическая история. 2015. № 2. С. 8–23.
7. Космовская А. А. Опыт сравнительной характеристики систем налогообложения Священной Римской и Российской империй в XVIII веке // Культурный код. 2020. № 1. С. 75–91. DOI: 10.36945/2658-3852-2020-1-75-91
8. Космовская А. А. Эффективность налоговой политики Российского государства (проблемы недоимочности в Соликамском уезде в XVII–XVIII веках) // Вестник Пермского университета. История. 2018. № 4. С. 77–87. DOI: 10.17072/2219-3111-2018-4-77-87
9. Котов П. П. Уровень подушной и оброчной податей в удельной деревне Европейского Севера России по законодательным источникам // Управление социально-экономическими, общественно-политическими и социокультурными процессами в Северном регионе: сб. статей / отв. ред. С. А. Ткачев. Сыктывкар, 2020. С. 19–26.
10. Министерство финансов. 1802–1902. Исторический обзор. Ч. 1. / под общ. ред. Н. К. Бржескаго. СПб., 1902. 639 с.
11. Неупокоев В. И. Государственные повинности крестьян Европейской России в конце XVIII – начале XIX века. М.: Наука, 1987. 286 с.
12. Руковский И. П. Историко-статистические сведения о подушных податях // Руковский И. П. Труды комиссии, высочайше учрежденной для пересмотра системы податей и сборов. СПб., 1866. С. 1–303.
13. Яровой Г. В. Государственные крестьяне в законодательстве первой половины XIX века // Вопросы истории Урала. 1967. Сб. 7. С. 165–174.

REFERENCES

1. Abashev A. O. *Nalogovaya nachalnaya sistema Rossii: X – nachalo XX vv.* [Tax system of Russia: 10th – early 20th centuries]. Khabarovsk, Izd-vo TOGU Publ., 2017. 258 p.
2. Belsky K. S. [Financial and legal transformations in the XVIII century. Financial and legal state of Peter I]. In: *Gosudarstvo i pravo* [State and law], 2020, no. 10, pp. 109–120. DOI: 10.31857/S102694520012237-1.
3. Druzhinin N. M. [State peasants and the reform of P. D. Kiselev. Vol. 1. Prerequisites and essence of reform]. Moscow-Leningrad, Izd-vo Akad. nauk SSSR Publ., 1946. 632 p.
4. Zakharov V. N., Petrov Yu. A., Shatsillo M. K. *Istoriya nalogov v Rossii. IX – nachalo XX veka* [History of taxes in Russia. 9th – early 20th centuries]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 294 p.
5. Zakharov V. N., Soloviev Ya. V., Begunova L. V. [Taxes in Russia in the XVIII – early XX century. Part 3: in the first quarter of the XIX century]. In: *Prepodavaniye istorii v shkole* [Teaching history at school], 2023, no. 6, pp. 19–23. DOI: 10.51653/0132"0696_2023_6_19
6. Korchmina E. S. [The poll tax: microanalysis on the materials of the Pereslavl'-Ryazansky county in the middle of the XVIII]. In: *Ekonomicheskaya istoriya* [Economic history], 2015, no. 2, pp. 8–23.
7. Kosmovskaya A. A. [The Experience of the Comparative Characteristics of Tax Systems of the Holy Roman and Russian Empires in the 18th Century]. In: *Kulturnyy kod* [Cultural code], 2020, no. 1, pp. 75–91. DOI: 10.36945/2658-3852-2020-1-75-91
8. Kosmovskaya A. A. [Effectiveness of Russian Tax Policy (the Problem of Tax Arrears in Solikamsk Uezd in the 17th and 18th Centuries)]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Perm University Herald. History], 2018, no. 4, pp. 77–87. DOI: 10.17072/2219-3111-2018-4-77-87
9. Kotov P. P. [The level of per capita and quit taxes in the appanage village of the European North of Russia according to legislative sources]. In: Tkachev S. A., ed. *Upravleniye sotsialno-ekonomicheskimi, obshchestvenno-politicheskimi i sotsiokulturnymi protsessami v Severnom regione* [Management of socio-economic, socio-political and socio-cultural processes in the Northern region]. Syktывkar, 2020, pp. 19–26.

10. Brzeskago N. K., ed. *Ministerstvo finansov. 1802–1902. Istoricheskiy obzor. Ch. 1* [Ministry of Finance. 1802–1902. Historical review. Part 1]. St. Petersburg, 1902. 639 p.
11. Neupokoev V. I. *Gosudarstvennyye povinnosti krestyanskogo khozyaystva Rossii v kontse XVIII – nachale XIX veka* [State duties of peasants of European Russia at the end of the 18th – beginning of the 19th century]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 286 p.
12. Rukovsky I. P. [Historical and statistical information about poll taxes]. In: Rukovsky I. P. [Proceedings of the commission established to revise the system of taxes and fees]. St. Petersburg, 1866, pp. 1–303.
13. Yarovoy G. V. [State peasants in the legislation of the first half of the 19th century]. In: *Voprosy istorii Urala* [Questions of the history of the Urals], 1967, sat. 7, pp. 165–174.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бегунова Людмила Витальевна – аспирант кафедры истории России Государственного университета просвещения;
e-mail: gudina.ludmila26@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ludmila V. Begunova – Postgraduate student, Department of Russian History, Federal State University of Education;
e-mail: gudina.ludmila26@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бегунова Л. В. Понятие «подушная подать» в контексте изучения налоговой системы российской империи XVIII – первой половины XIX вв. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 3. С. 77–88.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-77-88

FOR CITATION

Begunova L. V. The concept of “poll tax” in the context of studying the tax system of the Russian empire in the 18th – first half of the 19th centuries. In: Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences, 2024, no. 3, pp. 77–88.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-77-88

УДК-323, 343, 343.3, 343.4

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-89-101

ПРОБЛЕМА ПРИНЯТИЯ ЗАКОНА О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПОЛИТИЧЕСКОМУ ЭКСТРЕМИЗМУ В РФ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-Х ГГ.

Волгин Е. И.*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявить основные противоречия процесса, направленного на разработку и принятие закона о противодействии политическому экстремизму в России во второй половине 1990-х гг.

Процедура и методы. Рассмотрены законодательные инициативы, направленные на противодействие идеологии и практики политического экстремизма, исходящие от депутатов Государственной Думы, Московской городской думы, а также Комиссии по противодействию политическому экстремизму при Президенте. Для наиболее полного раскрытия темы были использованы проблемно-хронологический, институциональный, системный, а также формально-юридический подходы.

Результаты. Проведённый анализ показал, что принятие специального «антиэкстремистского» закона в те годы не относилось к числу приоритетных задач как законодательной, так и федеральной исполнительной власти. Исследование доказывает общую незаинтересованность как власти, так и парламентской оппозиции в принятии советующего нормативного акта, продиктованную политическими соображениями.

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье обобщён законодательный материал по исследуемой теме, в научный оборот введены новые документы, предложена авторская трактовка понятия «экстремизм».

Ключевые слова: Государственная Дума, закон, Московская городская дума, прокуратура, уголовный кодекс, фашизм, экстремизм

THE PROBLEM OF ADOPTING A LAW ON COUNTERING POLITICAL EXTREMISM IN RUSSIAN FEDERATION IN THE SECOND HALF OF THE 1990S

E. Volgin*Lomonosov Moscow State University
Leninskie gori 1, Moscow 119991, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the main contradictions of the process aimed at developing and adopting a law on countering political extremism in Russia in the second half of the 1990s.

Methodology. Legislative initiatives aimed at countering the ideology and practice of political extremism, coming from deputies of the State Duma, the Moscow City Duma, as well as the Commission for Combating Political Extremism under the President, are considered. For the most complete disclosure of the topic, problem-chronological, institutional, systemic, as well as formal legal approaches were used.

Results. The analysis showed that the adoption of a special “anti-extremist” law in those years was not among the priority tasks of both the legislative and federal executive authorities. The study proves

the general disinterest of both the authorities and the parliamentary opposition in the adoption of an advisory normative act dictated by political considerations.

Research implications. The article summarizes the legislative material on the topic under study, new documents are introduced into scientific circulation, and the author's interpretation of the concept of "extremism" is proposed.

Keywords: State Duma, law, Moscow City Duma, prosecutor's office, criminal code, fascism, extremism

Введение

Термин «политический экстремизм» вошёл в отечественный лексикон в позднесоветский период, когда союзное государство, утратив былую стабильность, вступило в фазу дезинтеграции [12, с. 76]. В 1990-е гг., которые стали для независимой России временем серьёзных испытаний, порой казалось, что экстремизм превратился едва ли не в политический мейнстрим как власти, так и оппозиции. Тем не менее в российском законодательстве этот термин тогда не получил необходимого объяснения. Лишь в 2002 г. был принят закон «О противодействии экстремистской деятельности», который, однако, также не даёт определения самого термина «экстремизм», указывая лишь на перечень преступлений экстремистской направленности [13, с. 152]. Данное обстоятельство лишний раз доказывает, что понятие «экстремизм» больше политологическое, нежели правовое. Даже краткий обзор современных подходов демонстрирует, насколько широки границы известного феномена в оценках политологов и правоведов.

Так, например, Д. В. Кулакова указывает, что общей тенденцией в определении термина является рассмотрение экстремизма как негативного девиантного поведения личности, нарушающего принятые в обществе коренные устои, конституционные основы [7, с. 61]. Однако при таком подходе экстремизм становится практически неотличим от обычного хулиганства.

Ш. Б. Магомедов и А.М. Абдулатипов считают сутью политического экстремизма противодействие общественно-

политическим структурам и институтам с использованием силовых методов, подрыв стабильности общественно-политической обстановки [9, с. 140]. Такое определение, к сожалению, также мало что объясняет. Кроме того, далеко не всегда современные экстремисты используют «грубую силу» (особенно, если речь идёт об атаках на компьютерные сети с целью дестабилизации работы государственных или общественных органов).

Б. А. Тарчоков называет экстремизм опасным явлением, которое нарушает общественный порядок, а также подрывает устои государства. Экстремизм, помимо прочего, покушается на основные права и свободы человека, закреплённые в Конституции РФ [13, с. 152]. Последнее замечание кажется нам особенно важным. Однако более продуманным, на наш взгляд, кажется определение В. Н. Найдено, который рассматривает экстремизм как сложное социально-политическое явление, включающее идеологию и практику нелегитимного использования насилия и разжигания вражды и ненависти на политической, расовой, национальной, социальной, религиозной и иной значимой основе для достижения субъектами социально-политического противоборства своих целей [10, с. 227].

Наиболее важным моментом в этом определении является, во-первых, то, что экстремизм предстаёт здесь не только в качестве насильственной практики, но также идеологии, которая готова прибегнуть к незаконным насильственным действиям для достижения определённых целей. В отличие от терроризма, который являет собой демонстративный акт свер-

шившегося политически мотивированного насилия, экстремизм больше играет роль некоего «дамоклова меча», занесённого над устоявшимся порядком вещей различными «несистемными» игроками. Данную ситуацию лучше всего подметил «главный экстремист» постсоветской России Э. Лимонов. «Мы, конечно, экстремисты, но ни капли крови ещё не пролили...», – заявил как-то лидер НБП [8, с. 42]. Во-вторых, В. Н. Найдено выделяет такой существенный момент, как целеполагание. Именно он отличает экстремизм от вандализма или банального хулиганства.

Формат настоящей статьи не позволяет нам углубиться в политико-правовой дискурс, посвящённый раскрытию феномена политического экстремизма. Поэтому, принимая во внимание вышеупомянутые суждения, попытаемся сформулировать собственное определение данного понятия.

Итак, экстремизм представляет собой идеологию и практику, которые допускают решение политических, национальных, религиозных и иных социально значимых проблем посредством массового нарушения прав и свобод человека и гражданина. Именно пренебрежение конституционными правами, которое может выражаться как в открытых насильственных действиях, в дискредитации (либо в неоправданном возвышении) граждан по национальным, социальным, религиозным, гендерным или иным признакам, так и в попытках дестабилизации работы органов государственной власти и управления, объектов инфраструктуры, ответственных за обеспечение жизнедеятельности общества, составляет, на наш взгляд, сущность экстремизма.

Цель настоящей статьи заключается в том, чтобы на основании различных материалов (нормативных актов и законопроектов, данных периодической печати, информационных ресурсов, а также имеющейся в нашем распоряжении литературы) выявить основные противоречия

процесса, направленного на разработку и принятие нормативных актов, которые в свою очередь необходимы для противодействия распространению идеологии и практики политического экстремизма в России второй половины 1990-х гг.

Научная новизна исследования заключается в попытке осмысления государственно-правовой политики, направленной на борьбу с различными формами политического радикализма как некоей целостной и в то же время крайне противоречивой и дискретной стратегии, которая осуществлялась в условиях кризисной ситуации в стране. Полученные знания позволят лучше осмыслить те изменения, которые произошли в понимании политического экстремизма на государственно-правовом уровне в последующие годы.

Антиэкстремистское законодательство постсоветской России 1990-х гг. и правоприменительная практика

В России 1990-х гг., по различным оценкам, действовало порядка 50 радикальных общественно-политических организаций [6, с. 33]. При этом лишь некоторые из них обладали всероссийской регистрацией, т. е. могли участвовать в выборах в Думу. Однако в ходе парламентской кампании 1995 г. радикалы, как «справа», так и «слева», потерпели поражение, а их электоральные перспективы оставляли желать лучшего. Тем не менее сам факт существования радикальных (откровенно профашистских) группировок, их возможность беспрепятственно пропагандировать идеологию и практику нацизма (националистическую пропаганду в России осуществляли от 150 до 300 периодических изданий¹) в условиях ухудшавшейся ситуации создавали потенциальные угрозы конституционному строю.

¹ Шолль Ш., Кондаков Е. «Ваш Коль тоже еврей» // Московские новости. 1998. 28 июня – 5 июля; Красносельский М. Фашизм в России виден невооруженным глазом // Независимая газета. 1998. 11 сентября.

Зачастую высокопоставленные правоохранители, в задачи которых входило противодействие политическому экстремизму, оправдывали сложившуюся ситуацию отсутствием в России цельного антиэкстремистского законодательства. С другой стороны, в стране имелись серьёзные правовые наработки, которые были способны воспрепятствовать институализации радикальных политических структур. Это, прежде всего, положения Конституции РФ, Федеральные законы от 19 мая 1995 г. «Об общественных объединениях» и «Об увековечивании Победы советского народа в Великой Отечественной войне...», Указ Президента 1995 г. «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в РФ» и т. д.

В мае 1996 г. Государственная Дума приняла новый Уголовный кодекс (вступил в силу 1 января 1997 г.). Несмотря на то, что понятие «политический экстремизм» здесь отсутствовало, обновлённое уголовное законодательство охватывало широкий спектр преступлений, совершаемых на почве политической, национальной или религиозной вражды и ненависти. По словам заместителя Генпрокурора В. Давыдова, ответственность за действия, которые в той или иной степени можно было отнести к экстремистским, была закреплена как минимум в 13 (по нашим подсчётам – в 16) уголовных статьях. Весьма точно «антиэкстремистская» сущность нового УК была подмечена потенциальными радикалами. «Буржуазный уголовный кодекс..., – писала леворадикальная газета «Бумбараш», – исчерпывающе описывает революционную деятельность»¹ [11, с. 29].

С другой стороны, А. Баркашов, лидер одиозного «Русского национального

единства», напротив, считал действовавшее законодательство весьма комфортным для деятельности своей организации. «Нас устраивают нынешние законы и Конституция...», – заявил лидер РНЕ на учредительном съезде движения (февраль 1997)² [4, с. 56]. Действительно, если взять, к примеру, «наиболее экстремистскую» ст. 282 нового УК (возбуждение национальной вражды) в её изначальной редакции, то, казалось, что эта норма (равно как и предшествовавшая ей ст. 74 УК РСФСР) по-прежнему оставалась недействующей. Действительно, общая статистика уголовных дел, возбуждённых по ст. 282, если сравнивать её с количеством вынесенных приговоров, косвенно доказывала слова «главного русского националиста». По словам замгенпрокурора А. Розанова, в 1997–1998 гг. в производстве находилось не менее 40 уголовных дел, возбуждённых по ст. 282. Однако в суды было направлено 12, а число осуждённых составило 9 чел. При этом к реальным срокам было приговорено лишь двое³ [4, с. 58].

Не пытаясь доказать или же, напротив, опровергнуть весьма распространённый в российских либеральных СМИ 1990-х гг. тезис о якобы скрытой симпатии правоохранителей к разного рода национал-шовинистам, отметим, что серьёзным препятствием на пути привлечения последних к уголовной ответственности стали действия самой генпрокуратуры. В мае 1998 г. появились методические рекомендации о расследовании уголовных дел, возбуждаемых по ст. 282. Согласно этим рекомендациям, чтобы установить наличие состава преступления, следствие было обязано доказать прямой умысел обвиняемого в возбуждении национальной (расовой, религиозной) вражды. Таким образом, ст. 282, предусматривавшая

¹ Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. № 2954; Политический экстремизм в РФ и конституционные меры борьбы с ним: материалы конференции, 31 марта – 1 апреля 1998 г. М.: Известия, 1998. С. 24, 101, 105.

² Политический экстремизм в РФ... С. 101, 105; Катерли Н. Есть такой закон! // Известия. 1999. 5 февраля.

³ Заподинская Е. Макашов дорого обойдется следствию // Ё. 1998. 2 декабря.

прямую уголовную ответственность за возбуждение национальной или религиозной розни независимо от умысла субъекта данного преступления, была «аккуратно» переформатирована в прежнюю ст. 74 УК, криминализовавшую исключительно злонамеренные действия различного рода шовинистов и религиозных радикалов¹. Более того, по каждому из таких дел следователь был обязан провести комплексную судебную экспертизу. На практике это приводило к затягиванию сроков расследования, влияло на качество следствия и правильность принимаемых решений.

II Дума и проблема принятия «антифашистского» законодательства

Депутаты II Думы унаследовали проблему разработки и принятия антиэкстремистского (антифашистского) законодательства у своих предшественников, которые так и не смогли выбрать оптимальный вариант (из 3 предложенных). При этом сами депутаты Госдумы как первого, так и второго созыва, значительная часть которых состояла в оппозиционных (коммунистических и национал-патриотических) фракциях, были крайне скептически настроены в отношении подобных законодательных инициатив, ибо прекрасно понимали, что в случае их принятия они сами могут подпасть под действия соответствующих актов. Поэтому депутаты II Думы успешно «отбили» несколько законодательных инициатив как своих коллег, так и депутатов столичного парламента.

Первой такой инициативой стал проект закона «О запрещении пропаганды фашизма в РФ», который предложил глава Комитета по делам общественных и религиозных объединений, член фракции КПрФ В. Зоркальцев. Этот документ был в числе тех 3 законопроектов, которые были отклонены I Думой, и вот

теперь повторно вносился в нижнюю палату. По сравнению с первым вариантом «закон Зоркальцева» не претерпел существенных изменений. В представленной версии фашизм определялся как «идеология и практика господства одних наций и рас и подавления других, выражающаяся в посягательствах на права и свободы граждан, культе жестокости и насилия».

Это, прямо скажем, не вполне удачное определение, равно как и само содержание законопроекта, вызвало справедливую критику президента. Глава государства указывал, что предлагаемое определение представляется весьма неопределённым, а это, в свою очередь, лишает законопроект механизма реализации и может привести к необоснованным нарушениям прав и свобод граждан. Президент также обратил внимание разработчиков на то, что некоторые положения законопроекта являются оценочными, а многие формулировки («фашистские главари») носят не правовой, а политико-идеологический характер. Президент предлагал депутатам вообще прекратить работу над подобным законопроектом и сосредоточиться на разработке правовых механизмов противодействия любым проявлениям экстремизма² [1, с. 102–103].

После столь негативного отзыва было ясно, что «проект Зоркальцева» не имеет перспектив. Впрочем, это понимали и сами депутаты. Деликатно и почти без дискуссий одобрив законопроект в первом и втором чтениях, парламентарии (в основном коммунисты-радикалы и жириновцы), до того хранившие «тактическое молчание», подвергли «антифашистский закон» разгромной критике в третьем чтении (21 марта 1997 г.), потребовав (вслед за главой государства) изъять его из повестки дня³.

² Законопроект – документ правовой, а не политико-идеологический // Российские вести. 1996. № 136.

³ Стенограмма заседания Государственной Думы от 21 марта 1997 [Электронный ресурс]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/2793/> (дата обращения: 19.11.2023).

¹ Люкайтис Д. Дело погромной важности // Ть Власть. 1999. № 39. С. 18.

Гораздо быстрее депутаты «разобрались» с законопроектом Е. Прошечкина, депутата Московской городской думы, президента Московского антифашистского центра «О запрещении деятельности экстремистских общественных объединений в России». Этот документ также был в числе отклонённых I Думой. 3 апреля 1996 г. законопроект был повторно вынесен на рассмотрение нижней палаты. «Закон Прошечкина», как и его конкурент, не претерпел существенных изменений. Он отличался компактностью (всего 5 статей) и содержал указание на характерные признаки экстремистских объединений (7 критериев). Здесь устанавливалась ответственность руководящих органов общественных объединений, а также их лидеров за действия, которые могли повлечь признание соответствующих структур экстремистскими. Принятие данного акта предполагало проведение ревизии зарегистрированных партий и движений на предмет выявления среди них политическими радикалов с последующей ликвидацией¹.

Разумеется, Комитет по делам общественных и религиозных объединений во главе с В. Зоркальцевым предложил документ отклонить. Правовое управление Аппарата Госдумы, в свою очередь, смущало положение, согласно которому экстремистскими могли быть признаны те общественные объединения, которые, помимо национал-социалистических и фашистских режимов, публично одобряли «иные тоталитарные режимы» (при таком раскладе под нож легко могли попасть коммунисты). Именно эта фраза раздражала депутатов I Думы, но по каким-то причинам сохранилась в тексте. Впрочем, Прошечкин был готов снять спорное законоположение во втором чтении [5], которого, однако, не случилось. Члены фракций ЛДПР и КПРФ, подвергнув законопроект критике и даже обвинив его автора в «неуважении к Думе» (повторно

пытается «навязать» уже однажды отклонённый вариант), «зарубили» документ подавляющим большинством голосов².

Однако Е. Прошечкин не думал отступать. 19 февраля 1997 г. Мосгордума по его инициативе единогласно предложила дополнить ст. 282 пунктом, предусматривающим уголовную ответственность за оправдание преступлений национал-социалистического, фашистского и иных режимов, совершавших акты геноцида и другие действия, признаваемые преступными международным уголовным правом. На этот раз непримиримую позицию в отношении законопроекта занял Комитет по законодательству и судебной реформе во главе с коммунистом А. Лукьяновым, который заявил: «Подразумевается в этом законе вовсе не столько фашизм. Поэтому тут всё ясно» [2; 5].

29 октября 1997 г. законопроект всё-таки был вынесен на пленарное заседание. Прошечкин, отстаивая свой вариант, ссылаясь на опыт ряда западноевропейских стран, законодательство которых предусматривало уголовную ответственность за прославление или нарочитое преуменьшение нацистских злодеяний. Председатель МАФЦ также вспомнил принятый I Думой ФЗ «Об увековечивании Победы советского народа...», согласно которому Россия брала на себя обязательство бороться с любыми проявлениями фашизма. Однако эти аргументы не возымели действия. Коммунисты и жириновцы вновь раскритиковали законопроект как вредный, антидемократичный и антиконституционный. Не помог и последний козырь, который Прошечкин извлёк перед самым голосованием: «Вот примем такой закон – инвестиции в Россию больше пойдут...»³.

² Стенограмма заседания Государственной Думы от 3 апреля 1996 [Электронный ресурс]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/2962/> (дата обращения: 09.11.2023).

³ Стенограмма заседания Государственной Думы от 29 октября 1997 [Электронный ресурс]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/2681/> (дата обращения: 12.11.2023).

¹ СОЗД ГД: [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/96037631-2> (дата обращения: 08.11.2023).

Московская городская дума в борьбе с фашизмом

Не найдя понимания у федерального законодателя, депутаты Мосгордумы решили противостоять фашизму в отдельно взятой столице. В ноябре 1996 г. МГД по инициативе Е. Прошечкина приняла в первом чтении закон об административной ответственности за изготовление и распространение нацистской символики. Этот нормативный акт мыслился как продолжение ФЗ «Об увековечивании Победы советского народа...»¹, который запрещал использовать нацистскую символику «в любой форме», однако не предусматривал каких-либо санкций за нарушение этого запрета (соответствующие поправки так и не были внесены в УК и КоАП)².

15 января 1997 г. закон «Об административной ответственности за изготовление, распространение и демонстрацию нацистской символики на территории г. Москвы» был окончательно принят МГД³. Закон, как следовало из его названия, запрещал изготовление, распространение и демонстрацию нацистской символики на территории г. Москвы. Под нацистской символикой понимались любые артефакты (знамёна, значки, униформа, а также приветствия и пароли), которые представляли собой «воспроизведение в любой форме» символики, использовавшейся НСДАП или фашистской партией Италии (свастики, фасции, приветственные жесты и т. д.). Наруше-

ние данного запрета влекло административную ответственность в виде денежного штрафа, исправительных работ или административного ареста сроком на 15 суток. Если правонарушение совершалось иностранными гражданами или лицами без гражданства, наказанием могло стать административное выдворение за пределы РФ.

Вышеназванный закон действовал исключительно на территории одного субъекта РФ, а предусмотренные им санкции были ограничены административным взысканием, поскольку МГД в рамках своих полномочий не могла устанавливать уголовную ответственность за противоправные действия. В этой связи 15 октября 1997 г. Мосгордума по инициативе теперь уже экс-депутата Е. Прошечкина в очередной раз выступила с законодательной инициативой, которая заключалась в том, чтобы дополнить ст. 282 УК пунктом «Об уголовной ответственности за использование в любой форме нацистской символики в РФ». Данная статья могла предусматривать лишение свободы сроком до 3 лет.

На этот раз Правовое управление Аппарата Госдумы было вынуждено признать, что предложенный законопроект действительно устраняет пробел в законодательстве, возникший в связи с запретом нацистской символики в ФЗ «Об увековечении Победы...». Вместе с тем парламентские эксперты выразили сомнение в том, что все описанные в законопроекте действия должны квалифицироваться именно как уголовное, а не административное правонарушение. Кроме того, 20 июля 1997 г. в первом чтении был принят новый Кодекс об административных правонарушениях⁴, где предусматривалась ответственность за демонстрацию

¹ Федеральный закон от 19 мая 1995 г. «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной Войне 1941 – 1945 годов» // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1928.

² Баранов А. Фашизм не пройдёт! В отдельно взятом городе... // Правда-5. 1996. 16 ноября; На пороге эры политического экстремизма // Открытая политика. 1998. № 6. С. 56.

³ Закон г. Москвы № 1 от 15 января 1997 г. «Об административной ответственности за изготовление, распространение и демонстрацию нацистской символики на территории г. Москвы» [Электронный ресурс]. URL: https://duma.mos.ru/ru/38/adopted_documents/corebofs002080000lrn7ml9k8su89nc (дата обращения: 12.11.2023).

⁴ Постановление Московской городской думы от 15 октября 1997 г. «О законодательной инициативе Московской городской Думы “О проекте Федерального закона “О внесении дополнения в Уголовный кодекс РФ”» (с изменениями на 27 марта 2002) [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/8305926> (дата обращения: 15.11.2023).

фашистской символики с целью её пропаганды (новый КоАП вступит в силу лишь 30 декабря 2001) [1, с. 97–98].

Возвращаясь к закону г. Москвы, следует отметить, что этот нормативный акт оказался неработающим, а в правоохранительных органах столицы едва знали о его существовании. За 2 года с момента его принятия был известен лишь 1 случай применения данного акта, когда сутки административного ареста получил торговец значками со свастикой в Измайловском парке. Главное препятствие, делавшее этот акт бездействующим, заключалось в его нестыковке с федеральным КоАП. Дело в том, что некоторые виды санкций, которые предусматривал данный правовой акт (административный арест, исправительные работы, выдворение за пределы страны), могли налагаться только за нарушение федеральных, но не региональных законов. Кроме того, напомним, что в действовавшем Кодексе об административных правонарушениях статья о наказании за использование нацистской символики пока что отсутствовала. Поэтому неудивительно, что все 9 административных производств¹ по фактам демонстрации, изготовления и распространения нацистской символики, которые прокуратура Москвы направила в суд в соответствии с данным законом, были прекращены [3, с. 78].

Московский «антифашистский» акт: проблема перезагрузки

О том, что московский закон не работает, столичная прокуратура вспомнила лишь только после резонансного «марша» РНЕ в январе 1999 г., который баркашовцы совершили по северным окраинам Москвы. Столь дерзкая акция «русских фашистов» вызвала у самого высокого начальства желание взяться за «черно-

рубашечников» всерьёз. В этой связи в прокуратуре г. Москвы решили «реанимировать» неработавший закон путём внесения в него поправок. Так, столичный прокурор С. Герасимов (который до того отказывался возбуждать уголовное дело против Баркашова) теперь сам предложил в качестве административного взыскания ограничиться исключительно штрафом, а рассмотрение дел о демонстрации, изготовлении и распространении нацистской символики поручить не районным (федеральными) судам, а начальникам отделов внутренних дел муниципальных районов Москвы. Чтобы стимулировать милицеских начальников, поправки предусматривали перечисление на содержание и развитие материально-технической базы ГУВД г. Москвы 25% от суммы назначенных денежных взысканий².

В феврале 1999 г. обновлённый законопроект был представлен Мосгорпрокуратурой депутатам столичного парламента, которые первоначально отвергли поправки. Московские парламентарии не хотели отдавать соответствующие дела на откуп милицеским начальникам. Тем не менее 3 марта 1999 г. Мосгордума приняла поправки в первом чтении, а 20 мая документ был окончательно утверждён депутатами³. При этом далеко не все «фа-

² Ямшанов Б. Куда же смотрит прокуратура? // Российская газета. 1999. 2 февраля; Люкайтис Д. В Москве за свастики судить не будут // Ё. 1999. 10 февраля; Катанян К. Эмблема РНЕ будет приравнена к свастике // Известия. 1999. 25 февраля; Москва запретит нацистскую символику // Ё. 1999. 29 апреля; Люкайтис Д. Свастика нацисту не нужна // Ё. 1999. 21 мая.

³ Московская городская прокуратура внесла в Мосгордуму поправки к закону «Об административной ответственности за изготовление, распространение и демонстрацию нацистской символики в г. Москве» [Электронный ресурс]. URL: http://www.partinform.ru/scripts/partar1.dll?ViewDocument?cvs=&id=-833392532&login=guest_edqw&psw=loi1_21u11 (дата обращения: 14.11.2023); Москва запретит нацистскую символику // Ё. 1999. 29 апреля; Кашин С., Резник И. В Москве пытаются запретить фашизм // Ё. 1999. 4 марта; Скворцов М. Московские власти поставили на фашистах крест // Независимая газета. 1999. 21 мая.

¹ Ступин В. Правительство вне закона // Ё-Власть. 1998. № 32. С. 52–55; Катанян К. Эмблема РНЕ будет приравнена к свастике // Известия. 1999. 25 февраля; Ямшанов Б. Куда же смотрит прокуратура? // Российская газета. 1999. 2 февраля.

шествующие радикалы» использовали свастику или её стилизованное изображение. Данное обстоятельство лишний раз доказывало, что внесённые в московский закон поправки имели адресный характер и были направлены против движения «Русское национальное единство», символика которого напоминала стилизованную свастику (сами баркашовцы называли её «коловоротом»). Как бы то ни было, но к моменту вступления закона в силу структуры РНЕ в столице были практически полностью ликвидированы в судебном порядке. Поэтому данный акт стал символическим завершением войны против баркашовцев, начатой Ю. Лужковым ещё декабре 1998 г.¹

Законодательные инициативы Комиссии по противодействию политическому экстремизму при Президенте

Разработкой антиэкстремистского законодательства занималась не только законодательная, но и исполнительная власть. Такая работа велась в рамках Комиссии по противодействию политическому экстремизму, созданной указом Б. Н. Ельцина 27 октября 1997 г. Результатом её работы стали 2 законопроекта: «О запрещении нацистской символики и литературы» и «О противодействии политическому экстремизму». Эти документы были разработаны в рамках Федеральной программы по противодействию политическому и религиозному экстремизму на 1999–2000 гг.

Проект закона «О запрещении нацистской символики и литературы» разрабатывался под эгидой Министерства юстиции и был внесён в нижнюю палату Правительством 10 августа 1998 г.

¹ Закон г. Москвы от 26 мая 1999 г. «О внесении изменений и дополнений в Закон г. Москвы от 15 января 1997 года “Об административной ответственности за изготовление, распространение и демонстрацию нацистской символики на территории города Москвы” [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lawmix.ru/zakonodatelstvo/799277> (дата обращения: 14.11.2023).

Учитывая, что на территории Москвы с 1997 г. действовал похожий закон, разработчикам федерального акта было на что ориентироваться. Однако федеральный законопроект, в отличие от московского аналога, налагал запрет на изготовление, распространение и демонстрацию не только нацистской символики, но также ещё и соответствующей литературы. Под нацистской литературой понимались труды руководителей НСДАП и фашистской партии, а также иные публикации, которые обосновывали национальное или расовое превосходство либо оправдывали практику преступлений нацизма, осуждённых Нюрнбергским трибуналом. Кроме того, в разряд нацистских попадали публикации, содержащие призывы к геноциду, изданные типографским или иным техническим способом.

Также разработчики закона, выходя за рамки его названия, собирались запретить изготовление, распространение, демонстрацию аудио-, фото-, кино- и видеопродукции, которая содержала нацистскую символику либо воспроизводила выступления руководителей НСДАП и фашистской партии Италии, а также кино- и видеофильмы, которые оправдывали нацистские преступления, а равно содержали призывы к их совершению. При этом законопроект не предусматривал меры ответственности за нарушение установленных ограничений, а лишь отсылал «к действующему законодательству».

События в стране в августе–сентябре 1998 г. внесли корректировки в законодательный процесс. Лишь 8 октября 1998 г. проект закона «О запрещении нацистской символики и литературы» прошёл рассмотрение Совета Госдумы. Было принято решение включить его в программу законодательной работы осенней сессии. Однако Правовое управление Аппарата Госдумы, а также Комитет по делам общественных объединений и религиозных организаций отнесли к документу отрицательно. В итоге законопроект «за-

вис» в думских комитетах и нижней палате не рассматривался¹ [1, с. 122–123].

Гораздо радикальнее выглядел законопроект «О противодействии политическому экстремизму», который был одобрен Правительством в январе 1999 г. Представители либеральных СМИ, ознакомившись с этим документом, отмечали, что определённый экстремизм был не чужд и самим разработчикам. Под политическим экстремизмом здесь понималась деятельность общественных объединений, иных организаций, а также должностных лиц и граждан, направленная на насильственное изменение конституционного строя, захват или удержание власти, нарушение суверенитета и территориальной целостности государства, организацию незаконных вооружённых формирований, возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, а также публичные призывы к совершению в политических целях противоправных деяний. Как видно, несмотря на не вполне удачный стиль, а также неконкретность отдельных формулировок, разработчик старался воспроизвести в несколько расширенном виде ч. 5 ст. 13 Конституции.

Главным пунктом законопроекта являлось положение, которое предусматривало запрещение общественного объединения в случае установления того факта, что его структурные подразделения, руководители или отдельные члены с ведома хотя бы одного из руководящих органов, используя политические, организационные, пропагандистские, материальные и иные возможности данной

организации, занимались экстремистской деятельностью.

Более того, закон устанавливал «коллективную ответственность» общественного объединения за своего лидера или рядового члена, допустившего публичные призывы или высказывания экстремистского характера, но при этом не уточнившего, что он выражает сугубо личное мнение, а не позицию партии. Имея в своих рядах подобного субъекта, партия или движение должны были незамедлительно публично заявить о своём несогласии с его высказываниями или действиями. В противном случае такое объединение могло быть запрещено по решению суда.

С другой стороны, «институт дезавуирования», несмотря на неясность его отдельных положений (насколько быстро и решительно однопартийцы должны были отмежеваться от своего заблудшего товарища?), был призван несколько смягчить общую жёсткость положений о запрещении общественного объединения (хотя некоторые указывали на то, что данная норма может поставить лидеров оппозиции в положение «вечно оправдывающихся»).

На самом деле предусмотренный законом «институт дезавуирования» было бы правильнее назвать «статьёй им. Альберта Макашова». В октябре 1998 г. в ходе Всероссийской акции протеста генерал допустил ряд публичных антисемитских высказываний, но при этом избежал не только уголовного преследования, но даже персонального порицания со стороны Госдумы. Тогда Минюсту не удалось увязать позицию КППРФ, членом которой являлся Макашов, с экстремистскими выпадами генерала, чтобы наложить правовые санкции на саму компартию (как того желал Ельцин).

Проект закона «О противодействии политическому экстремизму» так и остался нереализованной законодательной инициативой. Перестановки в Правительстве после отставки кабинета

¹ СОЗД ГАС «Законотворчество»: [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/98067778-2> (дата обращения: 7.12.2023); Свастика на заборе – горе // Российские вести. 1998. № 67; Выжуртович В. Запрет на свастику // Известия. 1998. 1 августа; Люкайтис Д. Вставай, страна огромная! // Ъ. 1998. 1 августа; Рассафонова М. Фашисты будут сидеть в тюрьме // Новые известия. 1998. 1 августа; Катанян К. Никто не хочет называться фашистом // Новая газета. 1998. 1 июля; Камакин А. Нацистская символика вне закона // Независимая газета. 1998. 1 августа.

Е. Примакова затянули законодательный процесс. Лишь 8 июня 1999 г. правительство С. Степашина внесло в Думу данный законопроект, а также пакет сопутствующих поправок в действующее законодательство (УК, КоАП, ФЗ «Об общественных объединениях»). В сентябре 1999 г. документ был рассмотрен Советом Думы, однако не успел пройти даже первое чтение. В июне 2002 г. законопроект был снят с рассмотрения в связи с подготовкой ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»¹ [1, с. 109, 124–129].

Заключение

Итак, на основании проведённого исследования можно сделать вывод о том, что разработка и принятие специального законодательства, направленного на борьбу с политическим экстремизмом, не относилась к числу приоритетных задач как Государственной Думы, так и федеральных органов исполнительной власти в 1990-е гг. С другой стороны, несмотря на сложности законодательного про-

цесса, в стране в первые постсоветские годы был принят необходимый корпус нормативно-правовых актов, призванных оградить государство и общество от различных проявлений политического, национального и религиозного радикализма. Неурегулированными оставались лишь некоторые ниши, которые пытался ликвидировать законодатель во второй половине 1990-х гг. При этом, учитывая глубокий кризис правоприменительной практики на фоне общего состояния российской государственности и раскола общества, многие законы, указы и постановления, в т. ч. направленные на противодействие распространению экстремистской идеологии и практики, попросту не работали.

Таким образом, в стране, несмотря на запрет, продолжали действовать десятки националистических (профашистских) группировок, выходили сотни периодических изданий, тиражирующие агрессивные материалы, а отдельные депутаты позволяли себе националистические высказывания, остававшиеся без последствий. Сложившаяся ситуация воздействовала на либеральные СМИ, которые давили на власть, обвиняя депутатов и правоохранителей в преступном бездействии. Последние, в свою очередь, не имея возможности обеспечить действие уже принятых законов, продолжали разработку очередных антиэкстремистских актов, которые, учитывая глубокие расхождения между ветвями власти, не имели перспектив.

Кроме того, говоря об «антиэкстремистском правотворчестве», стоит отметить полную несогласованность как между законодательной и исполнительной властью, так и между самими депутатами. Ибо не всегда было ясно, с чем именно собирается бороться власть: с политическим экстремизмом, с фашизмом или же с нацистской символикой и литературой? Поэтому едва ли стоит говорить о наличии в те годы единой государственной стратегии, направленной на

¹ Проект Федерального закона «О противодействии политическому экстремизму» // СПС «Консультант Плюс»: [сайт]. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=PRJ&n=29396#WcLmGwTwyJtM7kII> (дата обращения: 22.11.2023); Глинкин М. Роль пристава в судьбе демократии // Общая газета. 1998. 12–18 ноября; Домнышева Е. Политический экстремизм будут рассматривать со всех сторон // Новые известия. 1998. 19 декабря; Дементьева М. Разжигать социальную рознь будет запрещено // Новые известия. 1999. 2 февраля; Домнышева Е. Политический экстремизм будут рассматривать со всех сторон // Новые известия. 1998. 19 декабря; Камакин А. Павел Крашенинников: В России нет цельного антиэкстремистского законодательства // Независимая газета. 1998. 15 октября; Люкайтис Д. Вставай, страна огромная! // Ё. 1998. 1 августа; Папушин А. Не переиграть бы // Парламентская газета. 1999. 25 февраля; Бюллетень Министерства юстиции РФ. 1999. № 2. С. 24, 28–32; Министр юстиции считает, что фашизм в России может остановить только закон // Новые известия. 1998. 8 июля; Минюст разобрался с политическим экстремизмом // Россия. 1999. 12 февраля; СОЗД ГАС «Законотворчество»: [сайт]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/99058804-2> (дата обращения: 23.11.2003).

противодействие политическому экстремизму.

Учитывая вышеназванные обстоятельства, можно предположить общую незаинтересованность российского политического класса в принятии закона о противодействии экстремистской деятельности. Для парламентской оппозиции появление подобного акта могло иметь определённые последствия (как показали дальнейшие события, эти опасения во многом оправдались), а власть

предержащие в те годы были настолько разобщены и ослаблены, что едва могли обеспечивать элементарный порядок в стране. Вместе с тем нельзя сказать, что тот законотворческий опыт пропал даром. Некоторые наработки были использованы в «нулевые» годы во время разработки и принятия ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», а также для последующей диверсификации статей Уголовного кодекса.

Дата поступления в редакцию 16.03.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Верховский А. М. Политика государства по отношению к национал-радикальным объединениям в 1991–2002 гг. М.: Центр «Сова», 2013. 152 с.
2. Верховский А. М. Государство против радикального национализма. Что делать и чего не делать? М.: РОО «Центр «Панорама», 2002. 220 с.
3. Верховский А. М., Папп А. А., Прибыловский В. В. Политический экстремизм в России. М.: Информационно-экспертная группа «Панорама», 1996. 510 с.
4. Гостев С. Л. Общественно-политические организации радикально-националистического толка: их электорат и роль в современном политическом процессе // Вестник Московского государственного университета. Серия 12: Политические исследования. 1999. № 2. С. 50–63.
5. Дейч М. Коричневые: Об угрозе национал-социализма и безопасности власти. М.: Терра – Книжный клуб, 2003. 428 с.
6. Казначеев П. Новые контуры фашизации России // Правозащитник. 1998. № 4. С. 32–37.
7. Кулакова Д. В. К вопросу о противодействии экстремизму в политической сфере // Академическая мысль. 2023. № 1. С. 60–64.
8. Лихачев В. Нацизм в России. М.: Центр «Панорама», 2002, 176 с.
9. Магомедов Ш. Б., Абдулатипов А. М. Современные проблемы противодействия политическому и этнонациональному экстремизму // Юридический вестник ДГУ. 2022. Т. 43. № 3. С. 139–146.
10. Найдено В. Н. Разновидности экстремизма и их влияние на социально-политическую жизнь России // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 18 / отв. ред. М. К. Горшков. М.: Новый Хронограф, 2020. С. 225–244. DOI: 10.19181/ezheg.2020.10
11. Родионов М. М. Фашизм в современной России: опасность и его недооценка // История государства и права. 1999. № 4. С. 27–30.
12. Смоляков А. А., Аристов Р. В., Носенков А. П. Экстремизм как социально-политическая и правовая категория // Закон. Право. Государство. 2020. № 4-1. С. 73–78.
13. Тарчоков Б. А. К вопросу о противодействии различным проявлениям политического экстремизма в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 4. С. 151–156.

REFERENCES

1. Verkhovsky A. M. Politika gosudarstva po otnosheniyu k natsional-radikalnym obyedineniyam v 1991–2002 gg. [State policy towards national radical associations in 1991–2002]. Moscow, Tsenter "Sova" Publ., 2013. 152 p.
2. Verkhovsky A. M. Gosudarstvo protiv vsyakogo natsionalizma. Chto delat' i chego ne delat' [State against radical nationalism. What to do and what not to do?]. Moscow, ROO "Tsenter "Panorama" Publ., 2002. 220 p.
3. Verkhovsky A. M., Papp A. A., Pribylovsky V. V. Politicheskiy ekstremizm v Rossii [Political extremism in Russia]. Moscow, Informatsionno-ekspertnaya gruppa «Panorama» Publ., 1996. 510 p.

4. Gostev S. L. [Socio-political organizations of a radical nationalist sense: their electorate and role in the modern political process]. In: Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 12: Politicheskiye issledovaniya [Bulletin of Moscow State University. Episode 12: Political Studies], 1999, no. 2, pp. 50–63.
5. Deitch M. Korichnevyye: Ob ugroze natsional-sotsializma i bespechnosti vlasti [Brown: On the threat of National Socialism and the carelessness of power]. Moscow, Terra – Knizhnyy klub Publ., 2003. 428 p.
6. Kaznacheev P. [New contours of fascisation in Russia]. In: Pravoashchitnik [Human Rights Defender], 1998, no. 4, pp. 32–37.
7. Kulakova D. V. [On the issue of countering extremism in the political sphere]. In: Akademicheskaya mysl [Academic thought], 2023, no. 1, pp. 60–64.
8. Likhachev V. Natsizm v Rossii [Nazism in Russia], Moscow, Tsentr «Panorama», 2002. 176 p.
9. Magomedov Sh. B., Abdulatip A. M. [Modern problems of countering the political and ethno-national extremism]. In: Yuridicheskii vestnik DGU [Law Herald of DSU], 2022, vol. 43, no. 3, pp. 139–146.
10. Naydenko V. N. [Varieties of extremism and their influence on the social and political life of Russia]. In: Gorshkov M. K., ed. Rossiya reformiruyushchayasya: yezhegodnik. Vyp. 18 [Reforming Russia: Yearbook. Vol. 18]. Moscow, Novyy Khronograf Pub., 2020, pp. 225–244. DOI: 10.19181/ezheg.2020.10
11. Rodionov M. M. [Fascism in modern Russia: danger and its underestimation]. In: Istoriya gosudarstva i prava [History of state and law], 1999, no. 4, pp. 27–30.
12. Smolyakov A. A., Aristov R. V., Nosenkov A. P. [Extremism as a socio-political and legal category]. In: Zakon. Pravo. Gosudarstvo [Lex. Jus. Civitas], 2020, no. 4-1, pp. 73–78.
13. Tarchokov B. A. [On the issue of countering various manifestations of political extremism in the Russian Federation]. In: Probely v rossiyskom zakonodatelstve [Gaps in Russian legislation], 2023, vol. 16, no. 4, pp. 151–156.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Волгин Евгений Игоревич – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры истории общественных движений и политических партий исторического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова;
e-mail: plytony@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniy I. Volgin – Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Department of History of Social Movements and Political Parties, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University;
e-mail: plytony@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Волгин Е. И. Проблема принятия закона о противодействии политическому экстремизму в РФ во второй половине 1990-х гг. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 3. С. 89–101.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-89-101

FOR CITATION

Volgin E. I. The problem of adopting a law on countering political extremism in Russian Federation in the second half of the 1990s. In: Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences, 2024, no. 3, pp. 89–101.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-89-101

УДК 93/94.316.3.351/354.394

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-102-114

ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Зайнетдинов Ш. Р.

*Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы
450008, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, д. 3а, Российская
Федерация*

Аннотация

Цель. Изучить процесс формирования российской гражданской идентичности как культурно-цивилизационного феномена в его исторической ретроспективе, выявить истоки и основные этапы развития.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ процесса взаимодействия народов и их культур на разных этапах развития российского общества, особенности каждого из них, роль объективных и субъективных факторов. В процессе исследования использованы модернизационный и цивилизационный подходы изучения исторических процессов.

Результаты. Подтверждено, что формирование российской гражданской идентичности является закономерным итогом развития российского общества как евразийского культурно-цивилизационного феномена. Автор приходит к выводу, что постоянное пространственное расширение территории российского государства было обусловлено целым рядом объективных факторов, важнейшее место среди которых занимает необходимость обороны от внешней угрозы ввиду отсутствия естественной защиты в виде мощных горных систем, больших водных пространств и т. д. Но это требовало от правящих российских элит умения находить взаимоприемлемые формы и методы взаимодействия с народами, проживавшими на вновь присоединённых территориях, в первую очередь, сохранения их культурно-исторической идентичности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Исследованы формы и методы взаимодействия народов и их культур на различных этапах развития российского общества, определены как материальные, так и духовные факторы, обуславливающие схожесть интересов различных этносов. Введены авторские интерпретации таких категорий, как евразийский культурно-цивилизационный феномен, евразийская гражданская идентичность, содержание культурно-цивилизационного кода, земледельческие культуры, кочевые культуры.

Ключевые слова: взаимодействие, власть, евразийство, интересы, культурно-цивилизационный код, цивилизация, этнос

STAGES OF FORMATION OF RUSSIAN CIVIL IDENTITY

S. Zainetdinov

*Bashkir State Pedagogical University n.a. M. Akmulla
ul. Oktyabrskoi revolutii 3a, Ufa 450008, Republic of Bashkortostan, Russian Federation*

Abstract

Aim. To study the process of formation of Russian civil identity as a cultural and civilizational phenomenon in its historical retrospective, to identify the origins and main stages of development.

Methodology. The main content of the study is an analysis of the process of interaction between peoples and their cultures at different stages of the development of Russian society, the characteristics of each of them, the role of objective and subjective factors. When conducting the research, the modernist and civilizational approaches to studying historical processes were used.

Results. It has been confirmed that the formation of Russian civil identity is a natural result of the development of Russian society as a Eurasian cultural and civilizational phenomenon. The author comes to the conclusion that the constant spatial expansion of the territory the Russian state was determined by a number of objective factors, the most important among which is the need for defense against external threats due to the lack of natural protection in the form of powerful mountain systems, large expanses of water, etc. But this required the ruling Russian elites to be able to find mutually acceptable forms and methods of interaction with the peoples living in the newly annexed territories, first of all, preserving their cultural and historical identity.

Research implication. The forms and methods of interaction between peoples and their cultures at various stages of the development of Russian society have been studied, both material and spiritual factors that determine the similarity of interests of different ethnic groups have been identified. The author's interpretations of such categories as the Eurasian cultural and civilizational phenomenon, Eurasian civil identity, the content of the cultural and civilizational code, agricultural cultures, nomadic cultures are introduced.

Keywords: interaction, power, Eurasianism, interests, cultural and civilizational code, civilization, ethnicity

Введение

Одной из важнейших черт, определяющих Россию как самостоятельный культурно-цивилизационный феномен на протяжении практически всей её многовековой истории, является огромная протяжённость территории и обусловленные этим обстоятельством резко выраженные различия в характере развития отдельных регионов, а также весьма неоднородное по важнейшим признакам культурно-цивилизационного развития население. В этой связи одним из главных факторов сохранения страны в качестве самостоятельного геополитического и социокультурного феномена выступало и продолжает выступать нахождение соответствующих каждому достигнутому этапу цивилизационного прогресса форм и методов взаимодействия народов, их культур.

В свете сказанного целевой установкой исследования является изучение процесса становления российской гражданской идентичности как самостоятельного культурно-цивилизационного феномена в его исторической ретроспек-

тиве, выявление основных этапов, наиболее характерных признаков, а также факторов, обусловивших как специфику, так и преемственность указанных этапов, превращение их в единый, органически целостный процесс.

Ключевым исследовательским инструментарием в работе явилось использование модернизационного, а также цивилизационного подходов к изучению исторических процессов. Необходимость применения модернизационного подхода обусловлена тем, что переход общества на новый этап цивилизационного прогресса означает, в т. ч. и качественное изменение в уровне социальной, а также этнической консолидации общества, его отдельных составляющих. Цивилизационный метод необходим потому, что он позволяет рассмотреть Россию не просто как социум, но и как локальную цивилизацию.

Несмотря на то, что проблема формирования российской гражданской идентичности сравнительно недавно получила «права гражданства» в отечественном общественном знании, уже имеется достаточно крупный массив исследований.

При изучении проблемы этапов становления российской гражданской идентичности автор исходит из положения, что российское общество – это локальная цивилизация. В этой связи при характеристике степени разработанности проблемы в научной литературе необходимо в первую очередь назвать исследователей, заложивших теоретический фундамент изучения феномена локальных цивилизаций – А. Тойнби¹ и Н. Я. Данилевского [6].

Также к историографии проблемы следует отнести труды учёных, внёсших значительный вклад в разработку модернизационного подхода к исследованию исторических процессов, в частности, В. В. Алексеева [1], Ю. П. Бокарёва [4], А. С. Сеньявского [16].

Важнейшей особенностью развития российского общества как культурно-цивилизационного феномена является его евразийская природа. В этой связи необходимой составляющей историографии изучаемой проблемы выступают труды основоположников теории евразийства – Н. Н. Алексеева [2], Н. А. Бердяева [3], П. Н. Савицкого [15], Н. С. Трубецкого [18], а также работы современных исследователей – Л. Н. Гумилёва [5], А. Г. Дружинина [8].

В современной отечественной обществоведческой литературе также имеются труды, изучающие процессы становления российской гражданской идентичности. Например, таких авторов, как: Э. А. Зелетдинова [10], Н. Н. Касенова [11], И. В. Кожанов [12], А. Н. Махинин [13], С. А. Харитоновна [19]. Особенность данной группы исследований заключается в том, что они написаны, главным образом, социологами и политологами, вследствие чего рассматривают процессы формирования российской гражданской идентичности в наши дни, не затрагивая совсем или делая это фрагментарно развитие данного процесса на более ранних этапах истории российского общества.

Значительный интерес для понимания процессов становления гражданской идентичности в современный период, возникающих при этом сложностей и противоречий представляет собой дискуссия о причинах распада СССР, развёрнутая на страницах журнала «Российская история». В частности, это работы А. Я. Дегтярева [7], Б. Н. Миронова [14], Р. Г. Суни [17].

Таким образом, можно сделать вывод, что в новейшей отечественной историографии проблема формирования российской гражданской идентичности нашла достаточно глубокую и всестороннюю разработку. Вместе с тем предметом изучения стали процессы, происходящие в основном в XXI в., в то время как развитие их на более ранних этапах истории страны остаются изученными гораздо меньше. Настоящее исследование является попыткой восполнения указанного пробела.

Как уже отмечалось, одной из важнейших особенностей российского общества, и как важнейшей производной – российской государственности, являлось постоянное расширение своей территории, что в решающей степени обуславливалось потребностями безопасности страны, сохранения его как геополитической и социокультурной реальности, а не стремлением обогащения за счёт других стран и народов. Наиболее убедительным подтверждением этого может служить тот факт, что Россия никогда не предпринимала серьёзных попыток закрепить на далёких заморских территориях, в частности, в Северной Америке, Океании и т. д. Её экспансия ограничивалась евразийским материком, многие регионы которого, в силу сложных природно-климатических условий, требовали больших дополнительных усилий и средств для организации жизни, ведения хозяйственной деятельности.

Окончательно границы российского государства сложились на рубеже XIX–XX вв. Следовательно, данную территорию, практически полностью воспро-

¹ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М.: Айрис-пресс, 2002. 640 с.

изведённую в соответствии с итогами Великой Отечественной и Второй мировой войн, надо рассматривать как Россию в её исторических границах, а нарушение их как попытку противодействия ходу естественноисторических процессов.

С этой точки зрения, произошедший в начале 1990-х гг. распад СССР действительно явился крупнейшей геополитической катастрофой XX в. Наиболее убедительным свидетельством того, что распад СССР стал нарушением хода естественноисторических процессов может служить то, что ни одно из новых независимых государств, образовавшихся на постсоветском пространстве, не только не добилось ожидаемого процветания, но, напротив, все они по важнейшим макроэкономическим и социальным показателям откатились далеко назад, по сравнению с советским периодом.

В этой связи при исследовании этапов формирования и развития российской гражданской идентичности, выявления факторов, определявших данный процесс, необходимо особое внимание уделить причинам, приведшим к распаду одной из двух сверхдержав на планете. При этом предметом самого пристального рассмотрения должно стать соотношение факторов объективных, субъективных и ситуативных, понимая под объективными факторами способность/неспособность существовавшей в стране на протяжении более 70 лет модели общественного развития, обеспечившей выход страны на передовые рубежи цивилизационного прогресса, превратившей её в одно из двух самых могущественных государств на планете, отвечать на новые вызовы времени.

Формирование российской евразийской гражданской идентичности

Гражданская идентичность – понятие, сравнительно недавно вошедшее у нас в стране в научный оборот. Введение это-

го понятия отражает достигнутый этап цивилизационной зрелости российского общества, одной из характерных черт которого является всё более тесная и разносторонняя интеграция народов и их культур, взаимопроникновение их друг в друга, формирование на этой основе принципиально новой этносоциальной общности, включающей основные признаки нации, вместе с тем представляющей собой качественно иное, более сложное и более масштабное образование.

Достигнутый этап цивилизационной зрелости является итогом развития общества за весь период его существования и, следовательно, хранит в себе наиболее существенные признаки прошедших периодов. Таким образом, понимание природы феномена евразийской гражданской идентичности в России или что, на наш взгляд, равноценно понятию российской гражданской идентичности, предполагает исследование всех основных этапов эволюции российского суперэтнуса, который выполняет функцию несущей конструкции, формирующейся гражданской мезообщности.

Одной из главных особенностей России как самостоятельного геополитического и социокультурного феномена является огромная протяжённость территории, включающая в себя несколько часовых поясов и климатических зон, а также чрезвычайно неоднородный в национальном и конфессиональном отношении состав населения.

Важнейшим аспектом процесса формирования российского суперэтнуса выступает включение в его состав народов, не только различающимися по многим важным признакам материальной и духовной культуры – языку, религии, традиционными видами занятий и т. д., но и олицетворяющие собой различные типы культурно-цивилизационного развития. Наиболее типичными примерами последнего является взаимодействие народов земледельческой (инновационной) и кочевой (созерцательной) культуры.

Говоря о формировании русского суперэтноса как основы формирующейся в наши дни евразийской гражданской идентичности, следует учитывать всю совокупность факторов, определивших ход и сущность данного процесса.

Важнейшим обстоятельством при этом выступает пространственное расширение Русского государства на всех этапах его развития. Одной из главных причин этого была необходимость обороны от внешнего врага. Россия не обладала естественной защитой в виде мощных горных систем или широких водных пространств. Поэтому большая протяжённость территории играла чрезвычайно важную роль в обеспечении обороноспособности страны. Но это же обстоятельство вынуждало славянские элиты находить такие принципы взаимодействия с народами, интеграция которых в состав Руси далеко не всегда представляла собой процесс добровольный, минимизировавшие по возможности риски возникновения острых межэтнических (на самой ранней стадии межплеменных) конфликтов и даже, напротив, пробуждавшие у вновь присоединённых народов стремление к дальнейшей, всё более активной интеграции в новую общность.

Таким образом, одним из главных признаков формирующегося русского этноса, в т. ч. и на протяжении раннегосударственного периода, была необходимость в нахождении точек соприкосновения интересов державного этноса (племени) с вновь присоединёнными этнокультурными общностями, что не только бы исключило возможности возникновения острых межэтнических и межконфессиональных конфликтов, но и создавало бы взаимную заинтересованность в проживании в границах одного социума, одного государства.

На начальных этапах формирования Древнерусского государства его территория расширялась, главным образом, за счёт присоединения земель, населяемых

в основном этнически близкими славянскими племенами с относительно незначительным вкраплением угро-финских народов. Это облегчало процесс интеграции территорий и населения, а также выработки принципов взаимодействия Центра и территорий, а также державного этноса (племени) с вновь вошедшими в состав формирующейся славянской державы общностями. Именно в это время началось зарождение культуры и политики учёта интересов всех участвующих в процессе интеграции сторон, в связи с чем весь догосударственный период истории восточных славян, а также время существования Древней Руси можно рассматривать как начальный этап становления евразийской гражданской идентичности.

Качественные изменения в процесс формирования территории и взаимодействия различных народов и их культур были привнесены в середине XIII в. в связи с монгольским завоеванием Руси, включением значительной её части в состав Золотой Орды. В период пребывания Руси в составе Золотой Орды, продолжавшийся около 250 лет и получивший название татаро-монгольского ига, взаимодействие русских происходило, главным образом, с представителями тюркского и монгольского этносов. Этот процесс приобрёл особую интенсивность после свержения ига, активной экспансии Русского государства на Восток, на земли, также ранее входившие в состав Монгольской империи, основную часть населения которой составляли тюркские народы, по конфессиональной принадлежности – мусульмане.

Рассматриваемый (второй) этап развития Русского государства и, соответственно, взаимодействия народов и культур отличался достаточно большой сложностью и драматизмом. Главной причиной осложнений здесь выступало то, что в состав государства были интегрированы народы, отличавшиеся от державного этноса – русских – не только по важнейшим признакам материальной

и духовной культуры – языку, религии, традиционным занятиям, как, например, татары, но и олицетворявшие собой иной (кочевой) тип культурно-цивилизационного развития – башкиры, казахи, калмыки и др. Взаимодействие с тюркскими мусульманскими народами в немалой степени осложнялось ещё тем, что в период пребывания в составе Золотой Орды на все тюркские, в особенности кочевые народы, распространялось представление как о захватчиках и угнетателях. Тем не менее, несмотря на все сложности и коллизии, нередко сопровождавшиеся насилием и многочисленными жертвами с обеих сторон, была выработана общая стратегия, учитывающая интересы как державного этноса, так и других народов.

Об умении находить взаимоприемлемые решения даже в самых трудных ситуациях, часто сопровождавшихся серьёзными коллизиями, приводивших к большим человеческим жертвам, достаточно убедительно свидетельствует пример из истории одного из регионов страны – Республики Башкортостан. Территория современного Башкортостана вошла в состав Русского государства во второй половине XVI в. в связи с разгромом войсками Ивана Грозного Казанского и Астраханского ханств, а также Сибирского ханства и Ногайской Орды. В отношении башкир указанный процесс вхождения носил преимущественно договорный характер. Башкиры брали на себя обязательство платить ясак, нести другие повинности, в т. ч. и военные. Центральное правительство обязалось со своей стороны уважать права и интересы башкир. В целом, эти обязательства выполнялись обеими сторонами. Тем не менее сами процессы интеграции проходили достаточно трудно, сопровождались серьёзными издержками. При этом наиболее острые коллизии наблюдались в культурно-религиозной сфере.

В течение XVII – середины XVIII вв. в этом регионе активно проводилась политика насильственной христианизации

нерусских народов, в первую очередь, башкир и татар. Это приводило к перманентно вспыхивавшим народным восстаниям и послужило одним из главных побудительных мотивов участия башкирский масс под предводительством Салавата Юлаева в Крестьянской войне 1773–1775 гг., ставшей подлинной национальной катастрофой в истории России нового времени.

Однако после подавления восстания власти страны не только прекратили практику насильственного обращения нерусских народов в христианство, но и способствовали развитию институтов ислама в регионе, повышению его роли в империи. Самым наглядным подтверждением этого может служить создание первого официально оформленного объединения мусульман Российской империи – Оренбургского магометанского собрания (первоначально носившего название Уфимского духовного магометанского закона собрания), учреждённого именным указом императрицы Екатерины II от 22 сентября 1788 г., открытие которого состоялось 4 декабря 1789 г. Первой резиденцией собрания была выбрана Уфа¹.

Начало следующего (третьего) этапа в развитии России, и как геополитического пространства, и как социокультурного феномена, связано с преобразованиями Петра I и охватывает весь так называемый имперский период истории страны.

Самые характерные признаки этого периода – активная экспансия на Запад и на Восток, преобразование всех аспектов жизни российского общества с учётом опыта наиболее передовых стран Западной Европы, внедрение в российский социум основных достижений европейской либерально-промышленной цивилизации.

Изменение границ империи, обусловленное, прежде всего, военно-

¹ Арапов Д. Ю. Оренбургское магометанское духовное собрание // Океанариум – Оясио. Т. 24. М.: БСЭ, 2014. С. 442.

политическими причинами, сопровождалось включением в её состав значительных масс иноэтничного и иноконфессионального населения – народов Балтии, Польши, Северного и Южного Кавказа, Центральной Азии. Вместе с тем стремительное развитие капитализма вширь и вглубь требовало всестороннего освоения всей территории страны и как минерально-ресурсной базы, и с целью рационального размещения производительных сил.

Названные факторы обусловили серьёзные сдвиги в процессе взаимодействия, прежде всего, державного этноса – русских – и других народов страны. Подобные сдвиги по определению чреваты серьёзными трениями и даже конфликтами в сфере межнациональных отношений. Однако и в этом случае была выработана стратегия, которая не только способствовала сглаживанию наиболее острых противоречий, но также давала возможность различным народам империи продвигаться по пути цивилизационного прогресса, сохраняя при этом важнейшие признаки своей этнокультурной идентичности. Так, народы Балтии, Польши, Финляндии и других регионов именно в период пребывания в составе Российской империи консолидировались в нации. Другие народы, в первую очередь относившиеся к кочевому культурно-цивилизационному типу, также получили возможность, восприняв принципы инновационного развития, достигать более высокой степени цивилизационной зрелости, не утрачивая при этом важнейших признаков своей идентичности. Всё это во многом способствовало укреплению могущества российской державы.

Рубеж XIX–XX вв. обозначил новый этап в истории российского общества. Основным фактором, определявшим характер развития страны, было усилившееся и принимавшее характер стадийного отставание России от наиболее передовых стран Западной Европы и Северной Америки по уровню социально-

экономического и культурного развития, что заключало в себе реальную угрозу существованию России как самостоятельного геополитического и социокультурного феномена. Данное обстоятельство, в свою очередь, послужило причиной возникновения острого социально-политического кризиса, способом разрешения которого стал революционный катаклизм 1917 г., приведший к упразднению традиционной и становлению новой модели общественного развития.

Главным итогом функционирования новой – социалистической – модели стало совершение модернизационного скачка, превращение в исторически кратчайшие сроки России из отсталой, скачавшейся на обочину исторического прогресса аграрной страны, в передовую индустриальную державу, а по итогам Великой Отечественной и Второй мировой войн в одну из двух супердержав на планете.

Модернизация в сфере межнациональных отношений как важнейшего аспекта общего модернизационного процесса означала осуществление не только формально-юридического, но и фактического равенства народов, их равноправного участия во всех сферах общественной жизни. Одним из проявлений этого стало создание национально-территориальных образований с признаками собственной государственности.

Достижение фактического равенства народов явилось одним из главных факторов кардинальных сдвигов в самосознании отдельных народов, понимания и принятия того, что при сохранении важнейших признаков национально-культурной идентичности каждого из них, происходит процесс консолидации всех народов, всех этносов в принципиально новую гражданскую мезообщность. Это, в свою очередь, означало, что доминантными мотивами самосознания народов страны становилось понимание наличия общего Отечества, причастности к его достижениям, т. е. национальное самосо-

знание постепенно замещалось самознанием гражданским. Огромную роль в этом кардинальном процессе сыграло превращение русского языка в язык межнационального общения. В соответствии с господствовавшей в СССР идеологией формирующаяся гражданская мезообщность получила название «советский народ – новая историческая общность».

Советская модель развития достаточно быстро утратила свой позитивный, созидательный ресурс и превратилась в тормоз на пути исторического прогресса. Главной причиной этого стало такое имманентное качество советской системы, как концентрация всех рычагов власти в руках одного слоя – партийно-государственной номенклатуры, что, в свою очередь, исключало возможность функционирования механизма обратной связи между властью и обществом, следовательно, не позволяло власти учитывать интересы всех групп населения, в т. ч. и отдельных этнокультурных общностей.

О нарастании негативных явлений в межнациональных отношениях достаточно наглядно свидетельствует пример Республики Башкортостан. Башкирия является многонациональным регионом страны. Согласно итогам Всероссийской переписи населения 2010 г. на территории РБ проживало несколько десятков национальностей, из которых самой большой группой были русские. Их доля в общей численности населения равнялась 35,2%, далее шли башкиры – 28,9%, третьей по численности группой населения были татары – 24,8%¹.

Важной особенностью социально-экономического развития Башкирии в советский период её истории выступала заметно выраженная неравномерность в размещении производительных сил по территории республики. Начиная с конца 1920-х гг., начала форсированной индустриализации и модернизации российского общества и Башкирии как его

части, основные объекты индустрии, прежде всего, тяжёлой, создавались в западных районах, имевших необходимые природные, а также культурно-исторические условия для развития индустрии [3, с. 232–254]. Основную массу населения данных территорий составляли русские и татары. В то же время восток республики, являвшийся местом компактного расселения титульного этноса – башкир, не обладал подобными условиями, ввиду чего развитие производительных сил здесь происходило гораздо медленнее, сами эти территории постепенно, но неуклонно превращались в депрессивные регионы.

В 1970-е – начале 1980-х гг. предпринимались попытки более равномерного размещения производительных сил по территории края и на этой основе ускорения процессов урбанизации на востоке, преодоления отставания от более развитых западных и северо-западных районов. Но развитие их экономического потенциала, как и экономики республики в целом, происходило на основе преимущественно экстенсивных факторов.

Так, если в целом по республике объём промышленной продукции в конце XI пятилетки (1981–1985 гг.) возрос по сравнению с периодом VIII пятилетки (1966–1970 гг.) на 137%, а производительность труда – на 95%, то в таких традиционных индустриальных центрах, как Уфа и Стерлитамак, соответственно, на 152% и 120%; 182% и 129%. При этом в малых и средних городах, расположенных главным образом на востоке, те же показатели выражались в следующих значениях: в Баймаке – 36% и 6%, Ишимбае – 63% и 20%, Кумертау – 143% и 16%, Мелеузе – 217% и 53%².

Следовательно, в изучаемые годы разрыв между отдельными регионами республики по одному из главных показателей экономического роста – интенсификации

¹ Народы Башкортостана в переписях населения: В 2 ч. Ч. 1. Уфа: Китап, 2016. С. 222.

² Народное хозяйство Башкирской АССР в годы одиннадцатой пятилетки (1981–1985 гг.). Уфа: Башкирское книжное издательство, 1986. С. 67, 69.

труда на основе внедрения достижений НТР – не только не сокращался, но даже увеличивался. Таким образом, развитие урбанизации в восточных районах Башкирии в условиях господства затратного, невосприимчивого к НТР экономического механизма, отсутствия возможностей широкого выражения общественного мнения в конечном итоге вела не к ликвидации, а увеличению неравномерности экономического и социокультурного развития отдельных регионов БАССР. Данная тенденция обуславливала рост социальной напряжённости, а также становилась причиной обострения противоречий в межнациональных отношениях.

Основной причиной этого выступали такие факторы, имманентно присущие советской модели, как монополизация всех рычагов власти и управления в руках одного слоя (партийно-государственной номенклатуры), наличие командно-директивной экономики, чётко выраженный технократический подход при планировании и размещении производительных сил, забвение интересов отдельно взятого человека. Все указанные обстоятельства имели своим прямым и неизбежным последствием усиление неравенства у представителей различных групп населения в возможностях полноценной социализации личности, а значит, и участия на наиболее ответственных участках системы общественного производства, реализации посредством этого своего личного творческого потенциала, следовательно, и занятия наиболее приоритетных позиций в сложившейся системе социальных координат. В наибольшей мере всё сказанное относилось к представителям титульного этноса республики – башкирам.

Как показывают данные статистики, в 1963 г. доля башкир, работающих в промышленности, была в 1,8 раза ниже, чем у татар, а в конце 1980-х гг. этот показатель в 3 раза уступал аналогичному показателю у русских и был в 1,5 раза меньше, чем у татар. Подобная же картина наблюдалась в других индустриальных

отраслях экономики. Но при этом доля башкир, занятых в сельском хозяйстве в 1987 г. была равна 36,5%, русских – 26,3%, татар – 23,4%, среди занятых в лесном хозяйстве – 33,3%, 28,2% и 24,8% соответственно, [9, с. 100–101].

Все отмеченные обстоятельства делали неизбежным и необходимым упразднение советской модели развития, к рубежу 1980–1990-х гг. уже в полной мере исчерпавшей свой позитивный, созидательный потенциал и превратившейся в тормоз на пути прогресса страны.

Её упразднение и становление новой модели на рубеже 1980–1990-х гг. можно рассматривать как очередной этап в развитии российского общества, а также в процессе формирования российской гражданской идентичности.

Наиболее сущностные признаки новой плюралистической модели развития сформировались в течение десятилетия 1990-х гг. Главным достижением этого периода следует считать ликвидацию монополии одной политической силы, в конечном итоге одного социально-профессионального слоя, на функцию управления во всех сферах жизни общества, в первую очередь, в экономике, что предоставляло ему исключительные возможности определять основные параметры развития общества, а также возможности проявления социальной активности людей, утверждение реального плюрализма во всех сферах жизни. Тем не менее процесс становления новой модели нельзя считать завершённым полностью.

На исходе первой четверти XXI в. задачей первостепенной важности становится наиболее полное раскрытие позитивного значения тех факторов развития, которые на протяжении всей многовековой истории России определяли её как самостоятельный геополитический и социокультурный феномен и которые обуславливались её евразийской природой. Прежде всего, это роль государства как несущей конструкции всей общественной системы, социальная справедли-

вость, понимаемая как высокая степень равенства в возможностях получения материальных и духовных благ для представителей всех групп населения, утверждение принципов взаимодействия различных этносов, а также этносов и государства, позволяющих реализовывать творческий потенциал каждого из них, при сохранении своей культурно-цивилизационной уникальности.

Заключение

Итак, впервые в современной отечественной историографии сделана попытка рассмотреть возникновение и развитие феномена российской гражданской идентичности как длительного, многоэтапного и многоуровневого процесса, в котором принимали участие все народы и все этносы, в различные периоды истории проживавшие на территории нашей страны. При этом важнейшим фактором, сделавшим возможным подобного рода взаимодействия и взаимопроникновения различных культур, явилась способность государствообразующего этноса – русского, в т. ч. его элит, предоставлять возможность народам, в различные периоды истории интегрируемым в состав русского социума, сохранять важнейшие черты самостоятельной этнокультурной общности.

Начало процесса формирования российской гражданской идентичности следует отнести ещё к догосударственному периоду истории восточных славян, когда на занимаемые ими земли началось проникновение кочевых племён из Азии, что, в конечном итоге, привело к становлению на данной территории особого типа сознания и особого типа культуры – евразийства, главной отличительной чертой которых выступала способность земледельца понимать кочевника, а кочевника земледельца. В дальнейшем расширение границ Древнерусского государства, в решающей степени обусловленное необходимостью обеспечения собственной безопасности, вынуждало славянские

элиты как представителей державного этноса вырабатывать принципы взаимодействия с народами, проживавшими на вновь присоединённых территориях, способных не только не противопоставлять народы друг другу, но и заинтересовывать их в проживании в границах одного государства. Важнейшим условием здесь выступало создание условий, дающих возможность различным этносам сохранять свою идентичность.

Последовательное развитие указанных процессов привело к тому, что постепенно в сознании и поведении большинства населения страны национально-специфические черты начали заменяться общегражданскими, в первую очередь, пониманием принадлежности к общему Отечеству, к единой истории, гордости за свою державу, достигнутые свершения и т. д. В условиях индустриальной стадии цивилизационной зрелости – советского периода российской истории – активно шёл процесс становления новой общности, названной, в соответствии с господствовавшей в стране идеологией, «советский народ – новая историческая общность». Однако такие имманентные признаки советской системы, как отсутствие механизма обратной связи между властью и обществом, пренебрежение интересами отдельно взятой личности и некоторые другие не только затормозили процессы сближения народов, слияния их в единую мезообщность, но, более того, привели к проявлению агрессивного национализма и сепаратизма, ставших одной из главных причин развала единой страны – СССР.

Мы рассмотрели целый ряд фундаментальных причин, приведших к распаду единого государства, а также определили важнейшие принципы, на которых должна зиждиться новая модель развития российского общества. Прежде всего, это реальная демократия, реальный политический и идеологический плюрализм как главные составляющие механизма обратной связи между

властью и обществом. В свою очередь, действие данного механизма сможет обеспечить в достаточной мере свободное и гармоничное взаимодействие народов и их культур, их дальнейшую и всё более

глубокую интеграцию, формирование на этой основе принципиально нового социокультурного феномена – российской гражданской идентичности.

Дата поступления в редакцию 02.04.2024

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алексеев В. В. Россия в модернизирующемся мире // История России: теоретические проблемы. Вып. 2: Модернизационный подход в изучении российской истории / отв. ред. А. С. Сенинский. М.: 2013. С. 64–82.
2. Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 2003. 640 с.
3. Бердяев Н. А. Евразийцы // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология / ред.-сост. Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. М.: Наука, 1993. С. 292–300.
4. Бокарёв Ю. П. Теория модернизации и экономические реформы в России // История России: теоретические проблемы. Вып. 2: Модернизационный подход в изучении российской истории / отв. ред. А. С. Сенинский. М.: Институт российской истории РАН, 2013. С. 83–120.
5. Гумилёв Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Астрель, 2012. 839 с.
6. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германскому. М.: РОССПЭН, 2010. 664 с.
7. Дегтярев А. Я. Исследование фундаментальных причин распада СССР – актуальная задача нашей науки // Российская история. 2021. № 6. С. 36–39.
8. Дружинин А. Г. Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ. Ростов-на-Дону; Таганрог: Южный федеральный университет, 2021. 270 с.
9. Зайнетдинов Ш. Р. Социальная структура Башкирской АССР (60–80-е годы). М.: Наука, 1990. 128 с.
10. Зелетдинова Э. А. Патриотизм в структуре гражданской идентичности современной России. Астрахань: Астраханский государственный технический университет, 2020. 115 с.
11. Касенова Н. Н., Кергилова Н. В. Формирование гражданской идентичности у детей иностранных граждан в российских условиях // Актуальные проблемы воспитания культуры межнационального общения в современном образовательном пространстве: материалы конференции / ред.: Н. Н. Касенова, Р. А. Орлова. Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2022. С. 34–43.
12. Кожанов И. В. Формирование гражданской идентичности личности в процессе этнокультурной социализации в системе непрерывного образования. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет, 2020. 238 с.
13. Махинин А. Н. Российская идентичность сегодня: проблемы и ресурсы формирования (социально-педагогический контекст). Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2022. 187 с.
14. Миронов Б. Н. От коренизации к суверенизации: как готовилась дезинтеграция СССР // Российская история. 2021. № 6. С. 3–24.
15. Савицкий П. Н. Евразийство // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология / ред.-сост. Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. М.: Наука, 1993. С. 100–113.
16. Сенинский А. С. Модернизационные концепции и их потенциал в изучении российской истории // История России: теоретические проблемы. Вып. 2: Модернизационный подход в изучении российской истории / отв. ред. А. С. Сенинский. М.: Институт российской истории РАН, 2013. С. 7–63.
17. Суни Р. Г. Национальный вопрос и распад Советского Союза // Российская история. 2021. № 6. С. 40–42.
18. Трубецкой Н. С. Общевразийский национализм // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология / ред.-сост. Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. М.: Наука, 1993. С. 90–99.
19. Харитонов С. А. Этнокультурная идентичность в современном социально-культурном пространстве // Деятельность учреждений культуры в современных условиях: проблемы и пути

решения: материалы конференции / отв. ред. И. С. Цыремпилова, С. П. Татарова. Улан-Удэ: Восточно-Сибирский институт культуры, 2021. С. 43–50.

REFERENCES

1. Alekseev V. V. [Russia in the modernizing world]. In: Senyavsky A. S., ed. *Istoriya Rossii: fundamental'nyye problemy. Vyp. 2: Modernizatsionnyy podkhod v izuchenii rossiyskoy istorii* [History of Russia: theoretical problems. Vol. 2: Modernization approach to the study of Russian history]. Moscow: 2013, pp. 64–82.
2. Alekseev N. N. *Russkiy narod i gosudarstvo* [Russian people and state]. Moscow, Agraf Publ., 2003. 640 p.
3. Berdyaev N. A. [Eurasians]. In: Novikova L. I., Sizemskaya I. N., eds. *Rossiya mezhdru Yevropoy i Aziyey: Yevraziyskiy soblazn. Antologiya* [Russia between Europe and Asia: Eurasian temptation. Anthology]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 292–300.
4. Bokarev Yu. P. [The theory of modernization and economic reforms in Russia]. In: Senyavsky A. S., ed. *Istoriya Rossii: teoreticheskiye problemy. Vyp. 2: Modernizatsionnyy podkhod v izuchenii rossiyskoy istorii* [History of Russia: theoretical problems. Iss. 2: Modernization approach to the study of Russian history]. Moscow, Institut rossiyskoy istorii RAN Publ., 2013, pp. 83–120.
5. Gumilev L. N. *Drevnyaya Rus i Velikaya step* [Ancient Rus and the Great Steppe]. Moscow, Astrel Publ., 2012. 839 p.
6. Danilevsky N. Ya. *Rossiya i Yevropa. Vzglyad na kulturnyye i politicheskiye otnosheniya Slavyanskogo mira k germanskomu* [Russia and Europe. A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the Germanic one]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 664 p.
7. Degtyaryov A. Ya. [Investigation of the fundamental causes of the collapse of the USSR is an urgent task of our science]. In: *Rossiyskaya istoriya* [Russian history], 2021, no. 6, pp. 36–39.
8. Druzhinin A. G. *Idei klassicheskogo yevraziystva i sovremennosti: obshchestvenno-geograficheskii analiz* [Ideas of classical Eurasianism and modernity: socio-geographical analysis]. Rostov-on-Don, Taganrog, Yuzhnyy federalnyy universitet Publ., 2021. 270 p.
9. Zainetdinov Sh. R. *Sotsialnaya struktura Bashkirskoy ASSR (60–80-ye gody)* [Social structure of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic (60–80s)]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 128 p.
10. Zeletdinova E. A. *Patriotizm v sovremennoy grazhdanskoy identichnosti sovremennoy Rossii* [Patriotism in the structure of civil identity of modern Russia]. Astrakhan, Astrakhanskiy gosudarstvennyy tekhnicheskii universitet Publ., 2020. 115 p.
11. Kasenova N. N., Kergilova N. V. [Formation of civil identity among children of foreign citizens in Russian conditions]. In: Kasenova N. N., Orlova R. A., eds. *Aktualnyye problemy vospitaniya kultury mezhnatsionalnogo obshcheniya v sovremennoy obrazovatel'noy prostranstve* [Current problems of raising the culture of interethnic communication in the modern educational space]. Novosibirsk, Novosibirskiy gosudarstvennyy pedagogicheskii universitet Publ., 2022, pp. 34–43.
12. Kozhanov I. V. *Formirovaniye grazhdanskoy identichnosti lichnosti v protsesse etnokulturnoy sotsializatsii v sisteme nepreryvnogo obrazovaniya* [Formation of a person's civil identity in the process of ethnocultural socialization in the system of continuous education]. Cheboksary, Chuvashskiy gosudarstvennyy pedagogicheskii universitet Publ., 2020. 238 p.
13. Makhinin A. N. *Rossiyskaya identichnost segodnya: problemy i formirovaniye resursov (sotsialno-pedagogicheskii kontekst)* [Russian identity today: problems and resources of formation (social and pedagogical context)]. Voronezh, Voronezhskiy gosudarstvennyy pedagogicheskii universitet Publ., 2022. 187 p.
14. Mironov B. N. [From korenizatsiia to sovereignty: How the disintegration of the USSR has been preparing]. In: *Rossiyskaya istoriya* [Russian history], 2021, no. 6, pp. 3–24.
15. Savitsky P. N. [Eurasianism]. In: Novikova L. I., Sizemskaya I. N., eds. *Rossiya mezhdru Yevropoy i Aziyey: Yevraziyskiy soblazn. Antologiya* [Russia between Europe and Asia: Eurasian temptation. Anthology]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 100–113.
16. Senyavsky A. S. [Modernization concepts and their potential in the study of Russian history]. In: Senyavsky A. S., ed. *Istoriya Rossii: teoreticheskiye problemy. Vyp. 2: Modernizatsionnyy podkhod v izuchenii rossiyskoy istorii* [History of Russia: theoretical problems. Iss. 2: Modernization approach to the study of Russian history]. Moscow, Institut rossiyskoy istorii RAN Publ., 2013, pp. 7–63.

17. Suny R. G. [The national question and the disintegration of the Soviet Union]. In: *Rossiyskaya istoriya* [Russian history], 2021, no. 6, pp. 40–42.
18. Trubetskoy N. S. [Pan-Eurasian nationalism]. In: Novikova L. I., Sizemskaya I. N., eds. *Rossiya mezhdu Yevropoy i Aziyey: Yevraziyskiy soblazn. Antologiya* [Russia between Europe and Asia: Eurasian temptation. Anthology]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 90–99.
19. Kharitonova S. A. [Ethno-cultural identity in the modern socio-cultural space]. In: Tsyrempilova I. S., Tatarova S. P., eds. *Kulturnyye uchrezhdeniya v sovremennykh usloviyakh: problemy i puti resheniya* [Activities of cultural institutions in modern conditions: problems and solutions]. Ulan-Ude, Vostochno-Sibirskiy institut kultury Publ., 2021, pp. 43–50.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Зайнетдинов Шамиль Рашитович – доктор исторических наук, старший научный сотрудник, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Башкирского государственного педагогического университета имени М. Акмуллы;
e-mail: ShamilZainetdin@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Shamil R. Zainetdinov – Dr. Sci. (History), Senior Researcher, Prof., Department of National and General History, Bashkir State Pedagogical University n.a. M. Akmulla;
e-mail: ShamilZainetdin@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Зайнетдинов Ш. Р. Этапы формирования российской гражданской идентичности // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 3. С. 102–114.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-102-114

FOR CITATION

Zainetdinov S. R. Stages of formation of Russian civil identity. In: Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences, 2024, no. 3, pp. 102–114.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-102-114

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 902

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-115-126

ПРОИСХОЖДЕНИЕ И ДАТИРОВКА ДРЕВНЕЙШЕГО ЯДРА НАРТСКОГО ЭПОСА ПО ДАННЫМ ЛИНГВИСТИКИ И АРХЕОЛОГИИ

Николаева Н. А.¹, Сафронов А. В.²

¹Государственный университет просвещения

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

² Институт востоковедения Российской Академии наук

107031, ул. Рождественка, д. 12, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Статья посвящена происхождению, датировке первоначального ядра Нартского эпоса и новой трактовке эпоса как исторического источника в связи с возможной индоарийской и древнеевропейской атрибуцией культур раннего бронзового века в западной и центральной частях Северного Кавказа.

Процедура и методы. Комплексный анализ данных археологии и лингвистики.

Результаты. Предлагается гипотеза датировки первоначального ядра Нартского эпоса. По мнению авторов, эпические сказания, составившие впоследствии ядро сказаний о Нартах, были созданы в Центральной Европе в III тыс. до н. э. в условиях распада индоевропейской общности. Показано параллельное развитие двух версий Нартского эпоса на Северном Кавказе – адыгейской, восходящей к легендам, циркулировавшим в индоарийской среде, и осетинской, связанной с древнеевропейским эпосом.

Теоретическая и/или практическая значимость. Представлен комплексный подход, основанный на сопоставлении данных мифологии, языкознания и археологии для решения проблем, связанных с происхождением, датировкой нартских саг.

Ключевые слова: древнеевропейская общность, греко-арийско-фригийская общность, индоевропейские миграции, бронзовый век Северного Кавказа, Нартский эпос

THE ORIGIN AND DATING OF THE INITIAL CORE OF THE NART SAGAS ACCORDING TO LINGUISTICS AND ARCHEOLOGY

N. Nikolaeva¹, A. Safronov^{1,2}

¹Federal State University of Education

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

²Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

ul. Rozhdestvenka 12, Moscow 107031, Russian Federation

Abstract

Aim. The article is devoted to the origin, dating of the initial core of the Nart sagas and a new interpretation of the epos as a historical source in connection with possible Indo-Aryan and ancient

© CC BY Николаева Н. А., Сафронов А. В., 2024.

European attribution of the Early Bronze Age cultures in the western and central parts of the North Caucasus.

Methodology. Comprehensive analysis based on archaeological and linguistic data.

Results. The hypothesis of the dating for the initial core of the Nart sagas is proposed. According to the authors, the epic tales that later formed the core of the Nart sagas had been created in Central Europe in the 3rd millennium BC in the environment of dissolving Indo-European community. The article shows the parallel development of two versions of the Nart sagas in the North Caucasus – the Adyghe version, going back to the legends circulating in the Indo-Aryan environment, and the Ossetian version which is connected with the Old European epic.

Research implications. The integrated approach based on correlating data of mythology, linguistics and archeology for solving problems connected with the origin and dating of the Nart sagas.

Keywords: Ancient European community, Greco-Aryan-Phrygian community, migrations of Indo-Europeans, Bronze Age of the North Caucasus, the Nart sagas

Введение

Нартский эпос – духовное наследие разноразличных народов Кавказа – сохранился в устной форме до середины XIX в., когда сказания о богоравных героях-богатырях Нартах стали собирать и записывать [1, с. 22]. Публикация отдельных сказаний¹ и научный анализ эпоса были представлены общественности в 80-х гг. XIX в. [3; 4; 15].

Основоположники нартведения нашли яркие параллели сюжетам эпоса в скифо-сарматской мифологии, а также в мифологии ряда народов Западной Европы, что позволило обозначить примерные даты формирования Нартского эпоса скифо-сарматским и аланским периодами [2; 4; 15]. Однако сходство ряда характерных черт кавказского эпоса с европейскими сказаниями, восходящими к глубокой древности, осталось недооценённым и не получило развития, за исключением единственного замечания Ж. Дюмезиля, что эпос, возможно, восходит к глубокой древности, к праиндоевропейской эпохе² [9, с. 126].

В Нартском эпосе выделяется более древняя часть и поздние наслоения

различных эпох, поэтому одной даты для всего эпоса не существует. В данной статье мы затронем проблему датировки древнейшей части эпоса. Однако нет единого мнения, что считать древнейшими сказаниями эпоса. Например, сюжеты одного цикла, связанные с Сосланом-Созырыко, относят к разным эпохам: общеиндоевропейской, скифской и гото-аланской [1, с. 102, сн. 45; 7; 9; 18], тем самым подрывая идею о реальном существовании начального ядра эпоса. Древнейшей частью (или начальным ядром) Нартского эпоса исследователи считают сюжеты, находящие аналогии в письменных источниках скифо-сарматской эпохи [4]. Археологи датируют начальный этап сложения ещё раньше – временем кобанской культуры [4; 11; 12; 13], указывая, что ареал археологических культур, родственных кобанской, охватывает территории, где бытовали сказания Нартского эпоса (территория современной Абхазии, Северной и Южной Осетии).

Факт выявления европейских параллелей противоречит существующей точке зрения о «кавказской этнической почве» для возникновения сказаний о Нартах [1; 2; 4; 15]. Ж. Дюмезиль, хотя и набросал несколько схем, которые могли бы объяснить европейские параллели в Нартском эпосе, тем не менее заявил, что относительно природы подобных

¹ Алиева А. И. Адыгский нартский эпос. М.- Нальчик, 1969. 168 с.

² Следует подчеркнуть, что в последнее время исследователи возвращаются к мысли В. Ф. Миллера об индоиранской составляющей осетинской версии Нартского эпоса [12].

совпадений «мы не можем сделать правдоподобного заключения»¹ [9, с. 126]. В. И. Абаев², признавая правомерность европейских аналогий сюжетам Нартского эпоса, говорил о «кавказском субстрате» для осетинского этноса, и, таким образом, о кавказских корнях осетинской версии эпоса [2]. Одни специалисты считают, что внекавказское, «сармато-аланское происхождение не отрицает кавказского происхождения эпоса» [4, с. 3]. Другие рассматривают выявленные параллели заимствованиями аланами у населения Европы в период их пребывания там [1; 7; 18], что, на наш взгляд, фантастично, поскольку содержание заимствованных мотивов не отвечает характеристике эпохи Великого переселения народов.

Обращаясь к важному вопросу, считать ли Нартский эпос историческим источником [2; 3; 8; 12], исследователи ищут в его текстах отражение реальных исторических событий или деятелей³. Поиски пока не оправдывают ожиданий, тем более что «историчность» или «историзм» исследователи определяют по-разному, но никто из них не принимает во внимание свидетельства более

древней истории⁴, реконструируемой на основе данных лингвистики и археологии [17; 18].

Две линии развития Нартского эпоса

Уже в первых публикациях сказаний о Нартах исследователи увидели параллели мотивам иранскому/скифскому эпосу (плащ Сослана и «полотенце» у скифов из скальпов врагов; чаша, указывающая на героя; набитый соломой конь Сослана и похоронный обряд скифских вождей; меч Батраза и «кумир Ареса» (Hdt. IV 62, 64, 72))⁵, на параллели в древнеиранском эпосе «Шах-Наме» и в древнеиндийском эпосе «Махабхарата» [2, с. 56–69, 105–117; 8, с. 13–14, 64–71, 168 и сл.; 9, с. 70, 80, 98–99, 111–122; 12; 15]. В то же время уникальный сюжет о нетрадиционном рождении Батраза рассматривался как имеющий сходство с древнегреческим мифом о рождении Афины⁶. Сюжет об уязвимости колен Сослана, повлёкшей его смерть⁷, напоминает древнегреческий миф об Ахиллесовой пяте⁸. Однако индийские, иранские и древнегреческие аналогии сюжетам Нартского эпоса до сих пор не нашли непротиворечивого исторического толкования, основанного на данных смежных наук – лингвистики, археологии.

Наряду с аналогиями из скифской мифологии Ж. Дюмезиль показал, что сюжет о Сослане и Сырдоне⁹ в эпосе о

¹ Ж. Дюмезиль, предложивший убедительные аналогии Нартскому эпосу из мифологии древних германцев и кельтов, указывал, что «Нартский эпос – северокавказский, т. е. адыгский или осетинский, а некоторые образы вышли из сармато-аланского и *евро-иранского* и в конечном счёте осетинского фонда» [7; 9, с. 31–35; 18]. Его идея поддерживается и современными исследователями [7; 18]. Однако есть другие мнения о кельто-индоиранских изоглоссах как явлениях индоевропейского праязыкового состояния [20, с. 1149].

² Праиранские корни в осетинском языке [5; 6] свидетельствуют о более раннем, чем скифский, времени возможного первого вхождения иранских черт духовной и материальной культуры в т.н. «кавказский субстрат» осетинского этноса и языка, по Абаеву [1, с. 48, 52], а точнее в период восточных миграций индоевропейцев III тыс. Археологически праиранское состояние языка соответствует бытованию древнейшей культуры в Северном Причерноморье и Предкавказье во второй половине III тыс.

³ Такой подход известен из истории изучения русского былинного эпоса.

⁴ Существующее представление, что в эпосе отражаются ритуалы и структуры общества первобытности делает Нартский эпос скорее этнографическим источником, лишенным исторической основы. Действительно, так его и воспринимают некоторые исследователи, реконструируя быт и обычаи средневекового общества на Кавказе на основании эпоса. Подобный подход поддерживался, например, В. И. Абаевым [2].

⁵ Нарты. Осетинский героический эпос. В 3-х книгах. Книга 2. М.: Наука, 1989. С. 108–188.

⁶ Мифы народов мира. М.: 1990. Т. 2. 719 с.; Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: 1991. 736 с.

⁷ Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: 1991. С. 499.

⁸ Там же С. 78–79.

⁹ Там же. С. 499–509.

Нартах имеет параллели с мифом о Бальдре и Локи¹ скандинавских сказаний [9, с. 119–125], а цикл о Батразе² связан с кельтским эпосом о Кухулине и средневековыми легендами о короле Артуре³ [8, с. 95]. Эти сюжеты составляют вторую группу аналогий для Нартского эпоса, атрибуция которой определяется обобщённо как *древнеевропейская*⁴ [8; 9, с. 65; 16, с. 182, 207] и которая сосуществует с иранскими и индоарийскими аналогиями в эпосе на Северном Кавказе.

Общие мотивы в Нартском эпосе и русских сказках

Ценным дополнением к названным параллелям в мифологии народов Западной Европы является, по нашему мнению, такой источник, как русские волшебные сказки, представляющие собой следы несохранившегося героико-эпического источника восточных славян⁵. Из общих осетино-славянских мифологем можно упомянуть, например, сюжет о великане Мукаре как аналогии великану Святого-ру русских былин [9, с. 85–94].

Первый сюжет. В саду у Нартов росла яблоня, на которой созревало яблоко, дающее Нартам вечную молодость. В сад за яблоком повадилась летать птица с

золотым оперением. Два брата-близнеца Ахсар и Ахсартаг отправились сторожить сад и подстрелили птицу. По следу раненой птицы они доходят до моря, где живёт владыка вод Донбеттыр. Оказалось, что обличье птицы принимала его дочь. Один из братьев спускается в царство Донбеттыра и спасает умирающую девушку, отдав ей недостающие перья⁶. Сюжет о волшебной яблоне в саду Нартов и птице, похищающей «яблоки бессмертия», идентичен началу русской волшебной сказки о Жар-птице, похищающей молодильные яблоки из царского сада⁷.

Второй сюжет о превращениях в птицу дочери Донбеттыра по имени Дзерасса⁸ имеет хорошую аналогию в русской волшебной сказке о дочери морского царя, Василисе Премудрой, принимающей как обличье голубки, так и образ девы, помогающей герою преодолеть козни её отца, морского царя⁹. В «Нартском эпосе» эти 2 сюжета объединены в один.

Третий сюжет Нартского эпоса повествует о наказе Дзерассы своим сыновьям Урузмагу и Хамыцу сторожить её гробницу 3 дня, чтобы спасти её от мести обманутого ею небожителя Уастырджи. Хамыц ушёл на свадьбу, забыв об обещании. И тогда через какое-то время из гробницы Дзерассы услышали ржанье жеребёнка, тьяканье щенка и плач ребёнка. Так родились Сатана, которая стала Хозяйкой Нартов¹⁰, волшебный конь и волшебный пёс.

Четвёртый сюжет связан с нартом Сосланом, который благодаря магии Сатаны настиг летающую башню, где находилась красавица из рода Ахсартагата,

¹ Мифы народов мира. М.: 1990. Т. 2. 719 с.; Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: 1991. С. 88–315.

² Нарты. Осетинский героический эпос. В 3-х книгах. Книга 2. М.: Наука, 1989. С. 201–301.

³ Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: 1991. С. 65.

⁴ Древнеевропейцы [1, с. 128, 129, сн.19–20] – это наименование для общности выделившихся с распадом праиндоевропейской общности (XXXV в. до н. э.) предков кельтов, германцев, иллирийцев, италиков, балтов, славян, существовавших в III тыс. и проживающих в бассейне рек Балтийского моря.

⁵ Как писал А. Н. Афанасьев, сохранивший для нас этот мир русской народной сказки: «Народные сказки древнейшей первичной формации сохранили в себе много указаний на седую старину доисторического периода, что они суть обломки древнейшего поэтического слова – эпоса, который был хранилищем его верований и подвигов» [Афанасьев А. Н. Русские народные сказки. В 3 т. М.: 1992. 1597 с.]

⁶ Нарты. Осетинский героический эпос. В 3-х книгах. Книга 2. М.: Наука, 1989. С. 12.

⁷ Афанасьев А. Н. Русские народные сказки. В 3 т. М.: 1992. С. 292–303.

⁸ Там же.

⁹ Афанасьев А. Н. Русские народные сказки. В 3 т. М.: 1992. С. 112–120.

¹⁰ Нарты. Осетинский героический эпос. В 3-х книгах. Книга 2. М.: Наука, 1989. С. 19.

выполнил брачное условие, поставленное ею, и женился на ней¹.

Третий и четвёртый сюжет объединены в русской сказке «Сивка-бурка»². В ней старик-отец поручает своим 3 сыновьям сторожить 3 дня его могилу. Только Иван, третий сын, выполняет наказ отца и получает в награду волшебного коня Сивку-бурку, на котором смог допрыгнуть до высокой башни и получить в жёны царевну из этой башни.

Очевидно, что эти два, 3-й и 4-й, нартских сюжета и сказку сближают схожие мотивы о трёхдневной охране могилы, о задаче для брачных претендентов в виде недостижимой башни, использование волшебства для выполнения задачи.

Пятый сюжет связан с женитьбой другого нарта, Хамыца, на одной из дочерей Донбеттыра, как и Дзерассе, морской богине, согласно одному варианту, или женщине из племени карликов, вынужденной скрываться в лягушачьей коже (другой вариант). Нарушение брачного условия (насмешки Сырдона) вынуждают её покинуть мужа³. Затем следует продолжение, образующее шестой сюжет.

В русской волшебной сказке «Царевна-лягушка»⁴ идея та же: царевна покидает своего мужа после того, как он съёл её лягушачью кожу (повод – нарушение условия брака).

Аналогичные условия при заключении брака между простым смертным и богинями можно увидеть в древнеиндийском мифе о браке небожительницы апсары Урваши с земным царём Пуруравасом (Ригведа X 95).

Шестой сюжет – это развитие предыдущего. Жена Хамыца, морская богиня, перед своим исчезновением переносит зародыш Батраза на спину Хамыца.

Через 9 месяцев рождается Батраз при помощи Сатаны⁵. Этот мотив нетрадиционного рождения фиксируется в древнегреческом⁶ мифе о рождении Афины Зевсом⁷.

Седьмой сюжет Нартского эпоса о волшебном войске, которое выходит или из чёрной скалы, или из морских глубин [9, с. 236–238], находит аналогию в Сказке о царе Салтане А. С. Пушкина, написанной со слов его няни-крестьянки. По сюжету волшебное воинство, охраняющее пределы земли князя Гвидона, «из вод чредой выходят ясных, и с ними дядька их Морской».

Приведённые параллели усиливают древнеевропейскую линию в развитии Нартского эпоса на Кавказе.

О сосуществовании древнеевропейского и индоарийского начал в формировании Нартского эпоса на Кавказе можно судить и по преданию о рождении Сослана из камня. Нарт Сослан является одновременно и двойником древнегерманского Бальдра, и двойником индоарийского Митры⁸, причём это соединение двух эпических персонажей в образе Сослана не является органичным, а, скорее, механическим слиянием двух мифологем из разных источников⁹. Это «чудесное рождение» повторяется как в адыгской, так и в осетинской версиях.

⁵ Нарты. Осетинский героический эпос. В 3-х книгах. Книга 2. М.: Наука, 1989. С. 227.

⁶ Параллели из древнегреческой мифологии наряду с индоиранскими объяснимы, поскольку греки, как и индоиранцы, выделились из греко-арийско-фригийской общности, образовавшейся в 30–28 вв. до н. э. в Подунавье, а встречаемость с древнеевропейскими аналогиями объясняются ареальными контактами двух общностей как в Европе, так и на Кавказе.

⁷ Мифы народов мира. М.: 1990. Т. 2. С. 75.

⁸ Ср. одинаковый сюжет о рождении Сослана и Митры [Мифы народов мира. М.: 1990. Т. 2. 719 с.; Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: 1991. 736 с.].

⁹ Мифы народов мира. М.: 1990. Т. 2. С. 154; Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. М.: 1991. С. 499; Нарты. Осетинский героический эпос. В 3-х книгах. Книга 2. М.: Наука, 1989. 492 с.

¹ Там же. С. 96–100.

² Афанасьев А. Н. Русские народные сказки. В 3 т. М.: 1992. С. 5–9.

³ Там же. С. 226.

⁴ Афанасьев А. Н. Русские народные сказки. В 3 т. М.: 1992. С. 201–205.

Сочетание древнеевропейских и иранских мифологем в Нартском эпосе может указывать на 2 синхронные линии сложения начального ядра Нартского эпоса¹, которые можно объяснить, датировать и локализовать, если обратиться к концепции о последней индоевропейской прародине в Центральной Европе [17, с. 93–105].

Индоевропейская атрибуция культур ранне- и среднебронзового века Северного Кавказа

На основании концепции В. А. Сафронова о локализации последней ИЕ прародины на Северных Балканах и в Подунавье (её археологические эквиваленты – культура воронковидных кубков² и культура Лендьел) [17, с. 93 сл.] была обоснована гипотеза о миграции древнеевропейцев на Кавказ [16, с. 207–213]. На Северном Кавказе ИЕ мигранты представлены двумя археологическими эквивалентами: с XXII в. до н. э. – культурой дольменов Новосвободной в Адыгее [16, с. 226–255; 17, с. 205 и сл.] и кубано-терской культурой на территории предгорной Кабардино-Балкарии и Северной Осетии [16]. Их древнеевропейская атрибуция установлена по 20 общим признакам с древнеевропейскими культурами Центральной Европы – КВК, КША и КШК [16, с. 182].

С распадом общности праиндоевропейцев на её месте сложилась новая общность – греко-арийско-фригийская

в Подунавье. Позднее по южнорусским степям на Кавказ ушли индоиранцы, а вслед за ними – древнеевропейцы. В ходе миграции (с запада на восток) пастухи-индоиранцы разделились на праиранцев и индоариев [10; 19] что фиксируется появлением их археологических эквивалентов в Северном Причерноморье (к востоку от Днепра) и в Предкавказье в виде древнеямной культуры (праиранцы) [17, с. 190 сл.] и кубано-днепровской культуры с повозками (индоарии) [17, с. 205–217], которые до XX в. до н. э. граничили и сосуществовали с культурой дольменов Новосвободной [16, с. 182; 17, с. 217 сл.]. Атрибуцию и траекторию движения в III тыс. от Венгрии и Болгарии до Прикубанья определяет индоарийская топонимика [10; 19].

Начало миграции индоиранцев и древнеевропейцев в Восточную Европу и Северный Кавказ определяется второй половиной III тыс. до н. э. [16]. Такой вывод основывается на данных археологии энеолита Европы [17, с. 192–202, с. 217 сл.; 22]. В Центральной Европе *только один период* (первая половина III тыс. до н. э.) характеризуется тесными контактами греко-индоиранской (болераз-баденской) общности с древнеевропейцами (культурно-историческая общность: КША+КВК+КШК) [16; 17, с. 182 сл., 192 сл., с. 179 сл.; 22]. В этот период в Подунавье происходит переход к пастушеству [21], который ознаменовал начало далёких миграций индоевропейцев на восток. Вторая половина III тыс. – это начальный период контактов разных групп индоевропейцев [17; 22], вызвавших смешение древнеевропейских, индоарийских и праиранских³ мифологем в Нартском эпосе и определяющих дату сложения начального ядра эпоса.

¹ В. И. Абаев говорит о 2 или даже о 3 центрах сложения эпоса на Кавказе, но не приводит доказательств, кроме отличий версий эпоса между собой [1; 2].

² КВК – культура воронковидных кубков; КША – культура шаровидных амфор; КШК – культура шнуровых керамик. Древнеевропейские КША и КШК выделились из праиндоевропейской (ПИЕ) КВК и сосуществовали в период 28–22 вв. до н. э. на территории Германии и Польши [2]. Затем последовала их миграция в Восточную Европу и на Кавказ, где они известны как культура дольменов Новосвободной и кубано-терская культура (далее КТК) [16, с. 207–213].

³ Скифские мифологемы, рассматриваемые как аналогии нартским [Hrdt IV, 64, 65, 72] неправомерно датировать скифской эпохой, поскольку для скифов их возникновение – тоже глубокая мифологическая древность.

Адыгскую¹ версию Нартского эпоса в начальной фазе формирования эпоса правомерно связывать с индоариями [3; 16, с. 213–218; 17, с. 205–217], поскольку присутствие индоариев устанавливается на Северо-Западном Кавказе (на территории современной Адыгеи) с середины III тыс. и этим можно объяснить индоевропейские мотивы в адыгском Нартском эпосе.

Правомерно предположить, что Нартский эпос в своей древнейшей части (включив в себя фрагменты древнегерманского эпоса «Эдда», элементы и сюжеты кельтской мифологии, мотивы русских волшебных сказок, а также индоарийские сюжеты о Сослане, рождённом из камня, индоарийские и древнегреческие о нетрадиционном рождении Батраза и ирано-скифские – о шубе Сослана), уходит корнями к мифологическим сказаниям индоевропейских народов, существовавшим в Центральной Европе уже к началу – середине III тыс. до н. э., послужившим основой и для древнегреческого, и кельтского, и древнегерманского, и славяно-русского героического эпосов.

Индоевропеизмы в картвельских языках

Древнеевропейские, индоарийские и иранские изоглоссы [20] в картвельских языках подтверждают факт миграций населения Центральной Европы на Северный Кавказ [11; 16], что было установлено ранее археологически в форме ареальных контактов на Северном Кавказе древнеевропейских по атрибуции новосвободненской [16] и кубано-терской [16] культур с закавказской куро-

аракской культурой, имеющей картвельскую языковую атрибуцию [16, с. 38, 57; 17, с. 258–266]. Эти контакты отразились в нартских мотивах в мифологии картвельязычных племён Закавказья [4].

В работе Г. А. Климова выделены 3 уровня заимствований из индоевропейских языков. «Рассматриваются 15 параллелизмов, претендующих на общекартвельский характер [11, с. 40–84, 243], т. е. датированных III тыс. до н. э.; 40 параллелизмов грузинско-занского хронологического уровня [11, с. 84–164, 243–244], т. е. от XX в. до конца XIII в. до н. э.; 40 параллелизмов более позднего, но всё ещё «доисторического» уровня, т. е. до появления армян, греков, персов» [11, с. 164–205]. Проведённое исследователем сравнение реконструированных картвельских архетипов с праиндоевропейским или с индоевропейским диалектным архетипом, позволяет считать, что наиболее контактными с картвельским были, с одной стороны, языки «древнеевропейского» ареала (балтийские, славянские, германские, итальянские, кельтские), а с другой – греческие, индоиранские и индоарийские языки, которые также имели ареальные контакты в определённый период времени с «древнеевропейскими» в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе (XXV–XX вв. до н. э.) [16, с. 217, 219; 17, с. 258 сл.].

Анализ грузинско-занского фонда индоевропеизмов показывает, что 12 из 40 лексем (33%) имеют продолжение (лексические континуанты, по Г. А. Климову) только в языках «древнеевропейского» ареала, по Г. Крае [1, с. 127–128].

Эти лингвистические данные позволяют подтвердить появление древнеевропейцев на Северном Кавказе не позднее конца III тыс. до н. э., а следовательно, и датировку этим временем появления начального ядра Нартского эпоса на Кавказе. Предположительно соответствующая носителям ИЕ языков «древнеевропейского» ареала (кельто-италийских, германских и балто-славянских диалектов)

¹ В I тыс. до н. э. индоарии на территории Прикубанья известны под именем «меоты», а также как синды и дандарии. Адыги, занимая позднее территорию меотов в Прикубанье, включили в свой состав проживавших там меотов [4]. Индоарийская атрибуция [19] меотов определяет индоарийские корни древнейшей части Нартского эпоса адыгов, отчасти потомков меотов. О происхождении адыгов от меотов пишут и нартovedы, и кавказоведы [4].

культурно-историческая общность КВК, КША и КШК сохранялась в Европе также до конца III тыс. до н. э. [17, с. 133 сл.; 22].

Картвело-индоарийские связи

Однако индоевропеизмы в картвельских языках имеют своим источником не только древнеевропейские языки, но и индоиранский, индоарийский, раннеперианский [11].

Лексический фонд индоевропеизмов пракартвельского уровня насчитывает 14 лексем [11]. «В двух случаях можно усмотреть определённую близость картвельских форм, тяготеющих к индоарийскому источнику». Речь идёт о глагольной основе **lag-* – «сажать, прикреплять»; **usx-* – «бык жертвенный, подросший бычок»; «ярмо, иго». Грузинско-занская «упряжка быков» имеет параллели в др.-инд. «пара» [11, с. 40–48]. Лексический фонд индоевропеизмов грузинско-занского уровня II тыс. до н. э. насчитывает 40 единиц, из которых 5 относятся к заимствованиям из *индоарийского*, и это при том, что Г. А. Климов подчёркивает, что «в большинстве случаев конкретный источник фигурирующего материала неопределим» [11, с. 92]. К этим 6 индоевропеизмам/индоиранизмам относятся: **band-* – «сплести, связывать», **gwal-* – «стоять (о жаре)», **guda-* – «бурдюк, сума»; **sxal-* – «срываться с места», **prut-* – «фыркать (о лошади)», **ter-* – «греться, быть тёплым». [11, с. 93, 95, 105, 135, 139, 144]. Лексема **uers-* («мужчина, самец, баран») также тяготеет к индоиранскому.

Интересно и то, что слова «ярмо», «жертвенный бык» заимствованы из индоарийского в финно-угорские языки (волж.-перм.) и в тохарский В, а слово «пыль» встречен в грузинско-занском и тохарском А и В, что свидетельствует о древности картвело-индоевропейских контактов, об индоариях как посредниках между тохарами и картвелами и не большом промежутке времени между древнейшими арио-уральскими контак-

тами и картвело-арийскими контактами, поскольку во всех заимствованиях наблюдается полное типологическое сходство. Что касается характера заимствований, то все они касаются скотоводческой терминологии, возможного использования парной запряжки быков в качестве тягловой силы или для распашки земли. Иранизмы типа «стоять (о жаре, засухе)», возможно, приоткрывают завесу над причиной миграции индоариев.

В целом анализ данных Г. А. Климова показывает, что почти половина индоевропеизмов в картвельских языках появилась за счёт контактов картвелов с древнеевропейцами на Северном Кавказе, что подтверждается контактами куро-аракской культуры с кубано-терской культурой в раскопанном Н. А. Николаевой и В. А. Сафроновым могильнике Дзуарикау в Северной Осетии [16, с. 439–489] и нартскими мифологемами в фольклоре сванов и других этносов Закавказья, основной территории куро-аракской культуры [4].

Индоевропеизмы в картвельских языках являются доказательством присутствия на Кавказе разных групп индоевропейцев, в т. ч. индоариев и праиранцев в конце III–II тыс., носителей сохранившихся до нашего времени сказаний о Нартах. Языковый ИЕ источник и степень заимствования в картвельские языки из индоевропейского указывают на дезинтегрированное состояние ИЕ мигрантов, достигших Северного Кавказа, что обусловило развитие нескольких версий Нартского эпоса.

Древнеевропеизмы в осетинском языке

Древнеевропеизмы в осетинском языке (установленные и названные В. И. Абатовым «скифо-европейскими изоглоссами») [1] являются столь же важным, как и индоевропеизмы в картвельских языках, доказательством присутствия на Северном Кавказе «древнеевропейцев», среди которых были и предки славян.

В. И. Абаев подчёркивает обособленное положение осетинского языка в иранской группе индоевропейских языков и считает, что осетинский язык противопоставит всем индоиранским языкам и, по ряду признаков лексических, фонетических, грамматических, порывает с другими иранскими языками и смыкается с европейскими языками – германскими, балтскими, италийскими, кельтскими, славянскими. Это выражается более чем в 40 лексических, 3 фонетических и 2 грамматических изоглоссах [1, с. 3–4]. Эти лингвистические факты, как и археологические, свидетельствуют об уникальном вкладе в культуру и этнос осетин «древнеевропейского» населения, отсутствующего в составе других ираноязычных этносов, что определяет дату древнейшего ядра эпоса от конца III тыс., когда уже распалась индоиранская общность и до XIII в. до н. э., когда распалась и праиранская общность [17].

Объяснить эту ситуацию можно только гипотезой о присутствии в составе осетин индоевропейского субстрата, но более древнего, чем иранцы (скифы, сарматы, аланы) I тыс. до н. э. на Северном Кавказе¹. Если устанавливается древнеевропейская этимология 40 слов осетинского словаря, то следует сделать вывод, что они принадлежат группе неираноязычного населения, попавшего на Кавказ в результате миграции из Древней Европы и дожившего до появления в начале I тыс. н. э. алан, предков осетин, пришедших на Кавказ из Средней Азии. Допускать про-

никновение в аланский и потом в осетинский языки каких-то заимствований из всех индоевропейских языков Европы в аланскую и даже скифо-сарматскую эпоху, как это делает В. И. Абаев², нет оснований, поскольку нет причин заимствовать такую лексику, тем более так поздно, как в аланскую эпоху. Сам факт существования осетино-европейских параллелей и отсутствие этих сходжений в других иранских языках говорит о европейской составляющей в осетинском языке, которая либо исчезла в других иранских языках (в отсутствии питательной среды в течение длительного отрезка времени), либо никогда и не существовала в них. Речь идёт о «некавказском» субстрате в осетинском языке, отсутствующем в других иранских языках, а следовательно, и о носителях этого субстрата как хранителях Нартского эпоса.

По мнению В. И. Абаева, «особенно многочисленны и значительны изоглоссы, связывающие осетинский со славянскими языками. Здесь мы имеем не только лексические, но и некоторые важные грамматические связи, что указывает на особую длительность и интимность контактов» [1, с. 4]. По нашему мнению, это хорошо соответствует значительному числу мифологем, схожих с сюжетами и персонажами русских волшебных сказок.

Заключение

Присутствие древнеевропейских и индоарийских мифологем в Нартском эпосе, соответствуя данным археологии о миграциях индоевропейцев из Центральной Европы на Кавказ в III–II тыс. до н. э., а также данным сравнительно-исторического индоевропейского языкознания и

¹ Нуждается в корректировке точка зрения исследователей, что создателями Нартского эпоса являются ираноязычные осетины, от которых эпос был воспринят соседним населением, говорившим на северокавказских языках. Осетин как этнической единицы не было в то время, когда создавались сюжеты, общие для древнегерманской, кельтской, праславянской, балтской мифологий, поэтому осетины не могут быть творцами *всего* эпоса. Создателями и хранителями древнейшего ядра эпоса стали древнеевропейцы и индоарии [5; 6; 14] задолго до появления осетин как этноса, но их *потомки вошли в состав осетинского народа, смешавшись с иранцами сармато-аланской эпохи.*

² «Скифская группа языков, к которой принадлежит осетинский, была от глубокой древности далеко продвинута в Европу и много веков соседствовала с европейскими, особенно с восточноевропейскими языками, в то время как остальные индоиранские языки уже давно переместились на восток и юг и утратили всякий контакт с Европой» [1, с. 4].

ареальной картвелистики, делает правомерным вывод, что начальное ядро эпоса о Нартах зародилось и сложилось в процессе распада праиндоевропейской общности уже в виде 2 версий эпоса, ещё в области совместного обитания древнеевропейцев и индоиранцев в Центральной Европе в первой половине III тыс. до н. э. Эпос сохранился на Западном и Центральном Северном Кавказе в облике адыгской и осетинской версий благодаря значительному числу осевших на Кавказе носителей начального ядра эпоса, т. е. индоевропейцев (древнеевропейцев и индоариев) в III тыс. до н. э.

Влияние мировоззрения и фольклора автохтонного населения, говорящего на языках северокавказской семьи, обу-

ловило черты отличия адыгской и осетинской версий Нартского эпоса друг от друга и сильнее проявлялось в окраинных версиях по мере удаления от центра Северного Кавказа, оставаясь менее заметным в осетинской версии Нартского эпоса.

Нартский эпос мы считаем историческим источником при условии, что «историзм» начального ядра Нартского эпоса в контексте статьи понимается как соответствие историческому событию – миграции индоариев и древнеевропейцев из Центральной Европы на Кавказ с конца III – до середины II тыс. до н. э., реконструируемой по данным археологии и лингвистики.

Дата поступления в редакцию 06.05.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. М.: Наука, 1965. 165 с.
2. Абаев В. И. Нартовский эпос осетин // Абаев В. И. Избранные труды. Т. 1. Владикавказ: Ир, 1990. С. 142–242.
3. Абаева З. Е. Этюды по Нартовскому эпосу. Цхинвали: Ирыстон, 1978. 177 с.
4. Гаглойти Ю. С. Некоторые вопросы историографии Нартского эпоса. Цхинвали: Ирыстон, 1977. 205 с.
5. Дзиццойты Ю. А., Фалилеев А. И. Осет. *myg/muga* ‘сперма’ и некоторые вопросы общеиранской и индоевропейской реконструкции // Известия Российской академии наук: Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 5. С. 57–74.
6. Дзиццойты Ю. А. К истории лабиальных фонем в осетинском языке // Indo-European Linguistics and Classical Philology. 2023. Vol. 27. С. 354–367.
7. Дувакин Е. Н. Кельто-кавказские фольклорные параллели и возможные сценарии их происхождения // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2019. Т. 23. С. 295–307.
8. Дюмезиль Ж. Скифы и нарты / пер. с фр. А. З. Алмазовой. М.: Наука, 1990. 227 с.
9. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология / под ред. В. И. Абаева. Владикавказ: СОИГИСИ, 2001. 278 с.
10. Иваненко А. В. Этнонимия циркумпонтийского региона или несколько слов о гомеровской Киммерии // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2022. Т. 26. С. 465–504.
11. Климов Г. А. Древнейшие индоевропеизмы картвельских языков. М.: Наследие, 1994. 249 с.
12. Козаев П. К. Нартовский эпос как исторический источник // Проблемы хронологии археологических памятников Северного Кавказа / отв. Т. Б. Тургиев. Орджоникидзе: СОГУ, 1985. С. 55–87.
13. Кузнецов В. А. Нартский эпос и некоторые вопросы истории осетинского народа. Орджоникидзе: Ир, 1980. 136 с.
14. Лебедев А. В. Индоарийские имена в саге об Аргонавтах, ономастике Колхиды и надписях Северного Причерноморья // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2021. Т. 25 (1). С. 729–782.
15. Миллер В. Ф. Фольклор народов Северного Кавказа. Тексты и исследования. М.: Наука, 2008. 998 с.
16. Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока. М.: МГОУ, 2011. 556 с.

17. Сафронов В. А. Индоевропейские прародины. Горький: Волго-Вятское книжн. изд-во, 1989. 402 с.
18. Туаллагов А. А. Меч и фандыр. Владикавказ: Ир, 2021. 270 с.
19. Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1999. 319 с.
20. Фалилеев А. И. Celto-Iranica. I. К вопросу об изоглоссах и параллелях в морфологии // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2022. Т. 26. С. 1149–1164.
21. Dudziak A., Payunena M. Indo-European anthropological and cultural sources of the Ossetian heroic epic as an example of nomadism of ideas and values (problem statement) // Przegląd wschodnioeuropejski. 2019. Vol. 1. P. 289–304.
22. Szmyt M. Baden patterns in the Milieu of the Globular Amphorae // The Baden Complex and the Outside World / M. Furholt, M. Szmyt, A. Zastawny, eds. Bonn, 2008. P. 217–233.

REFERENCES

1. Abaev V. I. *Skifo-yevropeyskiye izoglossy* [Scythian-European isoglosses]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 165 p.
2. Abaev V. I. [Ossetian Nart epic]. In: Abaev V. I. *Izbrannyye trudy. T. 1* [Selected works. Vol. 1]. Vladikavkaz, Ir Publ., 1990, pp. 142–242.
3. Abaeva Z. E. *Etyudy po Nartovskomu epосу* [Sketches based on the Nart epic]. Tskhinvali, Iryston Publ., 1978. 177 p.
4. Gagloti Yu. S. *Nekotoryye voprosy istoriografii Nartskogo eposa* [Some questions of the historiography of the Nart epic]. Tskhinval, Iryston Publ., 1977. 205 p.
5. Dzitsoity Yu. A., Falileyev A. I. [Ossetian myg/mugæ 'sperm' and some aspects of Common Iranian and Indo-European reconstruction]. In: *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk: Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Series in literature and Language], 2022, vol. 81, no. 5, pp. 57–74.
6. Dzitsoity Yu. A. [On the history of labial phonemes in the Ossetian language]. In: *Indoyevropeyskoye yazykoznaniye i klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology], 2023, vol. 27, pp. 354–367.
7. Duvakin E. N. [Folklore parallels between Celtic and Caucasian traditions: the Eurasian context and possible scenarios of the origin]. In: *Indoyevropeyskoye yazykoznaniye i klassicheskaya filologiya* [Indo-European linguistics and classical philology], 2019, vol. 23, pp. 295–307.
8. Dumezille J. *Skifa et nartha* (Rus. ed.: Almazova A. Z., tratsl. *Skify i narty*. Moscow, Nauka Publ., 1990. 227 p.)
9. Dumezille J. *Ossetinsky épopée et mythologie* (Rus. ed.: Abaev V. I., ed. *Osetinskiy epos i mifologiya*. Vladikavkaz, SOIGISHI Publ., 2001. 278 p.)
10. Ivanenko A. V. [The ethnonymy of the Circumpontic region, or a few words about Homeric Cimmeria]. In: *Indoyevropeyskoye yazykoznaniye i klassicheskaya filologiya* [Indo-European linguistics and Classical Philology], 2022, vol. 26, pp. 465–504.
11. Klimov G. A. *Drevneyshiye indoyevropeizmy kartvelskikh yazykov* [The most ancient Indo-Europeanisms of the Kartvelian languages]. Moscow, Heritage Publ., 1994. 249 p.
12. Kozaev P. K. [The Nart epic as a historical source]. In: Turgiev T. B., ed. *Problemy khronologii arkheologicheskikh pamyatnikov Severnogo Kavkaza* [Problems of the chronology of archaeological monuments of the North Caucasus]. Ordzhonikidze, SOGU Publ., 1985, pp. 55–87.
13. Kuznetsov V. A. *Nartskiy epos i nekotoryye voprosy istorii osetinskogo naroda* [Nart epic and some questions of the history of the Ossetian people]. Ordzhonikidze, Ir Publ., 1980. 136 p.
14. Lebedev A. V. [Indo-Aryan names in the saga of Argonauts, onomastics of Colchis and Greek inscriptions of the Northern Black Sea region]. In: *Indoyevropeyskoye yazykoznaniye i klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology], 2021, vol. 25, pp. 729–782.
15. Miller V. F. *Folklor narodov Severnogo Kavkaza. Teksty i issledovaniya* [Folklore of the peoples of the North Caucasus. Texts and research]. Moscow, Nauka Publ., 2008. 998 p.
16. Nikolaeva N. A. *Etnokulturnyye protsessy na Severnom Kavkaze v III–II tys. do n. e. v drevney drevney istorii Yevropy i Blizhnego Vostoka* [Ethnocultural processes in the North Caucasus in the 3rd–2nd millennium BCE in the context of the ancient history of Europe and the Middle East]. Moscow MGOU Publ., 2011. 556 p.

17. Safronov V. A. *Indoyevropeyskiye prarodiny* [Indo-European ancestral homelands]. Gorky, Volgo-Vyatskoye knizhn. izd-vo Publ., 1989. 402 p.
18. Tuallagov A. A. *Mech i fandyr* [Sword and fandyr]. Vladikavkaz, Ir Publ., 2021. 270 p.
19. Trubachev O. N. *Indoarika v Severnom Prichernomor'ye* [Indoarica in the Northern Black Sea region]. Moscow, Nauka Publ., 1999. 319 p.
20. Falileyev A. I. [Celts-Iranica. I. Isoglosses and morphological parallels, revisited]. In: *Indoyevropeyskoye yazykoznaniye i klassicheskaya filologiya* [Indo-European Linguistics and Classical Philology], 2022, vol. 26, pp. 1149–1164.
21. Dudziak A., Payunena M. Indo-European anthropological and cultural sources of the Ossetian heroic epic as an example of nomadism of ideas and values (problem statement). In: *Przegląd wschodnioeuropejski*, 2019, vol. 1, pp. 289–304.
22. Szmyt M. Baden patterns in the Milieu of the Globular Amphorae. In: Furholt M., Szmyt M., Zastawny A., eds. *The Baden Complex and the Outside World*. Bonn, 2008. P. 217–233.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Николаева Надежда Алексеевна – кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории факультета истории, политологии и права Государственного университета просвещения; e-mail: nikolaeva3145@yandex.ru

Сафронов Александр Владимирович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН; e-mail: safronov1477@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nadezhda A. Nikolaeva – Cand. Sci. (History), Prof., Faculty of General History, Political Science and Law, Federal State University of Education; e-mail: nikolaeva3145@yandex.ru

Alexander V. Safronov – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; e-mail: safronov1477@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Николаева Н. А., Сафронов А. В. Происхождение и датировка древнейшего ядра Нартского эпоса по данным лингвистики и археологии // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 3. С. 115–126.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-115-126

FOR CITATION

Nikolaeva N. A., Safronov A. V. The origin and dating of the initial core of the Nart sagas according to linguistics and archeology. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 3, pp. 115–126.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-115-126

УДК 316.356

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-127-133

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ КИРГИЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Бурангулов Э. Р.*Уфимский государственный нефтяной технический университет
450064, г. Уфа, ул. Космонавтов, д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Определение специфики и направленности эволюции государственной политики в сфере высшего образования как фактора развития международных отношений Киргизской Республики (КР).

Процедура и методы. Проведены контент-анализ и фокус-группа с 7 экспертами.

Результаты. Спецификой государственной политики в сфере высшего образования Киргизской Республики является повышение качества обучения с помощью некоммерческих иностранных организаций (ACCELS) и направленность на интернационализацию путём привлечения в страну зарубежных партнёров. Это, в свою очередь, стало заметным фактором развития её международных отношений. Положительная тенденция такого развития проявляется в устойчивом потоке иностранных студентов, по числу которых КР занимает первое место в Средней Азии, что укрепляет положение этой страны в обширном Центральноазиатском регионе и на международной арене в целом.

Теоретическая и/или практическая значимость. Концептуально обобщены новые данные с рекомендациями по оптимизации и в авторском прогнозе.

Ключевые слова: высшее образование, государственная политика, интернационализация, Киргизская Республика, международные отношения, модернизация высшей школы, университет

STATE POLICY IN THE FIELD OF HIGHER EDUCATION AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL RELATIONS OF THE KYRGYZ REPUBLIC

E. Burangulov*Ufa State Petroleum Technological University
1 Kosmonavtov str., Ufa, 450064, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify the specifics and the state policy evolution direction in the field of higher education as a factor in the development of international relations of the Kyrgyz Republic (KR).

Methodology. A content analysis and a focus group with seven experts were conducted in the course of the research.

Results. The specific trait of state policy in the field of higher education of the Kyrgyz Republic is improvement of the education quality with the help of non-profit foreign organizations (ACCELS)

and the focus on internationalization by attracting foreign partners to the country. This has become a noticeable factor in the development of its international relations. The positive trend of this development is manifested in the steady flow of foreign students, in terms of the number of whom the Kyrgyz Republic ranks first in Middle Asia, which strengthens the position of this country in the wider Central Asian region and the international arena as a whole.

Research implications. Conceptually, new data with recommendations for optimization are summarized and the author's forecast is given.

Keywords: higher education, international relations, internationalization, the Kyrgyz Republic, modernization of higher education, state policy, university

Введение

Киргизская Республика (КР) занимает заметное и довольно выгодное геополитическое положение в Центральной Азии как её фактически срединная часть, что позволяет считать её хабом в этом регионе с большим потенциалом для взаимодействия с Казахстаном, Китаем, Таджикистаном, Узбекистаном, а также Россией, с которой наличествует тесные культурные и экономические связи и которая является ближайшим союзником КР.

КР остаётся одной из тех немногих стран, где русский язык является ведущим при получении высшего образования (на нём обучаются около 70% студентов¹). С учётом этого целесообразно провести анализ государственной стратегии КР по модернизации высшего образования как фактора развития международных отношений. Это позволит дать обоснованную оценку её роли в процессе построения Киргизской Республикой международных отношений, подготовить фундированный прогноз развития, дополнить современное научное знание о государственной политике в сфере высшего образования как факторе развития международных отношений, что будет полезно и для решения актуального вопроса о формировании стратегии модернизации российской высшей школы.

¹ Исследование показало, что в КР имеется тенденция неуклонного снижения числа обучающихся на русском языке.

Правительственный курс развития высшей школы КР в контексте международных отношений: ориентиры и компоненты

Степень разработанности темы вряд ли можно оценить как высокую. Хотя имеется довольно много публикаций, но преобладают посвящённые национальным особенностям небольшие тексты общего характера. Эмпирических критических работ совсем немного, наиболее содержательные из них приведены далее для сопоставления с авторскими результатами. Такая ситуация типична для всех стран среднеазиатского региона. Практически отсутствуют и сравнительные исследования. Исключениями являются некоторые обзоры [4] и комплексное сравнение трансформации систем высшего образования на пространстве СНГ за последние 25 лет, предпринятое российскими и зарубежными авторами [12].

Для общей характеристики государственной политики КР в сфере высшего образования и оценки её влияния на международные отношения этой проведён анализ нормативных правовых актов и новостей (63 ед.), опубликованных на портале Министерства образования и науки КР и на новостных сайтах с 1 мая 2021 г. по 1 мая 2023 г.

Для оценки эффективности и перспектив государственной политики КР в сфере высшего образования как фактора развития международных отношений использован метод группового фокусированного интервью, организованного посредством приложения «Яндекс.Теле-

мост» с 7 экспертами. Участники были отобраны по принципу однородности и соответствовали следующим параметрам: возраст 35–45 лет, работа в вузах Киргизии как основная на момент проведения исследования со стажем не менее 5 лет. В ходе беседы каждый участник высказал свою точку зрения по представленным вопросам согласно плану обсуждения. Ранее дискуссанты не были задействованы в аналогичном мероприятии, что уменьшает помехи и нефункциональное поведение.

Эксперты свидетельствуют, что на сегодняшний день в ходе реализации Национальной стратегии устойчивого развития образования КР на период 2013–2017 гг., Концепции развития образования КР до 2020 г., Стратегии развития образования в КР на 2012–2020 гг. в КР удалось выстроить ориентированную на интернационализацию систему высшего образования, в состав которой входит более 50 вузов страны, из которых порядка 20 – негосударственные [5]. Появление частного сектора рассматривается как одно из наиболее заметных достижений, позволившее преодолеть жёсткую централизацию высшего образования и строгую регламентацию со стороны государственной бюрократии, а также сформировать элементы свободной рыночной конкуренции между вузами, что укрепило и повысило их потенциал, привело к появлению рынка образовательных услуг.

Одним из основных факторов развития высшей школы называются весомые государственные субсидии. Действительно, бывший президент КР А. Атамбаев подчёркивал в одном из своих выступлений, что в сферу образования направляется почти четверть средств республиканского бюджета¹.

¹ Розина Е. Алмазбек Атамбаев: Мы делаем ставку на главный ресурс страны – на людей // Комсомольская правда: [сайт]. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kp.ru/online/news/2889313/> (дата обращения: 23.05.2023).

Опрошенные специалисты указали на некоторые позитивные сдвиги в решении проблем качества образования. Были отмечены изменения и дополнения Закона Кыргызской Республики «Об образовании» и связанные с ними введение независимой аккредитации, а также создание Национального аккредитационного совета при Министерстве образования и науки КР и Независимого агентства по аккредитации образовательных программ и организаций. С помощью этих органов довольно успешно осуществляется процесс приближения вузов КР к современным международным (Болонским) стандартам согласно требованиям республиканского правительства.

По мнению экспертов, ведущей тенденцией в государственной политике и в высшей школе КР является интернационализация и курс на открытость в рамках Болонского процесса, что можно отнести к заметным достижениям в сфере международных отношений. Статистика это подтверждает. В КР действует целый ряд зарубежных и совместно организованных вузов: Американский университет Центральной Азии, Киргизско-российский славянский университет имени Б. Н. Ельцина, Международный университет Кыргызстана (совместно с Университетом Сан-Франциско), Киргизско-турецкий университет, Киргизско-кувейтский университет, а также киргизско-американский и киргизско-европейский факультеты в Киргизском национальном университете имени Ж. Баласагына и т. д. Также активно развивается многостороннее международное сотрудничество в рамках Университета ШОС и Сетевого университета СНГ, функционирующего по аналогии с программой «Эразмус Мундус» [9].

Одним из наиболее благоприятных последствий такой политики стала первая позиция киргизской высшей школы в Средней Азии по числу иностранных студентов (более 40%), где обучается не только молодёжь из Казахстана, Таджи-

кистана, Узбекистана, но и граждане Афганистана, Индии, Китая, Монголии, Непала, Пакистана, Сирии, Турции и др. [7]

Ещё одной действенной программой модернизации, интернационализации, повышения качества и доступности образования (а также мерой против коррупции) стала организация общереспубликанского тестирования (ОРТ), нацеленного на выявление одарённых выпускников, особенно в сельской местности, и привлечение их в вузы. Примечательно, что ОРТ проводится негосударственным Центром оценки в образовании и методов обучения, учредителем которого изначально стали Американские советы по международному образованию (ACCELS). Это мероприятие можно считать актом сближения с США и, соответственно, расширением международных отношений КР и США. Кстати, в первое время, в начале 2000-х гг., ОРТ встретило серьёзное сопротивление со стороны ректорского корпуса. Некоторые эксперты отметили необходимость создания альтернативы ОРТ для того, чтобы избежать нарушения прав граждан и монополизации этого сегмента со стороны одной единственной организации, пусть некоммерческой и негосударственной.

Вместе с тем проблема снижения качества образования сохраняется. Так, М. Курманали кызы приводит данные о тенденции снижения оценок студентов по результатам тестирований и оценок школьников по уровню подготовленности в соответствии с национальными стандартами [6].

Несмотря на достигнутые результаты, эксперты не склонны оценивать государственную политику в сфере высшего образования и ситуацию в высшей школе КР как положительную. Скорее, речь идёт о противоречивости и наличии ряда крупных нерешённых трудностей, масштаб которых пока не уменьшается. Например, высока доля студентов, которые оставляют учёбу – до 1/3. Большая часть

из них отдаёт предпочтение краткосрочным курсам обучения рабочим профессиям. Такая ситуация объясняется тем, что в вузах КР порядка 80% студентов учатся по контракту, но многие из них не имеют для этого достаточных средств [3].

С серьёзными трудностями в КР сталкивается реализация одного из важнейших Болонских принципов – академической мобильности. А. З. Беделбаева критически указывает, что последняя стала ресурсом, которым своевольно распоряжается администрация вузов [2].

Наблюдается явный крен в сторону общественных и гуманитарных специальностей, слабая востребованность абитуриентами технических и естественных направлений. Таким образом, в системе высшего образования КР образовался заметный дисбаланс, имеющий негативные последствия для экономики страны, ослабляющий потенциал расширения и укрепления международных связей в сфере высшего образования.

Остро стоит проблема трудоустройства выпускников: только треть находит работу по специальности. Такая ситуация возникла как вследствие далеко не полного соответствия образовательных программ высшей школы запросам работодателей, потребностям и условиям рынка труда, так и в силу серьёзных структурных проблем в экономике республики.

Неоднозначную оценку эксперты дали нарастанию влияния Китайской народной республики в сфере высшего образования в частности и в международных отношениях в целом. Наиболее наглядно это выражено в довольно весомом количестве киргизских студентов в университетах КНР (до 4000), при этом в российских вузах учиться не более 300 студентов из КР [8; 10, с. 152]. С одной стороны, киргизские студенты получают действительно хорошее образование, с другой стороны, ясно, что в долгосрочной перспективе экономические и политические агенты КНР могут рассчитывать на по-

ложительный эффект от мягкой силы в виде лояльности многих выпускников, которые, скорее всего, займут значительные посты в государственных органах и на промышленных предприятиях КР.

Но пока вряд ли можно утверждать, что программы государственной политики привели высшую школу КР к соответствию с требованиями Болонского соглашения. Пока реализована лишь форма, в ряде случаев оказывающаяся формальностью «без практических функций» [1, с. 128].

На вопрос о перспективах государственной политики в сфере высшего образования КР, в т. ч. как фактора развития международных отношений, эксперты ответили, что прогноз давать затруднительно ввиду 2 обстоятельств: во-первых, КР остаётся одним из самых нестабильных (и бедных) государств Средней Азии (а также в более обширном Центрально-азиатском регионе) и, во-вторых, как и в соседних странах, киргизская политическая элита отдаёт предпочтение тактическим манёврам и мало внимания уделяет долгосрочной стратегии.

Кроме того, с приходом к власти президента С. Жапарова, приверженца стабильности и консерватизма, чётко обозначился вектор на централизацию политического процесса и усиление административной власти, что проявилось в высказываниях главы государства о необходимости заканчивать эксперименты с демократией, а также в принятии поправок в Конституцию КР, направленных на уменьшение численности парламента КР и на расширение полномочий президента (в частности, полный контроль над правительством).

Скорее всего, президентский курс на усиление административной власти затронет и сферу высшего образования, что не может не привести к отходу от стандартов Болонского соглашения с его акцентом на академическую свободу и открытость. Ожидается, что в высшей школе КР с высокой долей вероятности

может быть восстановлена жёсткая регламентация со стороны государственной бюрократии, что неизбежно отразится на международном взаимодействии в сфере высшего образования и в сфере международных отношений, и, скорее всего, приведет к их сжатию.

Заключение

На основе изложенного можно сделать вывод, что государственная политика в сфере высшего образования в КР направлена на повышение качества обучения и на интернационализацию, что, в целом, позитивно влияет на отношения КР в основном с Казахстаном, Таджикистаном, Узбекистаном, а также частично Афганистаном, Индией, Монголией, Непалом, Пакистаном, Сирией, Турцией. В отношениях с Китаем больше неоднозначности и двусмысленности, т. к. выгода здесь распределена непропорционально – больше в сторону Поднебесной. При этом ключевыми особенностями являются методы достижения целеполагания: привлечение в страну зарубежных партнёров для создания филиалов иностранных университетов и совместно организованных вузов, а также сотрудничество с некоммерческими иностранными организациями (ACCELS).

Положительная тенденция развития международных отношений проявляется в устойчивом потоке иностранных студентов, по числу которых КР занимает первое место в Средней Азии. Однако это достижение имеет оборотную сторону, в т. ч. во внутренней политике – сильный крен в сторону социальных и гуманитарных направлений, а также устойчивая проблемность с трудоустройством выпускников.

Наметившийся с приходом к власти С. Жапарова курс на усиление административной власти вряд ли решит наиболее острые проблемы с качеством образования, академической мобильностью, трудоустройством выпускников,

дисбалансом высшей школы. Таким образом, в будущем вряд ли стоит ожидать усиления роли высшего образования в построении международных отношений КР. Напротив, этот курс может снизить и даже свести на нет с большим трудом достигнутые результаты, особенно в части академической свободы и открытости, без которых невозможно соблюдать требования Болонского соглашения и очень нелегко привлечь иностранных студентов.

Поэтому необходима дальнейшая реализация государственных программ по поддержке академической свободы и открытости, т. к. именно в их рамках (за счёт демократического использования, ориентированного на творчество и новации интеллектуального потенциала общественности [11]) возможно наиболее эффективное разрешение возникших трудностей и дальнейшее развитие международных отношений.

Дата поступления в редакцию 31.05.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Беделбаева А. З. Болонский процесс и проблемы в системе высшего образования Кыргызстана // Социосфера. 2019 № 2. С. 125–129.
2. Беделбаева А. З. Международная интеграция высшего образования Кыргызстана: проблемы и перспективы // Вестник Кыргызского Национального Университета имени Жусупа Баласагына. 2017. № 4. С. 165–173.
3. Боркочев Б. М., Алимбеков А. А. Процесс адаптации высших учебных заведений Кыргызской Республики к новым условиям // Педагогические науки. 2019. № 6. С. 77–81.
4. Водопьянова Е. Итоги постсоветской трансформации высшей школы // Современная Европа. 2020. № 5. С. 132–141.
5. Закиров А., Ожакбеги М. Современные процессы в сфере высшего образования Кыргызстана // ALATOO ACADEMIC STUDIES. 2017. № 2. С. 210–214.
6. Курманали кызы М. Модернизация высшего образования Кыргызстана: актуальность и пути решения // Известия вузов Кыргызстана. 2017. № 6. С. 143–147.
7. Мехмадиева К. А., Крыжанова Л. С. Формирование образовательного потенциала в условиях интернационализации системы высшего образования в Кыргызстане // Экономика. Управление. Образование. 2018. № 3. С. 150–154.
8. Мусаев А. И. Кыргызско-российские отношения в сфере высшего образования: состояние и перспективы // ALATOO ACADEMIC STUDIES. 2020. № 4. С. 112–121.
9. Омурбекова М. Международное сотрудничество в развитии высшей школы Кыргызстана // Государственная служба. 2015. № 6. С. 79–81.
10. Ташматова П. Д. Иностранные образовательные учреждения в сфере высшего образования Кыргызстана // Вестник КРСУ. 2018. Т. 18. № 1. С. 151–153.
11. Яковлев М. В. Российская демократия: особенности концепта // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 1-2. С. 216–218.
12. 25 Years of Transformations of Higher Education Systems in Post-Soviet Countries: Reform and Continuity / eds.: J. Huisman, A. Smolentseva, I. Froumin. [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/324739515_25_Years_of_Transformations_of_Higher_Education_Systems_in_Post-Soviet_Countries_Reform_and_Continuity (дата обращения: 23.05.2023).

REFERENCES

1. Bedelbaeva A. Z. [Bologna process and problems in the higher education system of Kyrgyzstan]. In: *Sotsiosfera* [Sociosphere], 2019, no. 2, pp. 125–129.
2. Bedelbaeva A. Z. [International integration of higher education in Kyrgyzstan: problems and prospects]. In: *Vestnik Kyrgyzskogo universiteta imeni Zhushupa Balasagyn* [Bulletin of the Kyrgyz National University named after Zhushup Balasagyn], 2017, no. 4, pp. 165–173.
3. Borkoev B. M., Alimbekov A. A. [The adaptation process of higher educational institutions of the Kyrgyz Republic to new conditions]. In: *Pedagogicheskiye nauki* [Pedagogical sciences], 2019, no. 6, pp. 77–81.

4. Vodopianova E. [Results of the post-Soviet transformation of higher education]. In: *Sovremennaya Yevropa* [Modern Europe], 2020, no. 5, pp. 132–141.
5. Zakirov A., Ozhakbegi M. [Modern processes in the sphere of higher education of Kyrgyzstan]. In: *ALATOO ACADEMIC STUDIES*, 2017, no. 2, pp. 210–214.
6. Kurmanaly kyzy M. [Modernization of higher education in Kyrgyzstan: relevance and solutions]. In: *Izvestiya vuzov Kyrgyzstana* [News of universities of Kyrgyzstan], 2017, no. 6, pp. 143–147.
7. Mekhamadieva K. A., Kryzhanova L. S. [Formation of educational resource in the context of internationalization of higher education system of Kyrgyzstan]. In: *Ekonomika. Upravleniye. Obrazovaniye* [Economics. Control. Education], 2018, no. 3, pp. 150–154.
8. Musaev A. I. [Kyrgyz-Russian relations in the field of higher education: state and prospects]. In: *ALATOO ACADEMIC STUDIES*, 2020, no. 4, pp. 112–121.
9. Omurbekova M. [International cooperation in the development of higher education in Kyrgyzstan]. In: *Gosudarstvennaya sluzhba* [Public Administration], 2015, no. 6, pp. 79–81.
10. Tashmatova P. D. [Foreign educational institutions in the sphere of higher education in Kyrgyzstan]. In: *Vestnik KRSU* [Bulletin of the KRSU], 2018, vol. 18, no. 1, pp. 151–153.
11. Yakovlev M. V. [Russian democracy: features of concept]. In: *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice], 2013, no. 1-2, pp. 216–218.
12. Huisman J., Smolentseva A., Froumin I., eds. 25 Years of Transformations of Higher Education Systems in Post-Soviet Countries: Reform and Continuity. Abstract at: https://www.researchgate.net/publication/324739515_25_Years_of_Transformations_of_Higher_Education_Systems_in_Post-Soviet_Countries_Reform_and_Continuity (accessed: 23.05.2023).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бурангулов Эмиль Рауфович – кандидат политических наук, доцент кафедры социальных и политических коммуникаций Уфимского государственного нефтяного технического университета;
e-mail: burangulovemil@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Emil R. Burangulov – Cand. Sci. (Political Sciences), Assoc. Prof., Department of Social and Political Communications, Ufa State Petroleum Technological University;
e-mail: burangulovemil@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бурангулов Э. Р. Государственная политика в сфере высшего образования как фактор развития международных отношений киргизской республики // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 3. С. 127–133.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-127-133

FOR CITATION

Burangulov E. R. State policy in the field of higher education as a factor in the development of international relations of the Kyrgyz Republic. In: Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences, 2024, no. 3, pp. 127–133.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-127-133

УДК 327 + 32.019

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-134-144

НАРРАТИВЫ «НЕЗАВИСИМОСТЬ» И «ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ» В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННОЙ КАТАЛОНИИ

Кирчанов М. В.*Воронежский государственный университет**394006, г. Воронеж, Университетская пл., д. 1, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Анализ восприятия концептов «государственность» и «независимость» в современной каталонской мемориальной культуре и исторической памяти.

Процедуры и методы. Проблема анализируется через призму интеллектуальной истории и истории идей, а также достижений мемориального поворота.

Результаты. Проанализирована роль и место региональных интеллектуальных сообществ и политических элит как основных участников исторической политики, определяемой как форм развития национализма и каталонского националистического воображения. В статье изучен современный этап в развитии исторической политики регионального каталонского социума через призму конфронтационной модели развития мемориальной культуры в контекстах намеренной актуализации концептов «государственность» и «независимость».

Теоретическая и/или практическая значимость. Анализ образов «независимость» и «государственность» как нарративных конструкций исторической политики показывает, что спектр мемориальных практик региональных интеллектуалов Каталонии ограничен преимущественно их участием в укреплении гражданской идентичности и участием в легитимации политической программы национализма.

Ключевые слова: Испания, миноритарные национализмы, интеллектуалы, историческая политика, войны памяти, культура памяти, государственность, независимость

"INDEPENDENCE" AND "STATEHOOD" NARRATIVES IN THE HISTORICAL MEMORY OF MODERN CATALONIA

M. Kyrchanoff*Voronezh State University**Universitetskaya pl. 1, Voronezh 394006, Russian Federation*

Abstract

Aim. To analyse the perception of the concepts of "statehood" and "independence" in modern Catalan memorial culture and historical memory.

Methodology. The problem is analysed through the prism of intellectual history and the history of ideas, as well as the achievements of the memorial turn.

Results. The role and place of regional intellectual communities and political elites as the main participants in historical politics, defined as forms of development of nationalism and the Catalan nationalist imagination, are analysed. The article examines the current stage in the development of the historical policy of regional Catalan society through the prism of a confrontational model of the development of memorial culture in the context of the deliberate actualization of the concepts of "statehood" and "independence".

Research implication. Analysis of the images of “independence” and “statehood” as narrative constructs of historical politics shows that the range of memorial practices of regional intellectuals in Catalonia is limited primarily by their participation in strengthening civic identity and participation in the legitimization of the political program of nationalism.

Keywords: Spain, minority nationalisms, intellectuals, historical politics, memory wars, memory culture, statehood, independence

Введение

Предположения и утверждения о том, что не одно современное государство не может обойтись в своей внутренней и внешней политике без манипуляций с событиями истории и прошлого в исторической науке стали уже общепризнанным фактом. Историческая или мемориальная политика играет важную роль в том арсенале средств и методов, которые используются правящими политическими элитами или оппозиционными им группами для решения стоящих перед ними задач. Не является исключением из этой универсальной логики инструментализации, политизации и идеологизации истории и современное испанское общество.

Испания – это глубоко регионализированное и разделённое на ряд автономных сообществ государство. Основаниями для выделения автономий стали этнические, культурные, языковые и исторические особенности регионов. Особое место в современной региональной структуре Испании занимает Каталония – регион не только с ярко выраженными политическими, этническими, культурными и языковыми особенностями, но и один из лидеров испанской экономики. Каталония – регион Испании с сильными националистическими традициями, которые в новейшей истории страны своей высшей точки достигли в 2017 г., что привело к провозглашению независимости республики.

Концепты «независимость» и «государственность» в каталонской политической идентичности и национальной памяти относятся к числу относительно новых, современных конструктов, возникших в результате развития национа-

листического воображения [10]. В этой ситуации примечательно и то, что аналогичные нарративы в испанской политической традиции развивались практически одновременно с каталонскими, т. к. Испания исторически принадлежит к числу тех стран, где процессы модернизации, которые институционализировали национализм в качестве универсального принципа, развивались не так быстро, как в других регионах.

Историческая память о каталонской государственности, о независимом политическом опыте на протяжении франкистской диктатуры систематически подавлялась и преследовалось. Вместе с тем с началом процессов политического транзита после смерти Франсиско Франко и демонтажа основ франкистского политического режима идеологическая и политическая конъюнктура в Испании существенно изменились. Каталония активно и эффективно воспользовалась достижениями демократизации, оказалась среди первых испанских регионов, которые получили статус автономного сообщества. Благодаря автономизации Каталония смогла в значительной степени укрепить свои политические позиции в рамках испанской государственности.

Кроме этого, Каталония также играла значительную роль в процессах регионализации испанского политического пространства в целом, будучи примером для других регионов. Регионализация в Каталонии не была бы столь успешной, если бы регион не смог сохранить, несмотря на попытки ассимиляции со стороны Мадрида, собственную идентичность, основой которой служили уникальная этническая культура и язык. Не менее

важную роль в развитии каталонской идентичности играла и историческая коллективная память, отмеченная влиянием национализма. В такой ситуации роль и «преобладание национальной парадигмы можно сравнить только с господством позитивистской парадигмы извода Леопольда Ранке» [1, с. 428] в предшествующей историографической традиции [2, с. 444].

В XX в. особую роль в формировании каталонской мемориальной культуры начали играть не только этнические, но и политические нарративы, связанные с государственным и республиканским опытом региона. В такой ситуации сами концепты «независимость» и «государственность» в каталонском националистическом воображении стали успешными изобретёнными политическими традициями. Не менее важную роль эти 2 концепта играли в истории функционирования каталонской мемориальной культуры. В этой ситуации было совершенно не удивительно и то, что на протяжении 1990-х – начала 2010-х гг. каталонское национальное движение активно оперировало именно этими концептами и понятиями, стремясь максимально расширить доступные региону права и полномочия.

В первой половине 2010-х гг. каталонское национальное движение оказалось подверженным значительной радикализации, что и привело к провозглашению в 2017 г. Каталонской Республики, которое завершилось временной ликвидацией автономного статуса, введением прямого управления из Мадрида и выборами, результаты которых показали как стабильность национализма, так и устойчивый общественный запрос на него со стороны общества.

Итак, в рамках данного исследования обратим внимание на проблемы восприятия каталонской государственности и независимости в современной мемориальной культуре и исторической политике Каталонии как автономного сообщества в составе Испании; проанализируем восприятие концептов «госу-

дарственность» и «независимость» в современной каталонской мемориальной культуре и исторической памяти; изучим формы и методы актуализации и визуализации концептов «государственность» и «независимость» в исторической памяти; рассмотрим динамику изменений представленности и визуальности этих концептов в политических публичных общественных пространствах современной Каталонии; исследуем перспективы развития упомянутых выше изобретённых традиций как в рамках каталонского национализма, так и через призму развития мемориальной культуры.

Методологически исследование основано на принципах и достижениях современной междисциплинарной историографии [13]. Понятия и концепты «государственность» и «независимость» анализируются через призму мемориального поворота, воспринимаясь не только как изобретённые традиции каталонского политического и гражданского национализма [10], но и как конструкты, институционализированные в рамках каталонской исторической политики. С точки зрения методологии, статья также основана на принципах [11], предложенных в истории идеи, а также в рамках интеллектуальной истории, что позволяет воспринимать анализируемые концепты как одни из многочисленных социокультурных, политических и идеологических конструктов [12], которые играют важную роль как в функционировании каталонской идентичности на гражданском и этническом уровнях, так и в попытках легитимации в современном каталонском национализме принципов независимости.

«Государственность» и «независимость» в политическом воображении каталонского национализма

Фактором, который вынуждает современное интеллектуальное сообщество в Каталонии в рамках коллективной

исторической и политической памяти регулярно актуализировать и визуализировать концепты «государственность» и «независимость», является кризис 2017 г., связанный с неудачной попыткой отделения Каталонии от Испании, что не только привело к обострению отношений между регионом и Мадридом, но и актуализировало застарелые фобии и опасения каталонского социума в отношении Испании. События 2017 г. определяются каталонскими интеллектуалами как «один из самых серьёзных политических и конституционных кризисов в современной Европе»¹.

Тем не менее, несмотря на признание кризисных тенденций, каталонское интеллектуальное сообщество активно задаёт неудобные вопросы, которые фактически формируют повестку дня в рамках как исторической политики, так и актуальной идеологической повестки, связанной с развитием каталонского национализма. После 2017 г. в каталонском националистическом воображении в большей степени стали заметны тенденции примордиализации. В частности, Ф. Вильяграса и Эрнандес продвигает нарратив, согласно которому Каталония является «страной естественного права, консолидированной с течением времени... существует каталонский дух, образ жизни»².

На противоположном полюсе националистической риторики доминируют авторы, которые предлагают интерпретацию через призму политической институционализации. По мнению Ж. Муньоса, эти вопросы сводятся к нескольким пунктам, а именно – «почему Каталония не добилась независимости в 2017 г.,

чего не хватило для достижения независимости, насколько различно может восприниматься независимость и что должно стать стратегическим приоритетом для достижения независимости»³. Отношение к последней воспринимается в качестве универсального маркера, который позволяет классифицировать политические силы как в Испании, так и Каталонии⁴ через призму восприятия с их стороны права миноритарных групп не столько на реальную независимость, сколько на право идентифицировать себя в качестве нации в этническом и политическом смыслах.

Обсуждая место событий 2017 г., современные каталонские интеллектуалы склонны воспринимать Испанию и Каталонию в качестве двух акторов и участников конфликта⁵, хотя Мадрид, как правило, отказывает региону в правосубъектности, что делает «каталонское общество более сплочённым и более образованным в области гражданского неповиновения и его последствий»⁶. Истоки этой проблемы интеллектуалы склонны искать в особенностях развития испанского национализма. К. Ф. Лириа, например, указывает на то, что «в переходный период периферийные национализмы были закреплены Статутами автономии, но испанский национализм не был закреплён. Возможно, это было слишком сложно исправить... национализм – это всегда проблема, но ис-

¹ Almeda i Samaranch P. Editorial: Catalunya-Espanya: del conflicte al diàleg polític? // Idees. 2020. Juliol 12. URL: <https://revistaidees.cat/editorial-catalunya-espanya-del-conflicte-al-dialeg-politic/> (дата обращения: 15.03.2024).

² Villagrasa i Hernández F. Catalans i del món // Associació Cultural Vibrant. 2019. Gener 29. URL: <https://historiavibrant.cat/catalans-i-del-mon/> (дата обращения: 15.03.2024).

³ Muñoz J. Introducció: un debat pendent [Электронный ресурс] // Idees. 2020. Juliol 30. URL: <https://revistaidees.cat/introduccio-un-debat-pendent/> (дата обращения: 15.03.2024).

⁴ Zarzalejos J. Catalunya i les no-solucions [Электронный ресурс] // Idees. 2021. Març 24. URL: <https://revistaidees.cat/catalunya-i-les-no-solucions/> (дата обращения: 15.03.2024).

⁵ Ubasart-González G., Amat J. Introducció: un diàleg complex [Электронный ресурс] // Idees. 2020. Juliol 8. URL: <https://revistaidees.cat/introduccio-un-dialeg-complex/> (дата обращения: 15.03.2024).

⁶ Llansana i Rosich M. La lluita compartida del sobiranisme [Электронный ресурс] // Idees. 2020. Setembre 3. URL: <https://revistaidees.cat/la-lluita-compartida-del-sobiranisme/> (дата обращения: 15.03.2024).

панский национализм был источником всех проблем»¹.

Поэтому, если Мадрид отказывает Каталонии в её признании в качестве политического субъекта, то Барселона, наоборот, подчёркивает, что двумя участниками конфликта являются «каталонская независимость и испанское государство»², а в современной исторической памяти и политической идентичности региона проблема воспринимается через призму противостояния на протяжении столетий. Столь последовательная защита нарративов, которые фактически и в кастильской, и в каталонской идентичности и исторической памяти стали мифическими конструктами, указывает на то, что эти 2 модели мемориальной культуры не просто консервативны, но в их рамках, подобно другим не менее устойчивым традициям, «не менялись содержательные, методологические и терминологические модели интерпретации истории» [9, с. 23].

В такой ситуации для формирования и продвижения позитивных образов концептов «государственность» и «независимость» каталонские интеллектуалы активно используют символистические ресурсы прошлого. Поэтому в центре внимания как исторической политики, так и идеологических манипуляций с прошлым со стороны элит оказываются не только исторические факты и события, точнее – их интерпретации, но и такие понятия, как «независимость» и «государственность», которые имеют фундаментальное значение для политического национализма и поддержания гражданской идентичности.

«Государственность» и «независимость» в историческом воображении каталонского национализма

В рамках развития концептов «независимость» и «государство» каталонские националисты активно используют символический потенциал истории как в значительной степени универсальный мобилизационный ресурс, т. к. апелляции к опыту истории содействуют укреплению государственной компоненты в идентичности каталонцев. Ж. Ридао подчёркивает, что «каталонский вопрос является современником современной Испании. К тому времени, когда возникло либеральное государство и началась индустриализация, каталонская проблема уже стала причиной кризиса 2 республик, монархии и 2 диктатур XX века, определяя политическую повестку дня Испании»³.

Для интеллектуального дискурса Испании на региональном уровне характерно осознание того, что национализм стремится использовать символические ресурсы прошлого для решения современных политических задач. Инструментализация прошлого элитами ведёт к тому, что история более активно и последовательно «используется для легитимации политических процессов и состояний..., став важным элементом различных национальных проектов, выполняя свои функции в создании идентичности» [2, с. 485], уязвимой в случае с Каталонией со стороны Мадрида. Комментируя ситуацию, Э. Айя подчёркивает, что «почти все национализмы заинтересованы в том, чтобы зафиксировать наличие собственных институтов несколькими столетиями ранее, часто ссылаясь на времена, предшествовавшие современному государству. Эти историцистские усилия

¹ Fernández Liria C. El nacionalisme espanyol és l'origen de tots els problemes [Электронный ресурс] // Crític. 2018. Agost 22. URL: <https://www.elcritic.cat/entrevistes/carlos-fernandez-liria-el-nacionalisme-espanyol-es-lorigen-de-tots-els-problemes-11969> (дата обращения: 15.03.2024).

² Andolz S. Catalunya i Espanya: cap a un conflicte polític estancat? [Электронный ресурс] // Idees. 2021. Març 24. URL: <https://revistaidees.cat/catalunya-i-espanya-cap-a-un-conflicte-politic-estancat/> (дата обращения: 15.03.2024).

³ Ridaó J. El conflicte Catalunya-Espanya: una sortida legal i legítima a l'empat infinit d'impotències [Электронный ресурс] // Idees. 2020. Novembre 2. URL: <https://revistaidees.cat/el-conflicte-catalunya-espanya-una-sortida-legal-i-legitima-a-lempat-infinit-dimpotencies/> (дата обращения: 15.03.2024).

мало отвечают реальности современных институтов, за исключением идеологической точки зрения: различные национализмы стремятся продемонстрировать долгую историю, подтверждающую их национальный характер»¹.

В силу того, что «каждая политическая система определённым образом формирует собственную память, содержание которой определяется использованием различных форм работы с фактами прошлого» [8, с. 44], ценности «государственности» и «независимости» в современном каталонском интеллектуальном дискурсе подвергаются легитимации при помощи апелляции к истории, что превращает прошлое в символический мобилизационный ресурс, используемый националистами. По мнению историков, этнические сообщества и нации, включая каталонцев, «представляют собой группы, определяемые наличием общих представлений о себе, в которых самым действенным элементом является чувство общей истории» [5, р. 533].

В такой ситуации в рамках мемориальной политики «история и память представляются, прежде всего, как арена политической борьбы с внешним и внутренним противником» [3, с. 11]. Поэтому регулярная апелляция к опыту каталонизма, каталонского национализма, в политическом и историческом воображении современной Каталонии превращает концепции «государственность» и «независимость» в одни из наиболее значимых. В связи с этим М. Санджауме подчёркивает, что «создание нового государства без согласия государства, которому принадлежит территория, является труднодостижимой целью»². В рамках такой логики, с одной стороны, «каталон-

ская независимость, как и любое другое движение за освобождение, всегда колебалась между эстетическим искушением стать частной религией, обеспечивающей мнимую уверенность, и гражданским долгом вести себя как политическое движение, готовое столкнуться с неопределённостью и противоречиями»³.

С другой стороны, независимость в современном политическом и историческом воображении, как полагает С. Байлак, «стала необратимым процессом: приверженность диалогу, осуждение репрессий и требование решения, которое проходит через урны для голосования, являются главным национальным консенсусом»⁴. Подобное понимание в современном каталонском национализме возникло в 2017 г. как результат не только предшествующей радикализации самих националистов, так и репрессивной реакции со стороны Мадрида. В этом контексте не менее важное значение имеет и то, что усиление как сторонников независимости, так и фактический успех её противников привели к мифологизации событий 2017 г. как в каталонской идентичности, так и исторической памяти.

2017 г. как место памяти и травма в мемориальной политической культуре каталонского национализма

Несмотря на то, что 2017 г. не стал годом появления независимой Каталонской Республики⁵, насильственное подавление самой попытки её провозглашения привело к усилению роли республиканских

¹ Aja E. Enfocaments sobre el conflicte Catalunya-Espanya [Электронный ресурс] // Idees. 2020. Desembre 9. URL: <https://revistaidees.cat/enfocaments-sobre-el-conflicte-catalunya-espanya/> (дата обращения: 15.03.2024).

² Sanjaume M. Noves estratègies [Электронный ресурс] // Idees. 2020. Juliol 31. URL: <https://revistaidees.cat/noves-estrategies/> (дата обращения: 15.03.2024).

³ Pérez Lozano L. Fent camí dins la boira: l'independentisme després de 2017 [Электронный ресурс] // Idees. 2020. Setembre 3. URL: <https://revistaidees.cat/fent-cami-dins-la-boira-lindependentisme-despres-de-2017/> (дата обращения: 15.03.2024).

⁴ Bailac S. Quatre aprenentatges i nou claus per a l'avenç de l'independentisme [Электронный ресурс] // Idees. 2020. Octubre 1. URL: <https://revistaidees.cat/quatre-aprenentatges-i-nou-claus-per-a-l-avenc-de-lindependentisme/> (дата обращения: 15.03.2024).

⁵ Pascal M. 2020: l'aný entre l'abisme i el reenfocament [Электронный ресурс] // Idees. 2020. Desembre 9. URL: <https://revistaidees.cat/2020-lany-entre-labisme-i-el-reenfocament/> (дата обращения: 15.03.2024).

нарративов и образов как в политическом воображении каталонского национализма, так и в коллективной исторической памяти региона, содействуя восприятию истории каталоно-испанских отношений через призму перманентного конфликта¹.

Формируя негативный образ Мадрида, сторонники каталонской независимости, с одной стороны, апеллируют к региональной исторической памяти, описывая конфронтацию Каталонии и Испании как противостояние демократии и авторитаризма, в рамках которого «граждане голосовали против государства», а оно, в свою очередь, применило в их отношении насилие². В такой ситуации каталонские интеллектуалы апеллируют к опыту коллективной исторической памяти, которая обеспечивает их многочисленными примерами истории отношений между Мадридом и Барселоной, в рамках которых Испания, как правило, «виновной» практически всегда назначала Каталонию³. Более того, в рамках такой модели развития мемориальной культуры и проведения исторической политики «история выполняет терапевтическую функцию, т. к. обсуждаются только те аспекты прошлого, которые кажутся полезными для нации» [4, с. 101].

Поэтому конфликт между Каталонией и Испанией в каталонской памяти воспринимается не просто как противоречия по поводу власти и её пределов, но как конфликт относительно признания того, что Каталония имеет собственную

идентичность, культуру, историю и коллективную память⁴, которые формируют её правосубъектность. В каталонском случае история «объективно пишется как определённый концепт самости, который основывается на радикальном отделении от какой-либо другой идентичности» [6, р. 42]. Подобная парадигма отношений современными каталонскими авторами выводится из исторического опыта, учрещённого в национальной памяти. Именно поэтому Д. Убасарт-Гонсалес упрекает центр в том, что Мадрид склонен замечать и учитывать только кастильскую память и идентичность, т. к. в отношении миноритарных групп им используется политика «гомогенизации децентрализации», направленная на ослабление «национальных устремлений исторических сообществ»⁵, имеющих собственный исторический опыт, коллективную память и мемориальные культуры.

Опорой Мадрида в Каталонии, по мнению каталонских интеллектуалов, являются так называемые «*altres catalans*», т. е. «другие каталонцы», которые спустя несколько поколений проживания в регионе «всё ещё передают испанский язык своим потомкам и всё ещё осознают, что они “извне”... они пользуются поддержкой государства, которое исторически отрицает каталонские различия и хочет устранить их»⁶. Генетически такая модель политического поведения центра в современном каталонском дискурсе связы-

¹ Amat J. Un conflicte sobre el poder i el reconeixement [Электронный ресурс] // Idees. 2020. Juliol 10. URL: <https://revistaidees.cat/un-conflicte-sobre-el-poder-i-el-reconeixement/> (дата обращения: 15.03.2024).

² Llansana i Rosich M. La lluita compartida del sobiranisme [Электронный ресурс] // Idees. 2020. Setembre 3. URL: <https://revistaidees.cat/la-lluita-compartida-del-sobiranisme/> (дата обращения: 15.03.2024).

³ Galais C. Un farol i una venjança que ja duren massa: una polarització impulsada per l'elit [Электронный ресурс] // Idees. 2021. Març 24. URL: <https://revistaidees.cat/un-farol-i-una-venjanca-que-ja-duren-massa-una-polaritzacio-impulsada-per-lelit/> (дата обращения: 15.03.2024).

⁴ Amat J. Un conflicte sobre el poder i el reconeixement [Электронный ресурс] // Idees. 2020. Juliol 10. URL: <https://revistaidees.cat/un-conflicte-sobre-el-poder-i-el-reconeixement/> (дата обращения: 15.03.2024).

⁵ Ubasart-González G. Reconstruir país: distensionar, fer política i superar el marc autonòmic [Электронный ресурс] // Idees. 2020. Juliol 9. URL: <https://revistaidees.cat/reconstruir-pais-distensionar-fer-politica-i-superar-el-marc-autonomic/> (дата обращения: 15.03.2024).

⁶ Subirats M. Catalunya endins: una comunitat estructuralment esquerdada [Электронный ресурс] // Idees. 2020. Setembre 3. URL: <https://revistaidees.cat/catalunya-endins-una-comunitat-estructuralment-esquerdada/> (дата обращения: 15.03.2024).

вается с наследием франкизма¹, которому фактически симпатизируют политики Мадрида, хотя формально такие идеологические предпочтения открыто не подчёркиваются.

С другой стороны, предполагается, что реакция Мадрида фактически показала «неспособность испанского государства политически справиться с конфликтом политического характера. Насильственные, репрессивные меры и общее выступление против независимости являются элементами, которые свидетельствуют о низком демократическом качестве государства»². Формируя такой образ Испании, каталонские интеллектуалы актуализируют ресурс исторической памяти, в рамках которой для Мадрида Каталония была периферией, но, с точки зрения Барселоны, «Каталония была фабрикой Испании со времён промышленной революции», что привело к неравномерному распределению власти, т. к. кастильское большинство стремилось игнорировать то, что «в стране вместе живут несколько национальных сообществ, отличающихся своим языком»³.

В рамках такого восприятия Мадрида в каталонской исторической памяти, склонной активно использовать ресурс популизма [7], особенно для конструирования образа врага, фактически подчёркивается преемственность между франкистской и современной Испанией⁴, для «политической и правовой тра-

диции которой характерно подавление независимости и преследование политического инакомыслия и свободы выражения мнений»⁵. Поэтому Испания определяется как государство, «управляемое неофранкистами»⁶. Опасения реставрации франкизма играют особую роль в функционировании современной каталонской исторической памяти, т. к. региональные интеллектуалы чувствуют рост популярности идеи «превосходства испанской нации над остальными народами государства»⁷. Д. Убасарт-Гонсалес в связи с этим указывает на склонность Мадрида к реставрации более ранней модели развития, основанной на авторитаризме, что, по её мнению, свидетельствует о кризисе перехода Испании к демократии⁸, т. к. коллективная историческая память кастильского правящего класса склонна к франкизму, маскируя его риторикой о защите территориальной целостности.

Интерпретация прошлого в современной Каталонии имеет «решающее значение в дебатах о независимости»⁹. Различные политические группы в Испании и Каталонии склонны воспроизводить

¹ Graupera J. La culpa és nostra [Электронный ресурс] // Idees. 2021. Març 23. URL: <https://revistaidees.cat/la-culpa-es-nostra/> (дата обращения: 15.03.2024).

² Bailac S. Quatre aprenentatges i nou claus per a l'avenc de l'independentisme [Электронный ресурс] // Idees. 2020. Octubre 1. URL: <https://revistaidees.cat/quatre-aprenentatges-i-nou-claus-per-a-lavenc-de-lindependentisme/> (дата обращения: 15.03.2024).

³ Amat J. Un conflicte sobre el poder i el reconeixement [Электронный ресурс] // Idees. 2020. Juliol 10. URL: <https://revistaidees.cat/un-conflicte-sobre-el-poder-i-el-reconeixement/> (дата обращения: 15.03.2024).

⁴ Botran A. L'art de la ruptura [Электронный ресурс] [Электронный ресурс] // Idees. 2021. Març 23. URL: <https://revistaidees.cat/lart-de-la-ruptura/> (дата обращения: 15.03.2024).

⁵ Vehí M. Una defensa del conflicte com a motor de canvi. Notes per al debat estratègic [Электронный ресурс] // Idees. 2020. Setembre 18. URL: <https://revistaidees.cat/una-defensa-del-conflicte-com-a-motor-de-canvi/> (дата обращения: 15.03.2024).

⁶ Villagrasa i Hernàndez F. Català de dretes, català desquerres [Электронный ресурс] // Associació Cultural Vibrant. 2020. Novembre 27. URL: <https://historiavibrant.cat/catala-de-dretes-catala-desquerres/> (дата обращения: 15.03.2024).

⁷ Verge Mestre T. El dret a l'autodeterminació com a punt d'inici i sortida del conflicte [Электронный ресурс] // Idees. 2020. Juliol 30. URL: <https://revistaidees.cat/el-dret-a-lautodeterminacio-com-a-punt-dinici-i-sortida-del-conflicte/> (дата обращения: 15.03.2024).

⁸ Ubasart-González G. Reconstruir país: distensionar, fer política i superar el marc autonòmic [Электронный ресурс] // Idees. 2020. Juliol 9. URL: <https://revistaidees.cat/reconstruir-pais-distensionar-fer-politica-i-superar-el-marc-autonomic/> (дата обращения: 15.03.2024).

⁹ Muñoz J. Cartografia del debat independentista. Conclusions [Электронный ресурс] // Idees. 2021. Març 24. URL: <https://revistaidees.cat/autors/jordi-munoz/> (дата обращения: 15.03.2024).

свои собственные версии истории. Если испанские и каталонские националисты солидарны в своём признании примата нации и стремлении к её абсолютизации, то левые и либералы близки в понимании наций как сообществ и конструкторов, декларируя идеи, отторгаемые националистами, для которых утверждения, что «испанская или каталонская нации не представляют собой априорный факт и идентичность, кристаллизованную во времени, но случайный результат всегда незавершённого, множественного и спорного политического процесса»¹, неприемлемы.

Заключение

В современном каталонском обществе эти концепты следует воспринимать как изобретённые политические традиции, подкреплённые как опытом политического гражданского каталонского национализма, так и развитием каталонского националистического и исторического воображения, в рамках которого предшествующие поколения каталонских интеллектуалов особое внимание уделяли культивированию и важности тезиса о наличии у каталонцев собственного политического и государственного опыта в исторической перспективе, что не исключало его трансплантации в актуальные политические реалии. Используя концепты «государственность» и «независимость», каталонские националисты и активисты исторической политики как участники каталано-кастильской идеологической конфронтации и мемориального конфликта, стремятся определять каталонцев не просто как этническую группу в составе Испа-

нии с отдельным языком и культурой, но и как ещё одну политическую и гражданскую нацию, равноправную с испанской.

Таким образом, развитие концептов «государственность» и «независимость» в националистическом воображении и связанной с ним мемориальной культуре и исторической политике было подчинено логике и необходимости политической борьбы каталонцев как воображаемого сообщества за суверенизацию не только их политических институтов, но и истории и исторической памяти. Репрессивная политика Мадрида, начиная с 2017 г. сыграла важную роль в функционировании анализируемых в данной статье концептов. Несмотря на стремление Мадрида подавить национальное движение на территории Каталонии и не допустить создание независимого каталонского государства, идеи независимости и государственности не утратили своего значения, важности и актуальности в политической, культурной и интеллектуальной жизни региона.

Принимая во внимания как актуальную политическую динамику отношений между Барселоной и Мадридом, так и развитие каталонского национализма, следует предположить, что концепты «государственность» и «независимость» будут играть значительную роль в функционировании каталонской политической и этнической идентичности, а также продолжат оставаться среди важных мобилизационных политических и символических ресурсов, применяемых в рамках кастильско-каталонской мемориальной конфронтации в Испании.

Дата поступления в редакцию 28.03.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Грицак Я. Украинская историография. 1991–2001. Десятилетие перемен // *Ab Imperio*. 2003. № 2. С. 427–454.
2. Кушко А., Таки В. «Кто мы?» Историографический выбор: румынская нация или молдавская государственность // *Ab Imperio*. 2003. № 1. С. 485–495.
3. Миллер А. Россия: власть и история // *Pro et contra*. 2009. Май–август. С. 6–24.

¹ Máiz Suárez R. Una proposta des del federalisme plurinacional [Электронный ресурс] // *Idees*. 2020. Desembre 9. URL: <https://revistaidees.cat/una-proposta-des-del-federalisme-plurinacional/> (дата обращения: 15.03.2024).

4. Шерпер Ю. Германия и Франция: проработка прошлого // *Pro et contra*. 2009. Май–август. С. 89–108.
5. Coakley J. Mobilizing Past: nationalist images of history // *Nationalism and Ethnic Politics*. 2004. Vol. 10. № 4. P. 531–560.
6. Friedman J. History, Political Identity and Myth // *Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology*. 2001. № 1. P. 41–62.
7. Llanos-Antczak A. Catalan Nationalism: between Constructed Cultural Memory and Populist Storytelling // *Athenaeum. Polish Political Science Studies*. 2021. Vol. 71. № 3. P. 7–30.
8. Акудовіч А., Казакевіч А. Навука і стратэгіі працы з мінулым. Дыскусія ў межах семінара «Сучаснае беларускае мысленне», Інстытут сацыялогіі, Інстытут філасофіі НАН, 16 сакавіка 2006 года // *Палітычная сфера*. 2006. № 6. С. 44–48.
9. Лінднер Р. Нязменнасць і змены ў постсавецкай гістарыяграфіі Беларусі // *Кантакты і дыялогі*. 1996. № 3. С. 20–25.
10. Atilés-Osoria J. M. Aguilar Fernández, Paloma, Políticas de la memoria y memorias de la política. El caso español en perspectiva comparada // *Revista Crítica de Ciências Sociais*. 2010. № 88. DOI: <https://doi.org/10.4000/rccs.1674>
11. Bernecker W. La memoria histórica en España: un pasado más actual que nunca // *Versants. Revista Suiza De Literaturas románicas*. 2020. № 3. P. 119–141.
12. García Comenares P. La memoria histórica en España. Valladolid: Ediciones Universidad de Valladolid, 2021. 308 p.
13. Martínez-Rodríguez R., Sánchez-Agustí M., Muñoz-Labraña C. Enseñar un pasado controvertido desde un presente polarizado: la memoria histórica en España desde la perspectiva docente // *Revista de Estudios Sociales*. 2022. № 81. P. 93–112.

REFERENCES

1. Hrytsak Y. [Ukrainian historiography. 1991–2001. A decade of change]. In: *Ab Imperio*, 2003, no. 2, pp. 427–454.
2. Kushko A., Taki V. [“Who are we?” Historiographical choice: Romanian nation or Moldavian statehood]. In: *Ab Imperio*. 2003, no. 1, pp. 485–495.
3. Miller A. [Russia: power and history]. In: *Pro et contra*, 2009, no. 3–4, pp. 6–24.
4. Scherrer J. [Germany and France: working through the past]. In: *Pro et contra*, 2009, no. 3–4, pp. 89–108.
5. Coakley J. Mobilizing Past: nationalist images of history. In: *Nationalism and Ethnic Politics*, 2004, vol. 10, no. 4, pp. 531–560.
6. Friedman J. History, Political Identity and Myth. In: *Lietuvos etnologija. Lithuanian Ethnology. Studies in Social Anthropology and Ethnology*, 2001, no. 1, pp. 41–62.
7. Llanos-Antczak A. Catalan Nationalism: between Constructed Cultural Memory and Populist Storytelling. In: *Athenaeum. Polish Political Science Studies*, 2021, vol. 71, no. 3, pp. 7–30.
8. Akudovič A., Kazakievič A. [Science and strategies of working with the past. Discussion within the seminar “Modern Belarusian thinking”, Institute of Sociology, Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences, March 16, 2006]. In: *Palityčnaja sfera* [Political Sphere], 2006, no. 6, pp. 44–48.
9. Lindnier R. [Immutability and changes in the post-Soviet historiography of Belarus]. In: *Kantakty i dyjaloży* [Contacts and Dialogues], 1996, no. 3, pp. 20–25.
10. Atilés-Osoria J. M. Aguilar Fernández, Paloma, Políticas de la memoria y memorias de la política. El caso español en perspectiva comparada. In: *Revista Crítica de Ciências Sociais*, 2010, no. 88. DOI: <https://doi.org/10.4000/rccs.1674>
11. Bernecker W. La memoria histórica en España: un pasado más actual que nunca. In: *Versants. Revista Suiza De Literaturas románicas*, 2020, no. 3, pp. 119–141.
12. García Comenares P. *La memoria histórica en España*. Valladolid, Ediciones Universidad de Valladolid, 2021. 308 p.
13. Martínez-Rodríguez R., Sánchez-Agustí M., Muñoz-Labraña C. Enseñar un pasado controvertido desde un presente polarizado: la memoria histórica en España desde la perspectiva docente. In: *Revista de Estudios Sociales*, 2022, no. 81, pp. 93–112.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кирчанов Максим Валерьевич – доктор исторических наук, доцент кафедры регионоведения и экономики зарубежных стран факультета международных отношений, доцент кафедры истории зарубежных стран и востоковедения исторического факультета Воронежского государственного университета;

e-mail: maksym_kyrchanoff@hotmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maksym W. Kyrchanoff – Dr. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Regional Studies and Economics of Foreign Countries, Faculty of International Relations, Department of History of Foreign Countries and Oriental Studies, Faculty of History, Voronezh State University;

e-mail: maksym_kyrchanoff@hotmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Кирчанов М. В. Нарративы «независимость» и «государственность» в исторической памяти современной Каталонии // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 3. С. 134–144.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-134-144

FOR CITATION

Kyrchanoff M. V. "Independence" and "statehood" narratives in the historical memory of modern Catalonia. In: Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences, 2024, no. 3, pp. 134–144.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-134-144

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 929.52

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-145-152

ГЕНЕАЛОГИЯ ДОМА РОМАНОВЫХ ПОСЛЕ 1761 Г. В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Соколов А. С.

Государственный университет просвещения

141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Сформировать представление об особенностях изучения отечественными авторами генеалогии Дома Романовых от императора Петра III в XIX – начале XX вв.

Процедура и методы. Проанализирован комплекс отечественной историографии XIX – начала XX вв., посвящённой генеалогии Дома Романовых, начиная с императора Петра III.

Результаты. Сделаны выводы о том, что изучение генеалогии Романовых проводилось для практической фиксации данных о родстве (в основном, в течение XIX в.) и для научных целей. Отдельные авторы родословных исследований о Романовых преследовали политические цели.

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье обобщён основной историографический материал, в т. ч. работы, хранящиеся в российских архивах и не вводившиеся в научный оборот.

Ключевые слова: генеалогическая таблица, генеалогический очерк, генеалогия, Дом Романовых, историография, поколенная роспись

GENEALOGY OF THE HOUSE OF ROMANOV AFTER 1761 IN THE RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF XIX – EARLY XX CENTURIES

A. Sokolov

Federal State University of Education

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

Abstract

Aim. To form an idea of the peculiarities of studying by domestic authors the genealogy of the House of Romanov (starting with Emperor Peter III) in the 19th – early 20th centuries.

© CC BY Соколов А. С., 2024.

Methodology. The complex of domestic historiography of the 19th – early 20th centuries dedicated to the genealogy of the Russian Imperial House starting with Emperor Peter III is analyzed.

Results. Conclusions are drawn that the study of the Romanov genealogy was used for practical recording of data on kinship (mainly during the 19th century) and for scientific purposes. Some authors of genealogical studies about the Romanovs pursued political goals.

Research implication. The article summarizes the main historiographical material, including works stored in Russian archives and not introduced into scientific circulation.

Keywords: genealogical table, genealogical sketch, genealogy, House of Romanov, historiography, generational list

Введение

Генеалогия Дома Романовых является одним из наиболее популярных направлений родословных исследований в России. Только за последние годы опубликованы многочисленные исследования, затрагивающие отдельные вопросы генеалогии императорской фамилии. В частности, рассматривалась проблематика браков в Доме Романовых [3; 11], изучалась генеалогия морганатических (т. е. рождённых в неравнородном браке) [10, с. 34–58] и внебрачных ветвей императорского рода [12], а также осевших в России иностранных аристократических семей, связанных с Романовыми кровным родством [2]; выпускались биобиблиографические справочники [5]. Одной из положительных тенденций в современном изучении генеалогии Романовых является рассмотрение отдельных её аспектов в общеисторических категориях. В частности, ведущий российский генеалог О. Н. Наумов изучал родственные связи Романовых в контексте внутренней политики России [8]. Д. А. Андреев подробно рассмотрел брак Николая II в контексте общеполитической ситуации конца правления Александра III [1, с. 75]. Отдельные авторы рассматривают аспекты генеалогии Романовых во взаимосвязи с историей династических документов [7].

Изучение родственных связей представителей российской императорской фамилии, их морганатических и внебрачных потомков было широко распространено и активно развивалось в XIX – начале XX вв. В данном контексте

затрагивалась и генеалогия Ольденбургской (Гольштейн-Готторпской) ветви династии Романовых – мужского потомства императора Петра III, вступившего на российский престол 25 декабря 1761 г. (5 января 1762 г.) и по мужской линии принадлежавшего к роду герцогов Гольштейн-Готторпских. Изучение данной ветви императорской династии не получило широкого распространения в дореволюционной российской историографии; специальных работ по генеалогии этой ветви практически не было. В большинстве случаев генеалогия Романовых после 1761 г. рассматривалась в контексте всей истории и генеалогии династии.

Тем не менее к 1910 гг. был накоплен определённый массив научных исследований по данной проблематике. Однако революционные события 1917 г. и последовавший за ними негласный запрет на генеалогию в СССР приостановили научные изыскания по данной теме вплоть до конца 1980-х гг.

С конца XX в. стали возникать попытки научного осмысления и обобщения историографического материала XIX – начала XX вв. о генеалогии Романовых после 1761 г. Наиболее известное на данный момент исследование такого рода принадлежит Т. А. Лобашковой, издавшей в 2013 г. книгу «Историография царствующего Дома Романовых: дореволюционный период» [6]. К сожалению, представленный в данной работе краткий раздел об историографии генеалогии Романовых (в т. ч. после 1761 г.) содержит определённые лакуны, а многие важные

исследования упоминаются автором предельно кратко и без подробного анализа. Т. А. Лобашкова опиралась в основном на опубликованные издания, хотя в Государственном архиве Российской Федерации, в Отделе фондов рукописей Государственного музея истории российской литературы имени В. И. Даля и в других архивах хранится ряд ценных генеалогических исследований (зачастую анонимных), которые в силу объективных и субъективных причин никогда не публиковались. Кроме того, значительная часть текста не имеет отношения к заявленной автором теме раздела. Следует констатировать, что исследование Т. А. Лобашковой не удовлетворяет критериям научного анализа историографии.

Настоящая статья призвана углубить и обобщить комплекс генеалогической литературы о Доме Романовых после 1761 г., созданной в XIX – начале XX вв., с привлечением ранее не публиковавшихся исследований.

Первые попытки изучения

Дореволюционная историография о генеалогии потомства Петра III включала поколенные росписи (биографические справки о представителях рода, расположенные по генеалогическому старшинству), генеалогические таблицы (графические изображения родственных связей) и генеалогические очерки (описания родственных связей в форме связного текста). В течение XIX – начале XX вв. в генеалогической литературе о Доме Романовых преобладали генеалогические таблицы – наиболее простой и наглядный способ фиксации генеалогической информации. Поколенные росписи Романовых, будучи способом фиксации, по информативности превосходящим генеалогические таблицы, получили распространение только к концу XIX в.

Первые работы о потомстве Петра III появились на рубеже XVIII – XIX вв. и представляли собой генеалогические та-

блицы. Они не преследовали научных целей и создавались для фиксации численности императорской фамилии. Так, в начале 1801 г. Департамент уделов «учинил» в единственном экземпляре богато оформленную «Родословную Российской Императорской фамилии», ставшую одной из первых отечественных работ, в которой фиксировались данные о потомках Петра III. «Родословная Российской Императорской фамилии» создавалась как завершённый труд; внесение в него дополнений, связанных с гипотетическим разветвлением династии, по-видимому, не планировалось. В «Родословной...» были представлены краткие сведения об императоре Павле I, императрице Марии Федоровне, их детях и старших внуках¹.

Спецификой «Родословной...» была фиксация равнородных потомков (рождённых в браках с представителями царствующих и владетельных Домов Европы) не только по мужской, но и по некоторым женским линиям. В частности, завершающая запись в книге посвящена сыну великой княжны Елены Павловны – будущему великому герцогу Паулю Фридриху Мекленбург-Шверинскому. Фиксация потомства по женским линиям, по-видимому, отражала теоретическую возможность наследования российского престола потомками великих княжон, что дозволялось установленным императором Павлом I порядком престолонаследия в случае пресечения всех мужских ветвей династии. Данная особенность позволяет предположить, что «Родословная...» преследовала цель не только показать состояние и численность Российской императорской фамилии по состоянию на начало XIX в., но и зафиксировать перечень лиц, гипотетически имевших возможность занять российский престол.

В первой половине XIX в. изучение генеалогии потомства Петра III распространения не имело. Некоторые работы второй половины XIX в., претендуя на статус

¹ Российская национальная библиотека. ОР Эрм. 514/5.

генеалогических исследований, сводились сугубо к перечислению правителей. Вместе с тем авторы данных работ рассматривали происхождение российских императоров по женским линиям от других родов. Так, в 1863 г. была издана книга историка и правоведа П. В. Хавского «Генеалогические исследования о роде Романовых». К ней прилагалась генеалогическая таблица, озаглавленная «Сокращённой родословной росписью», в которой прослеживалось происхождение Александра II и его детей по женским линиям от Рюрика¹.

В дальнейшем таблица несколько раз переиздавалась с дополнениями: в 1865 г. вышла в свет работа того же П. В. Хавского «Предки и потомки рода Романовых», где перечислялись «владельцы» России с указанием степени происхождения от Рюрика, среди которых были и императоры из Дома Романовых². К книге прилагалась та же родословная таблица. В варианте таблицы, изданной отдельно 13(25) января 1866 г., была добавлена дата смерти цесаревича Николая Александровича, а великий князь Александр Александрович указан как цесаревич³; наконец, в «исправленном» варианте таблицы от 31 октября (12 ноября) 1866 г. добавлены сведения о цесаревне Марии Фёдоровне (датской принцессе Дагмар) и о некоторых других членах императорской фамилии⁴.

Между 1866 и 1881 гг. (после женитьбы цесаревича Александра Александрови-

ча, но до убийства Александра II) на французском языке неизвестным автором составлена генеалогическая таблица, которая в настоящее время хранится в Государственном архиве Российской Федерации в фонде императора Александра III. Таблица прослеживает по нескольким женским линиям происхождение Петра III и его потомков от майордома Франкского королевства Карла Мартелла. Поскольку каждое поколение в этой таблице включало одну персоналию, Романовы были представлены только Петром III, Павлом I, Николаем I, Александром II и цесаревичем Александром Александровичем (будущим императором Александром III). Информативность таблицы сведена к минимуму. В ней указаны только годы жизни и правления мужчин-монархов, а также имена и годы жизни их супруг. Имеющиеся в таблице лакуны (например, отсутствие сведений о первой супруге императора Павла I – великой княгине Наталье Алексеевне) дают основания предполагать непрофессиональный характер данной работы⁵.

В течение XIX в. генеалогия мужского потомства Петра III (в основном, генеалогические таблицы) изучалась, в частности, самими Романовыми. К концу XIX в. численность династии значительно увеличилась, и она насчитывала 4 крупные ветви. Некоторые представители императорской фамилии вели записи о степенях родства между разными ветвями династии. В фонде великого князя Сергея Михайловича в ГАРФ хранится составленная им записка о степенях родства членов семьи Александра III по отношению к великим князьям Михаилу Николаевичу и Александру Михайловичу, а также членов семьи Михаила Николаевича по отношению к великой княгине Ксении Александровне – дочери Александра III: «Для Папа [великого князя Михаила Николаевича – А.С.] государь сват, императрица сватья, Ксения сноха (невестка). Для Сандро [великого князя

¹ Хавский П. В. Генеалогическое исследование родословной росписи рода Романовых как дополнение к изданной в 1862 году книге о Московском Архангельском соборе. М., 1863. С. 57.

² Хавский П. В. Предки и потомство рода Романовых. М., 1865. С. 37–40.

³ Государственный архив Российской Федерации (далее ГА РФ). Ф. 678. Оп. 1. Д. 1160. Л. 1.

⁴ Сокращённая родословная роспись к Генеалогическому исследованию о роде Романовых, по порядку следования российских государей, означенному ниже сего нумерами в исторической табели, очиненной по сношению с Киевским собором, от которого сообщены экземпляры члену Императорского Московского общества истории и древностей российских Хавскому при отношении 29 января 1857 г. за № 234-м. М., 1866. Л. 1.

⁵ ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

Александра Михайловича – А. С.] государь тесть, императрица теща (Сандро им зять), братья Ксении шурины, сестра Ксении невестка, муж сестры Ксении свояк. Для Ксении папа свёкор, мама свекровь, братья деверья, Настасия [великая княжна Анастасия Михайловна – А.С.] золовка, жены братьев своячницы»¹.

Помимо указанного выше практического применения данных генеалогии, представителей династии также интересовали родственные связи Романовых с династией Рюриковичей. В фонде великого князя Михаила Николаевича в ГАРФ хранятся недатированные родословные таблицы Рюриковичей и Романовых, составленные, вероятно, самим великим князем. Наиболее пространная из трёх таблиц связывает Романовых и Рюриковичей через брак царя Ивана IV Грозного с Анастасией Романовной Захарьиной-Юрьевой. В таблице представлены только имена; даты указывались автором эпизодически².

Для ряда генеалогических таблиц, составленных самими Романовыми, характерен любительский характер. Например, в фонде Николая I в ГАРФ хранится рукописная родословная таблица на русском языке. Самой поздней датой в ней является 28 мая 1835 г. – дата смерти принца Альбрехта Саксен-Альтенбургского, внука великой княжны Елены Павловны по женской линии). Она содержит основную информацию о Павле I, его детях, внуках и правнуках по мужской и по женским линиям (включая супругов), а также о потомстве зятьёв от других браков (например, указаны дети мужа великой княжны Елены Павловны наследного принца Фридриха Людвига Мекленбург-Шверинского от второго брака с принцессой Каролиной Луизой). Таблица, по-видимому, являлась черновой, т. к. сведения об одних лицах отсутствуют, а о других (цесаревиче Константине Павловиче, великой княжне Елене Павловне) дублируются на разных листах. Некоторые данные в таблице от-

сутствуют: например, не указаны месяц и день смерти Павла I, дата и место смерти цесаревича Константина Павловича, дата и место рождения княгини Лович и др. Следует отметить, что большинство дат в росписи приводятся по григорианскому календарю, однако данный факт не оговорен в тексте и может быть установлен только при сопоставлении данных таблицы с источниками. Некоторые даты, однако, указаны по юлианскому календарю (даты рождения Павла I, великой княжны Елены Павловны и др.), что создаёт информационный беспорядок, а отдельные даты приведены сразу по двум стилям³.

Кроме того, в фонде жены Александра III императрицы Марии Федоровны хранится рукописная родословная таблица на французском языке, составленная, скорее всего, самой императрицей в бытность цесаревной. Эта черновая любительская таблица прослеживает династию от царя Михаила Федоровича до Александра II, и содержит минимальные сведения (как правило, только даты рождения, но у Петра III, например, указаны его родители)⁴.

Следует также отметить, что помимо генеалогических таблиц, поколенных росписей и родословных очерков отдельными авторами использовались нестандартные способы подачи генеалогического материала о Романовых. Так, в 1870 г. И. Н. Юркевич составил родословную Российского императорского дома в виде генеалогического круга. К каждому члену династии (указаны 42 персоналии), а также к большинству состоящих с ними в родстве членов владетельных Домов Европы (326 персоналий) приводилась краткая биографическая справка⁵.

Изучение генеалогии Романовых на рубеже XIX–XX вв.

Согласно «Учреждению об Императорской фамилии» 1797 и 1886 гг. Россий-

¹ ГА РФ. Ф. 684. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.

² ГА РФ. Ф. 649. Оп. 1. Д. 78. Л. 1.

³ ГА РФ. Ф. 672. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–4.

⁴ ГА РФ. Ф. 642. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.

⁵ ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Ч. 2. Д. 2917. Л. 1–28.

ский императорский дом возвышался над сословной структурой российского общества (в т. ч. над дворянством) [4, с. 77]. Несмотря на это, отечественные генеалоги XIX – начала XX вв. традиционно рассматривали потомство Петра III в контексте российского дворянства. Некоторые генеалоги, оппозиционно настроенные к Романовым, намеренно причисляли российскую династию к Ольденбургскому Дому, следуя традиции «Готского альманаха» – авторитетного генеалогического справочника по царствующим и владетельным Домам Европы. В 1906 г. в «Родословной книге Всероссийского дворянства» В. А. Дурасова российская династия указывалась как «Гольштейн-Готторп-Романовская», а само родословие прослеживало происхождение Петра III не от царя Михаила Федоровича, а от Ольденбургского Дома¹. К корректности позиции В. А. Дурасова следует относиться критически, учитывая склонность автора к авантюризму и фальсификациям [9, с. 10].

Вместе с тем известные генеалоги конца XIX – начала XX вв. признавали, что Петра III и его потомков с Домом Романовых связывает только династическая преемственность, а не принадлежность к роду. Генеалог П. Н. Петров в 1886 г. составил генеалогический очерк о Романовых, в котором разделял мужское потомство Андрея Кобылы и потомство Петра III в качестве объяснения наличия в гербе династии эмблем из герба герцогства Гольштейн-Готторп. Петра III автор напрямую причислял к Ольденбургскому Дому и начинал описание его родословной с гольштейн-готторпских герцогов. Тем не менее П. Н. Петров отмечал, что рассматривает только ту ветвь Гольштейн-Готторпской династии, «из которой вышли родоначальники нашего царствующего дома. <...> В лице мужа старшей дочери Петра I они сделались родственными и русским владетелям из Дома Романовых...»².

Мнение П. Н. Петрова косвенно разделял авторитетный генеалог, секретарь Историко-родословного общества в Москве Н. П. Чулков, составивший в начале XX в. 2 поколенные росписи царствующего рода. Первая роспись начиналась родоначальником Романовых Андреем Кобылой³, а вторая – Юрием Захарьевичем Кошкиным⁴. Тем не менее обе поколенные росписи доведены автором только до великой княжны Натальи Алексеевны и её брата Петра II, т. е. до представителей последнего поколения потомства царя Михаила Федоровича по мужской линии. Потомство их двоюродного брата Петра III в росписи включено не было.

В преддверии Первой мировой войны и падения монархии в России появились оригинальные генеалогические работы Н. А. фон Баумгартена, которые были посвящены генеалогии отдельных представителей императорской фамилии. Реализованы они были в виде как поколенной росписи, так и восходящей генеалогической таблицы. К первой, оконченной в марте 1910 г., относилась роспись предков великой княгини Ольги Федоровны (супруги великого князя Михаила Павловича – младшего сына Николая I) по прямой женской линии от византийской императрицы Ефросинии Дуки⁵, а ко второй – таблица предков цесаревича Алексея Николаевича по всем линиям⁶. Рассмотрение предков конкретного человека (в данном случае, великой княгини) по прямой женской линии являлось одним из редких примеров подобного исследования в отечественной генеалогии.

¹ Дурасов В.А. Родословная книга Всероссийского дворянства. Ч. I. СПб., 1906. С. 3.

² Петров Н.П. История родов русского дворянства. СПб., 1886. Т. I. С. 8–11.

³ Отдел фондов рукописей Государственного музея истории российской литературы имени В.И. Даля (далее ОР ГМИРЛ). Ф. 230. Оп. 1. Д. 77. Л. 78–81 об.

⁴ ОР ГМИРЛ. Ф. 230. Оп. 1. Д. 79. Л. 30–33.

⁵ Баумгартен Н. А. фон. Родословие великой княгини Ольги Федоровны, рожденной принцессы Баденской // Известия Русского генеалогического общества. 1911. Вып. 4. Отд. II. С. 123–125.

⁶ Баумгартен Н. А. фон. Предки наследника цесаревича Алексея Николаевича // Летопись Историко-родословного общества в Москве. 1913. Вып. 3 (35). С. 1–31.

Заключение

В течение XIX – начале XX вв. к генеалогии Романовых (после 1761 г.) обращались как авторитетные исследователи, так и любители (среди последних были и члены Императорской фамилии). Проведённый анализ основных работ позволяет разделить их совокупность на несколько категорий:

1. *научные исследования*: данная группа исследований охватывает, в частности, труды Н. А. фон Баумгартена, Н. П. Петрова, Н. П. Чулкова и отчасти И. Н. Юркевича; наибольшее распространение научные исследования по данной проблематике получили на рубеже XIX – начала XX вв.;

2. *любительские исследования*: их проводили как независимые учёные (например, П. В. Хавский), так и представители императорской фамилии для практических целей (в первую очередь, для упорядочения данных о родственных связях).

Большинство любительских работ не опубликованы. Генеалогическая таблица из фонда императрицы Марии Федоровны, написанная в бытность её цесаревной, по-видимому, составлялась в учебных целях;

3. *отдельные исследования* (поколенная роспись В. А. Дурасова) составлялись оппозиционно настроенными к императорской фамилии лицами, намеренно акцентировавшими внимание на происхождении императора Петра III и его потомков по мужской линии от Ольденбургского Дома.

Таким образом, изучение потомства императора Петра III дореволюционными отечественными исследователями отразило поступательное развитие отечественной генеалогии в XIX – начале XX вв. и сформировало чрезвычайно ценный по информативности историографический пласт.

Дата поступления в редакцию 25.01.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Д. А. Самодержавие на переломе: 1894 год в истории династии и власти. СПб.: Алетейя, 2022. 234 с.
2. Барташев Д. С. Иностранцы в России XIX – начала XX вв.: правовой и социальный статус // Исторический вестник. 2013. Т. 3. С. 316–338.
3. Барташев Д. С. Проблема равноудости и морганатические браки в Российской императорской фамилии // Клио. 2021. № 2. С. 62–71.
4. Кузьмин Ю. А. К вопросу об именовании российской императорской фамилии // Клио. 2001. № 2. С. 76–78.
5. Кузьмин Ю. А. Российская императорская фамилия (1797–1917): биобиблиографический справочник. СПб.: Дмитрий Буланин, 2021. 440 с.
6. Лобашкова Т. А. Историография царственного дома Романовых: дореволюционный период. М.: Река времен, 2013. 506 с.
7. Морохин А. В. Николай I и «династические документы» Романовых: Из истории «засекречивания былого» в 1825–1855 гг. М.: Кучково поле, 2022. 400 с.
8. Наумов О. Н. Генеалогия и политическая история России эпохи Романовых // У истоков российской государственности. Роль женщин в истории династии Романовых: мат-лы конф./ отв. ред. А. В. Земскова. СПб.: Юридический центр Пресс, 2009. С. 30–41.
9. Наумов О. Н. Фальсификация княжеских гербов в отечественной историографии начала XX в. // Гербоведение. Т. IV / под ред. О. Н. Наумова. М.: Старая Басманная, 2015. С. 9–19.
10. Семенов И. С. Европейские династии. Полный генеалогический справочник. Т. 1. М.: Энциклопедия, 2022. 448 с.
11. Соколов А. С. Браки и разводы в династии Романовых: последняя треть XVIII – начало XX в. М.: Старая Басманная, 2022. 204 с.
12. Шумков А. А. Николаевы // Дворянский календарь. Тетр. 20. М.: Старая Басманная, 2023. С. 81–94.

REFERENCES

1. Andreev D. A. Samoderzhaviye na perelome: 1894 god v istorii pravleniya i vlasti [Autocracy at the turning point: 1894 in the history of dynasty and power]. St. Petersburg, Aletheia Publ., 2022. 234 p.

2. Bartashev D. S. [Foreign dynasties in Russia of the 19th, beginning of the 20th centuries: legal and social status]. In: Istoricheskiy vestnik [Historical Bulletin], 2013, vol. 3, pp. 316–338.
3. Bartashev D. S. [The problem of birth equality and the morganatic marriages in the Russian imperial family]. In: Klio [Clio], 2021, no. 2, pp. 62–71.
4. Kuzmin Yu. A. [On the issue of naming the Russian imperial family]. In: Klio [Clio], 2001, no. 2, pp. 76–78.
5. Kuzmin Yu. A. Rossiyskaya imperatorskaya familiya (1797–1917): biobibliograficheskiy spravochnik [Russian imperial family (1797–1917): biobibliographic reference book]. St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2021. 440 p.
6. Lobashkova T. A. [Historiography of the royal house of the Romanovs: pre-revolutionary period]. Moscow, Reka vremeni Publ., 2013. 506 p.
7. Morokhin A. V. Nikolay I i «dinasticheskiye dokumenty» Romanovyykh: Iz istorii «zasekrechivaniya bylogo» v 1825–1855 gg. [Nicholas I and the “dynastic documents” of the Romanovs: From the history of the “classification of the past” in 1825–1855]. Moscow, Kuchkovo pole Publ., 2022. 400 p.
8. Naumov O. N. [Genealogy and political history of Russia during the Romanov era]. In: Zemskova A. V., ed. U istokov rossiyskoy gosudarstvennosti. Rol zhenshchiny v istorii dinastii Romanovyykh [At the origins of Russian statehood. The role of women in the history of the Romanov dynasty]. St. Petersburg, Yuridicheskiy tsentr Press Publ., 2009, pp. 30–41.
9. Naumov O. N. [Falsification of princely coats of arms in domestic historiography of the early 20th century]. In: Naumov O. N., ed. Gerbovedeniye. T. IV [Coat of arms. Vol. IV]. Moscow, Staraya Basmannaya Publ., 2015, pp. 9–19.
10. Semenov I. S. Evropeiskie dinastii. Polnyy genealogicheskiy spravochnik. T. 1 [European dynasties. Complete genealogical directory. Vol. 1]. Moscow, Encyclopedia Publ., 2022. 448 p.
11. Sokolov A. S. Braki i razvody v tsikle Romanovyykh: poslednyaya tret' XVIII – nachalo XX vv. [Marriages and divorces in the Romanov dynasty: the last third of the 18th – early 20th centuries]. Moscow, Staraya Basmannaya Publ., 2022. 204 p.
12. Shumkov A. A. [Nikolaevs]. In: Dvoryanskiy kalendar. Tetr. 20 [Noble calendar. Tetr. 20]. Moscow, Staraya Basmannaya Publ., 2023, pp. 81–94.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Соколов Александр Сергеевич – младший научный сотрудник Центра по исследованию проблем развития библиотек в информационном обществе Российской государственной библиотеки, аспирант кафедры всеобщей истории Государственного университета просвещения, действительный член Историко-родословного общества в Москве;
e-mail: al.s.sokolov@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander S. Sokolov – junior researcher, Center for Research on Problems of Library Development in the Information Society of the Russian State Library, Postgraduate student, Department of General History, Federal State University of Education, full member of the Historical and Genealogical Society in Moscow;
e-mail: al.s.sokolov@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Соколов А. С. Генеалогия дома Романовых после 1761 г. в отечественной историографии XIX – начала XX вв. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 3. С. 145–152.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-145-152

FOR CITATION

Sokolov A. S. Genealogy of the House of Romanov after 1761 in the Russian historiography of XIX – early XX centuries. In: Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences, 2024, no. 3, pp. 145–152.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-145-152

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ/ МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 321.7

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-153-166

СРАВНЕНИЕ РЕЙТИНГА ДЕМОКРАТИЧНОСТИ РЕГИОНОВ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ КАК ФАКТОР НЕОДНОРОДНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА 2020–2023 ГГ.: КОЛИЧЕСТВЕННЫЙ И КАЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗЫ

Емельянов Д. Е.

Тульский государственный университет

300012, г. Тула, ул. Болдина, д. 151, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Оценка демократического потенциала политических отношений современной России и Беларуси.

Процедура и методы. В качестве методики статьи предложено использовать социально-экономическое ранжирование совместно с результатами массового опроса регионов Беларуси, что позволит получить наиболее полный взгляд на изменения предпочтений населения и дополнит исследование.

Результаты. В целом, замечены несоответствия между региональным разделением Беларуси как унитарного государства в социально-экономическом контексте. Приграничные регионы Беларуси к России (Витебская, Могилёвская и Гомельская области), скорее, склонны оценивать отношения с Россией в более позитивном ключе. Западные регионы Беларуси (Гродненская и Брестская области) обладают чуть большим скептицизмом к России, но в целом единая международная и внешняя политика Беларуси позволяет уравновесить и сбалансировать демократические оценки в отношении России. Противоречивые результаты оценок белорусов отношений «Европа-Россия-соседи» заостряют внимание на региональной специфике и понимании разности политических взглядов по всей географии государства.

Теоретическая и/или практическая значимость. Выносятся научное предположение относительно существования разнообразных зон по оценкам уровня демократичности внутри одного политического режима на примере Беларуси. Обосновываются качественные выводы ранжирования регионов Беларуси с целью выработки рекомендаций по улучшению региональной политики Беларуси и стабилизации политического режима. Затрагиваются политические отношения России и Беларуси на современном этапе.

Ключевые слова: регионы, политический режим, демократический рейтинг, демократический индекс, авторитарный режим, демократии, Беларусь и Россия

COMPARISON OF THE DEMOCRATIC RATING OF THE REGIONS OF MODERN BELARUS AS A FACTOR OF HETEROGENEITY OF THE POLITICAL REGIME IN 2020–2023: QUANTITATIVE AND QUALITATIVE ANALYSIS

D. Emelyanov

Tula State University

ul. Boldina 151, Tula 300012, Russian Federation

Abstract

Aim. To evaluate the democratic potential of political relations between modern Russia and Belarus.

Methodology. As the methodology of the article, it is proposed to use socio-economic ranking together with the results of a mass survey of the regions of Belarus, which will allow us to get the most complete look at the changes in the preferences of the population and complement the study.

Results. In general, inconsistencies have been noted between the regional division of Belarus as a unitary state in the socio-economic context. The border regions of Belarus to Russia (Vitebsk, Mogilev and Gomel regions) tend to evaluate relations with Russia in a more positive way. The western regions of Belarus (Grodno and Brest regions) have a little more skepticism towards Russia, but in general, the unified international and foreign policy of Belarus allows us to balance democratic assessments of Russia. The contradictory results of Belarusians' assessments of the "Europe-Russia-Neighbors" relations focus on regional specifics and understanding of the difference in political views across the entire geography of the state.

Research implications. A scientific assumption is made regarding the existence of various zones according to estimates of the level of democracy within one political regime, using the example of Belarus. The qualitative conclusions of the ranking of the regions of Belarus are substantiated in order to develop recommendations for improving the regional policy of Belarus and stabilizing the political regime. The political relations between Russia and Belarus at the present stage are touched upon.

Keywords: regions, political regime, democratic rating, democratic index, authoritarian regime, democracies, Belarus and Russia

Введение

В настоящее время произошло усиление информационного поля вокруг событий, происходящих в Беларуси и России, что связано с тесным политическим, экономическим, культурным и межгосударственным сотрудничеством, а также развитием активных двусторонних отношений в условиях сближения и интеграции.

Несмотря на схожесть политических режимов этих двух стран по оценкам уровня демократичности (в частности, данных индекса демократии, социально-экономические индексы), различную картину могут показать отдельные регионы Беларуси, которые являются более авторитарными или, наоборот, более демократичными в сравнении от региона к региону. Что, с од-

ной стороны, показывает разность и весь спектр политических взглядов белорусского населения от региона к региону, а с другой – расхождение в характере и методах управления политического режима с потенциалом возникновения протестных зон (централизации и децентрализации, автономии и самостоятельности).

Предоставим качественные и количественные оценки как регионам Беларуси, так и всей Беларуси как государства, в системе международного демократического индекса и экспертных оценок [4; 5; 9].

Для начала анализа результатов исследования обратимся к данным рейтинга (ранжирования) регионов и областей Беларуси по социально-экономическому принципу.

Такие авторы, как Г. Ридевский (заведующий региональным центром по Могилёвской области Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь), А. Титов (исследователь географических, экономических и демографических трендов в городах, моногородах и районах Республики Беларусь), а также С. Баксичева, А. Девятков обратили внимание на социально-экономические характеристики (где «40» – максимальный балл, а «5» – минимальный балл. В топе экономических лидеров, согласно списку¹, г. Минск и Минская область, последние позиции занимают Глусский и Хотимский районы Могилёвской области и Лоевский район Гомельской области) [10, с. 8–16].

Г. Хацкевич, Н. Забродская [10], Е. Антипова, А. Шавель, И. Запрудский [1] в своих работах подтверждают следующие факторы:

- сохранение границ, названий и преобладание административных единиц образца 1960–1980 гг. периода позднего Советского Союза в современной Республике Беларусь;

- диспропорция географического распределения взрослого населения, производств и промышленности: в 20% районов страны сосредоточено 70% выпускаемой промышленной продукции и проживает 60% населения страны;

- экономическое расслоение центра и периферии, феномен «работающей бедности» (зарботок ок. 2 долл. США на душу населения), субурбанизации (разрастания пригородов на определённой территории с невысокими доходами).

Результаты исследований позволяют говорить о несовершенстве современного административно-территориального деления Беларуси и возможности сниже-

ния унитарных различий в пользу создания большего количества регионов с изменёнными политическими границами. Возможно, в недалёком будущем в Республике Беларусь будет рассмотрен вопрос о федеративном устройстве (учёте географического, исторического прошлого, данных о голосовании, экономическом потенциале регионов и центра).

Научная работа В. Гришина [2] позволяет расширить значения показателей и индексов в комплексе (степень удовлетворённости, уровень преступности, миграция населения, экологическая ситуация и загрязнения окружающей среды, семейное положение, безработица). Эти социально-экономические характеристики показывают зависимость к формированию уровня политического благополучия и стабильности регионов Беларуси.

Работа А. Межевича и И. Ситова [6] помогает определить барьеры и трудности развития на пути политических отношений России и Беларуси; разделить условные регионы Беларуси на депрессивные и перспективные; обозначить глобальные политические процессы, влияющие на «приграничье»; затронуть теорию «центр–периферия» для анализа приграничного пространства между Россией и Беларусью. Научная работа А. Жаброва [3], в свою очередь, исследует базовые особенности развития политического режима как категории, обосновывает сложности формирования диктатур и демократий, интерпретирует понятие президентализма и политических режимов как института. Подход автора можно применить к исследованию политического режима Беларуси, который позволит глубже оценить структуру и факторы общих и отличных факторов по отношению к политическому режиму России.

А. Суздальцев [8] подтверждает многополярность, многовекторность и противоречивость политических отношений современной Белоруссии в экономическом и политическом дискурсе.

¹ Слуцк Деловой // Лучшие и худшие районы Беларуси. 2019-2020. Электронный ресурс, URL: <https://slutsk24.by/2019/09/02/149964/> (дата обращения: 13.08.2023); Индекс демократичности субъектов России, 2020. Электронный ресурс, URL: <https://vybory-91.livejournal.com/2653676.html> (дата обращения: 13.08.2023);

Электоральные предпочтения и социально-экономические характеристики регионов Беларуси

В июле 2021 г. ВЦИОМ провёл опрос на тему «Изменение общественных настроений в Республике Беларусь. 2 волна». Было опрошено 1000 взрослых¹ из крупных городов во всех регионах Беларуси. Статистическая погрешность не должна превышать стандартные 3%².

В блоке вопросов «Поддержка действий и событий в Беларуси»:

– 25% респондентов поддерживают объединение Беларуси и России на правах одного государства, 66% – скорее, не поддерживают, 9% – не могут дать точных оценок данного действия;

– 59% поддерживают действующего президента Беларуси А. Лукашенко, 32% – скорее, не поддерживают, 9% – не могут дать точного ответа;

– 44% – не поддерживают возобновление протестов, 40% – скорее, поддерживают, 16% – не могут дать точного ответа;

– 42% – не поддерживают расширение санкций в отношении Беларуси, 45% – скорее, поддерживают, 13% – не дали точного ответа;

– 57% высказались о возможности парламентской формы республики в Беларуси, 19% – высказались резко о смене формы президентской республики, 24% – воздержались.

Итак, из результатов опроса по вопросу поддержки действий и событий в Беларуси мнения белорусов сильно полярны, разделены почти поровну, что свидетельствует о высоком самосознании, активном участии в политической жизни страны, демократичности, плюрализме мнений и критическом мышлении. В политических вопросах белорусы, возможно, скорее, проявляют больше творчества и свободы, чем россияне, и готовы делиться новыми идеями. Также отметим, что большинство белорусов не готово к созданию единого «русско-белорусского государства» на правах главенства России.

В 1990-е гг. идею возврата СССР и присоединения Беларуси к РСФСР (позднее Российской Федерации) на правах референдума воспринимали свыше 80% положительно как «собрание советских (русских) земель». Но в условиях более 20 лет независимости Беларуси и выстраивания собственных многовекторных и многополярных политических отношений население показывает самостоятельность в принятии политических решений независимо от сильного влияния, экономической поддержки и партнёрства современной России.

По блоку «международное участие и внешняя политика Беларуси» мнения белорусов распределились следующим образом:

Отношение к:	Отрицательно	Положительно
Союзному государству России и Беларуси	45%	41%
НАТО	41%	23%
США	29%	38%
России	26%	54%
Литве	24%	52%
Польше	21%	54%
Украине	17%	58%
Китаю	16%	44%
Евросоюзу	8%	53%
Молдове	6%	39%

¹ Генеральная совокупность: всё население республики Беларусь (9 200 617 чел.; из них 6 844 932 избирателей (по состоянию на 2020 г.). Выборка: 1000 избирателей взрослого населения от 18 лет в каждом регионе Беларуси с правом голоса. Период сбора данных август 2020 – июль 2021 гг. Проведён массовый опрос не менее 143 избирателей в Минской (г. Минск), Могилевской, Гродненской, Брестской, Гомельской, Витебской областях. Избиратели проживают в 129 единиц на закрепленной территории (районов, городских округов, агломераций, областей) согласно административно-территориальному делению республики Беларусь

² Проект «Досье Чернова» опубликовал результаты онлайн-опроса, который провёл ВЦИОМ по заказу МИД РФ в июле 2021 года // Пикабу: [сайт].. URL: https://pikabu.ru/story/dannyye_vtsiom_o_nastroeniyakh_v_belarusi_8563947 (дата обращения: 18.11.2023).

Рис. 1 / Fig. 1. Карта Беларуси с учётом электоральных предпочтений и социально-экономических характеристик избирателей в 2020–2021 гг. / Map of Belarus, taking into account electoral preferences and socio-economic characteristics of voters in 2020–2021

Источник: составлено автором на основе нескольких исследований

На рисунке 1 схематично представлены региональные центры Беларуси с учётом электоральных предпочтений и социально-экономических характеристик избирателей в 2020–2021 гг. Обозначены смещение, движение, развитие и изменения в электоральных предпочтениях белорусов на момент опроса 2021 г.

Чёрным цветом обозначены области с более демократическими взглядами: стремление на сотрудничество с Евросоюзом, смесь скрытых и явных оппо-

зиционных взглядов, нейтралитет или незначительное отрицание политики А. Лукашенко как действующего президента Беларуси, примирение и нейтральные экономические и политические отношения с Россией, но в то же время отсутствие яркой пророссийской позиции.

К таким областям относятся: центр г. Гродно, центр г. Бреста (без периферии), окраина Минской области (отдельные случаи, не полностью).

Явные предпочтения в западно-либеральных и демократических взглядах: сотрудничество и активная кооперация с Евросоюзом, стремление поддерживать явный курс на евроинтеграцию, антироссийские настроения, высокая степень оппозиционных взглядов, открытое и явное отрицание политики А. Лукашенко как президента Республики Беларусь, характерны центру г. Минска и Минской области (не полностью, а лишь либерально настроенный укрупнённый кластер избирателей), северо-западу Витебской области при границах с Литвой и Латвией, окраине Брестской области, г. Гродно и Гродненской области при границах с Польшей и Украиной. В период 2022–2023 гг. центр Минска и Минская область значительно стабилизировались в умеренности взглядов, и протестная активность полностью сошла на нет.

Минск здесь является примером активной политической, экономической и социальной жизни белорусов как столица и геополитический центр Беларуси. В Минске сосредоточены, пожалуй, наиболее яркие, острые и противоречивые политические взгляды избирателей. Сами избиратели Минска показывают наиболее активное вовлечение в политическую жизнь Беларуси.

Электоральные предпочтения кластера – условной трансграничной (переходной) линии между ориентацией на Евросоюз и Союзным государством (Россией) – трудно институционализировать и интерпретировать. Стоит отметить, что вероятно, существует кластер не определившихся (т. н. «серая зона» избирателей, которые не учтены или не выражают политических предпочтений, являются аполитичными). К таким регионам относится окраина Витебска, часть северо-восточной территории Минской области, юго-западная территория Гомельской и Могилёвской областей.

Серым цветом выделены зоны с открытыми пророссийскими взглядами, центризмом, умеренной позицией: со-

трудничество с РФ, активная кооперация Союзного государства, ориентация на СНГ и ОДКБ, высокая поддержка А. Лукашенко как действующего президента, одобрение действий В. Путина как лидера государства-соседа и союзного государства.

Поскольку электоральные предпочтения избирателей являются динамичными и подвижными, то стоит зафиксировать некоторые изменения в Беларуси за 2022–2023 гг. (рис. 2) относительно предыдущего периода.

В ряде регионов Беларуси произошло ослабление явных западно-либеральных и демократических предпочтений среди населения, стабилизировались взгляды всей Белоруссии в поддержке действующего политического курса и ослаблении действий оппозиции¹.

Так «красный пояс» (серая область) – усиление поддержания отношений с Россией, укрепление экономического, политического и социального пространства Беларуси и России (при повышении частоты межгосударственных контактов лидера Беларуси А. Лукашенко и президента РФ В. Путина) – активно проявляется в Гомельской и Минской областях, менее – в Брестской и Гродненской. Восточная часть Беларуси (Могилёвская, Гомельская, Витебская области) стабилизировала и усилила тенденции на российскую интеграцию. Об этом свидетельствует не только частота контактов, но и рост экспорта товаров и продукции, направленных в Россию².

Стоит отметить, что после протестных событий 2020–2021 гг. в Беларуси в Минске и Минской области ослабли антироссийские тенденции, оппозиционные настроения из скопления и опасной

¹ Восемь рисков для белорусской экономики. Что важно знать // РБК: [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/01/09/2020/5f4a734a9a79477fa015e387> (дата обращения: 13.08.2023).

² В Белоруссии сообщили о рекордном объеме экспорта в Россию в этом году // РИА Новости: [сайт]. URL: <https://ria.ru/20221224/eksport-1841102386.html> (дата обращения: 06.08.2023).

Рис. 2 / Fig. 2. Карта Беларуси с учётом электоральных предпочтений и социально-экономических характеристик избирателей в 2022–2023 гг. / Map of Belarus taking into account electoral preferences and socio-economic characteristics of voters in 2022–2023

Источник: составлено автором

концентрации перешли в рассеивание. Подобная картина произошла в западных регионах – Брестской и Гродненской областях. Добавим, что европеизированные взгляды (евроинтеграция как идеология в целом, сотрудничество с пограничными странами Польшей, Литвой, Латвией) стали носить скрытый характер.

В оценке уровня демократичности регионов Беларуси (табл. 1) на I этапе использовались следующие показатели:

– количество промышленных объектов;

– количество избирателей в регионе (с учётом самых и менее населённых регионов);

– упоминаемость регионов в СМИ Беларуси и России¹;

– избирательный процесс (оценка результатов выборов в регионах; среди лидеров потенциала оппозиционности – Минск и Гродно);

¹ Подсчёт упоминаний регионов в 2020–2023 гг. проводился в поисковой системе Яндекс регионов с 2020 по 2023 гг. Традиционно по количеству упоминаний лидирует Минск и Минская область, затем Гродно и Брест, Могилёв.

– политическое участие (явка на выборах в регионах; среди лидеров – Витебск, Могилёв, Брест, Гомель, в антилидерах – Минск, Гродно).

Оценки от 1 до 10, где 10 – самая высокая степень демократичности политического режима, а 1 – самая низкая степень. Оценка «10 баллов» отсутствует по разным существенным причинам как вероятно достижимая, но идеальная и моделируемая.

«10» – самая высокая – демократизированный регион с отсутствием явных проблем;

«9» – высокая – достаточно демократизированный регион с незначительными проблемами;

«8» – скорее, высокая – скорее, демократизированный регион с незначительными проблемами;

«7» – скорее, не полностью демократизированный регион – присутствуют некоторые проблемы без сильного влияния;

«6» – не полностью демократизированный регион – присутствуют проблемы к разрешению;

«5» – смешанный (гибридный) регион с чертами демократических и авторитарных проявлений – присутствует перечень проблем и вызовов общества к потенциальному разрешению;

«4» – слабо демократизированный регион с явными чертами авторитарных проявлений – во многих сферах требуется реформирование и разрешение слабого демократического управления;

«3» – слабо демократизированный регион со значительным перевесом авторитарных черт, возможной имитацией демократических процедур;

«2» – скорее полностью авторитарный регион с имитацией демократических процедур – значительными проблемами во всех сферах;

«1» – полностью авторитарный регион с отсутствием демократических проявлений и полной имитацией демократических процедур.

Таблица 1 / Table 1

Оценка уровня демократичности регионов Беларуси 2020–2023 гг. / Assessment of the level of democracy of the regions of Belarus in 2020–2023

Регион Беларуси	Оценка уровня демократичности 2023 (2020)
Минск и Минская область	4 (-1)
Гродненская область	3 (+0)
Брестская область	3 (-1)
Витебская область	2 (-1)
Могилёвская область	2 (+0)
Гомельская область	2 (+0)
Беларусь в целом	2,6 (2,33)

Итак, мы видим, что Минск и Минская область в унитарном президентском (персоналистском) государстве Беларуси остаётся лидирующим регионом в оценке наиболее демократизируемых с явным доминированием авторитарных черт с оценкой от «3» до «4» в периоде 2020–2023 гг.

Наиболее открытые, прозрачные, социально-политически многообразные регионы среди в целом слабо демократизированных с учётом перевеса авторитарных черт после Минска и Минской области – Гродненская и Брестская с оценками «3».

Гомельская, Витебская и Могилевская области значительно уступают в качестве городской среды, экономическим ограничениям и получили оценки «2».

Беларусь в целом получила оценку 2,6 (что улучшило показатели социальной и политической динамики) по сравнению с предыдущими показателями

Чувствительность шкалы отмечена как достаточная, гибкая, широкая. Категоричные данные в разрезе «только 1» и «только 10» не принимались. Условный спектр «5» иллюстрирует примерно в равной степени сочетание авторитарных и демократических характеристик регионов политического режима Беларуси.

Большинство регионов унитарной Беларуси получили оценки от «3» до «4», что соответствует невысокому проявлению демократизации регионов, несамостоятельности относительно центра управления (Минска) и слаженному демократическому фасаду.

Демократические институты присутствуют и ведут работу с целью сохранения устойчивости и определённости политического режима республики Беларусь в целом, нежели выполняют полный демократический функционал – выборность и коллегиальность в регионах, сменяемость власти, плюрализм мнений, наличие оппозиции и альтернативных политических партий, реформирование местного законодательства и др. Региональные черты проявляются пассивно и неярко, встроены в отлаженную политическую систему действующего режима Беларуси, заметен явный перевес центра и снижение влияния периферии.

На II этапе рассматривались качественные показатели для оценки и анализа регионов современной Беларуси:

1. прозрачность принимаемых решений на уровне региона и страны (полностью прозрачная, скорее прозрачная, частично прозрачная, скорее непрозрачная, непрозрачная);

2. открытость к изменению, реформам, кооптации, сотрудничеству, реструктуризации (полностью открытая, скорее открытая, частично открытая, скорее неоткрытая, неоткрытая);

3. идейное и социально-политическое многообразие: СМИ, региональные организации и объединения, политические партии, оппозиция, конфессии и этносы (полностью многообразный и разнообразный, скорее, многообразный и разнообразный, частично многообразный и разнообразный, скорее, не многообразный и разнообразный, не многообразный и разнообразный);

4. комфортность городской среды и качества жизни (полностью комфортный, скорее, комфортный, частично ком-

фортный, скорее, некомфортный, некомфортный);

5. сопротивляемость внутренним и внешним вызовам/угрозам (полностью сопротивляемый и концентрирует сохранение, скорее, склонный к сопротивлению, частично склонный к сопротивлению и сохранению, скорее, склонный к сопротивлению и сохранению, полностью сохраняемый).

На экспертные оценки в среднем «от 3 до 4» сильно влияет характер президентской (президенталистской) системы на территории всей Беларуси. Поэтому регионы не сильно отличаются в интерпретации результатов исследования.

Минск и Минская область часто считается более демократичным регионом Беларуси по нескольким причинам.

Политический и консолидирующий фактор: Минск – это столица страны, где расположены правительственные учреждения и важные политические институты. Это влияет на более широкий диапазон политических взглядов, а также обеспечивает больше политической и культурной активности.

Экономическая динамика и торговля: Минск – крупнейший экономический центр Беларуси, где расположены многие промышленные и коммерческие предприятия. Это создаёт более разнообразные экономические возможности, привлекает иностранных инвесторов и способствует большей свободе предпринимательства.

Культурная среда и интеграция: Минск имеет богатую культурную сцену, где проводится множество мероприятий и фестивалей. Больше открытых и прогрессивных идей может быть выражено и обсуждено в такой культурной среде, что влияет на политическое и социальное развитие.

Минск, согласно количественной оценке уровня демократичности, получил оценку «4». Являясь столицей и крупнейшим городом Беларуси, Минск имеет наиболее сильный и стратегиче-

ски определяющий потенциал. В столице традиционно сосредоточены различные мнения и общественные силы¹, которые периодически заявляют о себе (Союз писателей Беларуси, Благотворительное общественное объединение «Мир без границ», Белорусское общество Красного Креста, Белорусская общественная организация солдатских матерей – Республиканский комитет, Белорусское общество охраны природы и многие другие) [7].

Важно отметить, что даже в Минске есть незначительные ограничения на многообразие и демократические процессы, как и в других регионах Беларуси. Конкретная оценка демократичности региона может различаться в зависимости от мнения и параметров, которые используются для его измерения.

Исследование показало, что уровень демократичности в целом по Беларуси, с учётом региональных проявлений, составляет 2,33–2,66 балла. Этот показатель говорит о том, что требуются улучшение и изменение региональной политики, а также пересмотр вектора централизованного управления на более гибкую и децентрализованную модель. Стоит заметить, что регионы Беларуси также нуждаются в увеличении экономической и социальной автономии от центра при общем политическом согласии и консолидации вокруг фигуры президента и централизованных политических институтов власти.

Что же определяет такой уровень оценки?

Во-первых, сильно влияние президентской системы на политические институты в государстве. По экспертным оценкам (А. Жабров, А. Межевич,

С. Кислицын, М. Терентьева) современной республике Беларусь присущи черты автократизма, персонализма и президенталистского режима с явным перевесом полномочий в сторону президента как основной фигуры принятия и легализации политических решений. Это означает, что президент становится центральным управляющим в системе политических и межгосударственных отношений, остаётся звеном консолидации внутренних политических элит в регионах, гарантом стабильности и сохранения действующего политического режима. Стоит предположить, что сильный регионализм в Беларуси подавляется, чтобы избежать потенциальных сепаратистских и экстремистских настроений для последующей дестабилизации страны и политического режима.

В частности, А. Жабров и А. Межевич отмечали широту неформального взаимодействия между президентами России и Беларуси по самым разнообразным вопросам: совместной обороны, культурной и территориальной связи, экономической интеграции, организации единого экономического пространства, безопасности и преодоления всевозможных кризисов и т. д.

В условиях специальной военной операции с 2022 г. частота контактов (формальных и неформальных) между двумя президентами увеличилась в 3 раза, что повысило торговую и экономическую активность.

Во-вторых, отметим явный перевес государственных и квазигосударственных организаций и объединений в Республике Беларусь². По оценке информационного портала РБК, на 2020 г. доля государства во всей экономике Беларуси составляет 70,2%. Этот показатель выше

¹ Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 N 430-р (ред. от 29.10.2022) «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» // СПС Консультант Плюс: [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411064/e8730c96430f0f246299a0cb7e5b27193f98fdaa/ (дата обращения: 02.07.2023).

² Общественные организации Минска // BelarusInfo: [сайт]. URL: <https://www.belarusinfo.by/ru/poisk/общественные%20организации%20минска.html> (дата обращения: 13.08.2023); Промышленные предприятия Беларуси // Factories: [сайт]. URL: <https://factories.by/city/mogilev> (дата обращения: 13.08.2023).

доли государственного участия в компаниях России в среднем на 13–15%, что может свидетельствовать об излишнем участии государства «сверху» (активном патронаже) при принятии политических и экономических решений. Возможно, это негативно скажется на общем индексе демократичности государства, региональной активности, стремлении к развитию регионального бизнеса в ответ на формирование единой цепочки связи и естественных государственных и квази-государственных монополий.

Витебскую, Могилёвскую и Гомельскую области можно охарактеризовать как полностью авторитарные регионы с отсутствием демократических проявлений и полной имитацией демократических процедур. Такие результаты (1–2 балла) говорят о недостаточном уровне демократичности в регионе, большом количестве государственных предприятий или предприятий с большой долей госучастия в данных регионах (57 – в Витебске, 86 – в Гомеле, 67 – в Могилёве), территориальном соседстве с Россией и, как следствие, зависимости от экспорта и импорта двухсторонних отношений, большей частоте экономических связей, невысоком уровне качества жизни и комфорта городской среды. Согласно качественным характеристикам социально-экономической составляющей (индексы и рейтинги качества жизни) этих областей ниже других регионов Беларуси¹.

Брестская и Гродненская области (3 балла) показывают неплохую динамику социально-экономического развития (порядка 161 предприятия располагается в Брестском районе, кроме того, территория Бреста и Брестского района входит в крупнейшую в стране свободную экономическую зону с учётом налоговых и таможенных преференций для национальных и иностранных предпри-

ятий). В Гродненском районе большую долю занимают обрабатывающие и сельскохозяйственные предприятия (до 48% в стране).

Отметим несколько причин, которые могут объяснить относительное более низкое развитие Гомельской, Витебской и Могилёвской областей Беларуси по сравнению с другими регионами страны.

Географическое положение: одним из ключевых факторов является близость к российской границе, которая приводит к ограниченным возможностям для экономического развития торговых отношений с другими странами.

Инфраструктура: отсутствие хорошо развитой транспортной инфраструктуры (автодорог, железных дорог, аэропортов) может затруднять привлечение инвестиций и развитие регионального бизнеса.

Промышленная специализация: в этих регионах преобладают традиционные отрасли: сельское хозяйство и тяжёлая промышленность (угольная, металлургическая), которые могут быть менее конкурентоспособными и менее привлекательными для инвесторов. Стоит отметить некоторое ограничение при выборе промышленности.

Миграция рабочей силы: из-за неравномерного развития страны и недостатка рабочих мест многие молодые и специалисты уезжают из этих регионов в более крупные города (например, Минск), что может приводить к дальнейшему снижению развития.

Таким образом, в разрезе анализа регионов Беларуси Минск, Гродненская и Брестская область в 2020–2021 гг. являлись потенциальными очагами возникновения протеста, что показывало неоднородность распространения политического режима. Могилёвская, Гомельская и Витебская области показали приверженность консервативной традиции и минимизацию протестных возмущений. В динамике 2020–2023 гг. показатель Минска и Минской области укрепился в качестве центра принятия региональных

¹ Гришина В. О. Подходы к изучению качества жизни в регионах Республики Беларусь // Бухгалтерский учет и анализ. 2021. № 11. С. 31–38.

и государственных политических решений. Брестская и Гродненская области показывают неплохую динамику развития и рассматриваются как локомотивы 2 уровня Беларуси после столицы. Показатели Могилёвской, Витебской, Гомельской областей незначительно опустились, что существенно не повлияло на концентрацию политического режима.

В Беларуси были отмечены как зоны «западно демократического» распространения идей среди электоральных предпочтений, так и зоны «стабилизации и консервативных взглядов» в системе методов управления, применяемых органами власти.

Заключение

На примере Беларуси показано значение исследования региональной политики и межсубъектных связей при анализе как административно-территориального деления, так и условной регионализации (районирования).

Стоит добавить, что поддержание экономических связей с западными странами стало минимальным. В 2022–2023 гг. на Беларусь были наложены экономические и политические санкции со стороны Евросоюза по причинам поддержки специальной военной операции и сотрудничества с Россией. Беларусь выступила гарантом безопасности территориальной и политической целостности России во время действий ЧВК «Вагнер» 23–24 июня 2023 г.¹.

С 2022 г. торговые и экономические отношения Беларуси и России укрепились. В выборе системы управления Беларусь стала более ориентироваться на Россию и сохранение советского прошлого как единой объединяющей парадигмы².

¹ Вооруженный мятеж Пригожина // Фон-танка.Ру: [сайт]. URL: <https://www.fontanka.ru/2023/06/26/72434885/> (дата обращения: 02.07.2023).

² Лукашенко рассказал о проекте с гарантиями безопасности для ЧВК «Вагнер» // РБК: [сайт]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/06/2023/649725c79a794732bae06fd1> (дата обращения: 02.07.2023).

Проведённое исследование позволило увидеть неоднородность политического режима как в контексте одной страны, так и отдельных регионов со своими особенностями социально-экономического и политического развития.

Отдельно отметим, что недостаточное использование инноваций и новых технологий в современной Белоруссии: отсутствие инвестиций в научные и исследовательские центры, а также низкая степень международной интеграции могут затруднять развитие современных и высокотехнологичных отраслей в большинстве регионов.

В дальнейшем трудно прогнозируемые события («чёрные лебеди») необходимо рассматривать с позиции многочисленных связей политических режимов России и Беларуси (и их отдельно взятых регионов): мятежи, перевороты, кризисы. Фактор региональной специфики и регионализма показывает наиболее полную и разнообразную картину формирования и развития социально-политических, экономических, культурных, этнических и иных связей.

Несмотря на унитарное административно-территориальное деление и президенталистский характер управления, Беларусь имеет некоторую региональную специфику. Опыт региональных исследований Беларуси поможет учитывать факторы предотвращения дестабилизации в регионах и всестороннего развития.

Данные подобных исследований могут показать готовность и группировку политического режима Беларуси к непредвиденным событиям, потенциальную неоднородность родственных политических режимов двух государств-соседей, неравномерное распределение районирования Беларуси, возможность потенциала создания новых регионов (их выделения или объединения) по социально-экономическому и политическому принципу.

Дата поступления в редакцию 20.12.2023

ЛИТЕРАТУРА

1. Антипова Е. Шавель А., Запрудский И. Экономико-географические и социально-экономические различия регионов Республики Беларусь как основа совершенствования административно-территориального деления // Журнал Белорусского государственного университета. География. Геология. 2019. № 1. С. 3–21.
2. Гришина В. О. Подходы к изучению качества жизни в регионах Республики Беларусь // Бухгалтерский учет и анализ. 2021. № 11. С. 31–38.
3. Жабров А. К вопросу о базовых моделях института президентализма в демократизирующихся политических системах // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2013. № 2. С. 87–96.
4. Залесский Б. Вектор постсоветской интеграции. Взгляд из Беларуси. Beau Bassin: Palmarium Academic Publishing Corp., 2019. 268 с.
5. Кислицын С., Тереньева М. Авторитаризм как имманентная закономерность развития стран постсоветского пространства в ареале евразийской цивилизации // Власть. 2021. № 1. С. 36–44.
6. Межевич А. Н., Ситов И. П. Приграничное сотрудничество Российской Федерации и Республики Беларусь: проблемы развития в новых экономических и политических условиях // Управленческое консультирование. 2023. № 6. С. 137–144.
7. Ридевский Г. Центр-периферийные процессы и развитие регионов Беларуси. Минск: БелНИИ-ИТ «Транстехника», 2020. 346 с.
8. Суздальцев А. Республика Беларусь: эволюция политики балансирования между Востоком и Западом // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 2. С. 117–137.
9. Титов А. Интегральная оценка экономико-географического положения моноиндустриальных городов Беларуси // Социально-экономическая география в XXI веке: новые реалии и практические возможности: материалы междунар. науч.-практ. конф. / гл. ред. Е. А. Антипова, А. П. Безрученко, А. В. Дыдышко. Минск: БГУ, 2022. С. 135–140.
10. Хацкевич Г. А., Забродская Н. Г. Социально-экономические факторы, обосновывающие актуальность изменения административно-территориального деления Республики Беларусь // Бизнес. Инновации. Экономика: сб. науч. ст. / под ред. Г. А. Хацкевича и др. Минск, 2019. С. 8–16.

REFERENCES

1. Antipova E., Shavel A., Zaprudskij I. [Economic and geographical and socio-economic differences of regions of the Republic of Belarus as a basis for improvement of administrative-territorial division]. In: *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Geografiya. Geologiya* [Journal of the Belarusian State University. Geography and Geology], 2019, no. 1, pp. 3–21.
2. Grishina V. O. [Approaches to studying the quality of life in the regions of the Republic of Belarus]. In: *Bukhgalterskiy uchet i analiz* [Accounting and analysis], 2021, no. 11, pp. 31–38.
3. Zhabrov A. [Essential forms of presidentialism institutions in democratized political systems]. In: *Lokus: lyudi, obshchestvo, kultura, smysly* [Locus: people, society, cultures, meanings], 2013, no. 2, pp. 87–96.
4. Zalesky B. *Vektor postsovetsoy podderzhki. Vzglyad iz Belarusi* [Vector of post-Soviet integration. A view from Belarus]. Beau Bassin, Palmarium Academic Publishing Corp., 2019. 268 p.
5. Kislytsyn S., Terentyeva M. [Autocracy as an immanent pattern of the development of the post-Soviet countries in the area of Eurasian civilization]. In: *Vlast* [Authority], 2021, no. 1, pp. 36–44.
6. Mezhevich A. N., Sitov I. P. [Cross-border cooperation between the Russian Federation and the Republic of Belarus: development problems in new economic and political conditions]. In: *Upravlencheskoye konsultirovaniye* [Administrative consulting], 2023, no. 6, pp. 137–144.
7. Ridevsky G. *Tsentro-periferiynnye protsessy i razvitiye regionov Belarusi* [Center-peripheral processes and development of regions of Belarus]. Minsk: BelNIIT "Transtekhnika" Publ., 2020. 346 p.
8. Suzdaltsev A. [The Republic of Belarus: the evolution of the policy of balancing between East and West]. In: *Kontury globalnykh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo* [Outlines of global transformations: politics, economics, law], 2019, vol. 12, no. 2, pp. 117–137.

9. Titov A. [Integral assessment of the economic and geographical position of mono-industrial cities of Belarus]. In: Antipova E. A., Bezruchenok A. P., Dydysko A. V., eds. *Sotsialno-ekonomicheskaya geografiya v XXI veke: novyye realii i prakticheskiye vozmozhnosti* [Social and economic geography in the 21st century: new realities and practical opportunities: materials of the international]. Minsk, BSU Publ., 2022, pp. 135–140.
10. Khatskevich G. A., Zabrodskaya N. G. [Socio-economic factors that justify the actual changes of administrative and territorial division of the Republic of Belarus]. In: Khatskevich G. A. et al., eds. *Biznes. Innovatsii. Ekonomika* [Business. Innovation. Economics]. Minsk, 2019, pp. 8–16.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Емельянов Даниил Евгеньевич – аспирант кафедры социологии и политологии Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета;
e-mail: wwwdaem@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Daniil E. Emelyanov – Postgraduate student, Department of Sociology and Political Science of the Institute of Humanities and Social Sciences, Tula State University;
e-mail: wwwdaem@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Емельянов Д. Е. Сравнение рейтинга демократичности регионов современной Беларуси как фактор неоднородности политического режима 2020–2023 гг.: количественный и качественный анализы // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 3. С. 153–166.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-153-166

FOR CITATION

Emelyanov D. E. Comparison of the democratic rating of the regions of modern Belarus as a factor of heterogeneity of the political regime in 2020–2023: quantitative and qualitative analysis. In: Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences, 2024, no. 3, pp. 153–166.

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-153-166

УДК 321.011; 339.972

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-167-176

FOOD SOVEREIGNTY POLICY IN THE REPUBLIC OF ECUADOR: SPECIFICS OF FORMATION AND IMPLEMENTATION

A. Malov*Russian State University for the Humanities**Miusskaya pl. 6, Moscow 125047, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify and characterize the features of the formation and implementation of the food sovereignty policy in the Republic of Ecuador.

Methodology. With the help of a retrospective analysis, the author identified the reasons for the integration of the concept of Food sovereignty into the legal space of the Republic of Ecuador. The method of unity of the logical and historical was used to determine the role of the New social movements in the process of institutionalization of the idea of Food sovereignty. Using the method of comparative analysis, the author determined the discursive similarity between the idea of Food sovereignty and the principles of Andean cosmogony. Using the method of secondary data analysis and an institutional approach, official documents of the state were studied and classified, authorized executive authorities were identified, specialized programs contributing to the implementation of the food sovereignty policy were described.

Results. According to the results of the study, the author concluded that the policy of food sovereignty is contradictory, characterized by asymmetry in land ownership, financial prioritization of large agri-industrial business, monopolization of sales markets and export-oriented production of "flex crops".

Research implications. The author identified the key aspects of the state's food sovereignty policy, noted its strengths and weaknesses, outlined the contours of further development. The forecast of four alternative scenarios for the development of the Ecuadorian food system until 2030 is presented.

Keywords: Ecuador, Latin America, food sovereignty, food regime, food security, globalization, international relations, world politics

ПОЛИТИКА ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА В РЕСПУБЛИКЕ ЭКВАДОР: СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ

Малов А. В.*Российский государственный гуманитарный университет**125047, г. Москва, Миусская пл., д. 6, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Определить и охарактеризовать особенности формирования и реализации политики продовольственного суверенитета в Республике Эквадор.

Процедура и методы. С помощью ретроспективного анализа были установлены причины интеграции концепции продовольственного суверенитета в конституционно-правовое поле Республики Эквадор. Опора на метод единства исторического и логического способствовала определению роли «Новых социальных движений» в процессе институционализации идеи продовольственного суверенитета. При помощи метода компаративного анализа была зафикс-

сирована дискурсивная близость между идеей продовольственного суверенитета и принципами Андской космогонии. С помощью метода анализа вторичных данных и институционального подхода были изучены и классифицированы официальные документы государства, определены уполномоченные органы исполнительной власти и описаны профильные программы, способствующие реализации политики продовольственного суверенитета.

Результаты. По итогам исследования сделан вывод о непоследовательной траектории политики продовольственного суверенитета, характеризующейся асимметрией в землевладении, финансовой приоритезацией крупного агропромышленного бизнеса, монополизацией рынков сбыта и экспортоориентированным производством «гибких растительных культур».

Теоретическая и/или практическая значимость. Отмечены ключевые аспекты политики продовольственного суверенитета, выявлены её сильные и слабые стороны, очерчены контуры дальнейшего развития. Представлена прогностическо-иллюстративная модель четырёх альтернативных сценариев развития продовольственной системы Эквадора до 2030 г.

Ключевые слова: Эквадор, Латинская Америка, продовольственный суверенитет, продовольственный режим, продовольственная безопасность, глобализация, международные отношения, мировая политика

Introduction

Today, despite scientific and technological progress, about 800 million people on our planet do not have enough quality food for their active and healthy life [7, p. v]. The problem of food shortage remains relevant for 6.5% of residents of such a dynamically developing historical and geographical region as Latin America and the Caribbean [8, p. 6]. The Republic of Ecuador is one of the leaders of this negative regional trend owing to the fact that 15% of its population suffers from hunger and malnutrition [9, p. 144]. The state authorities used the strategy of Food sovereignty [3, c. 667–668; 19, c. 164; 20, c. 91; 21, c. 113] as an experimental solution capable of correcting the current negative situation. Actually, this article will be devoted to the study of the main components of the food sovereignty policy.

The political and economic background

The institutions of Global governance, using the formulas of the Green Revolution and Structural adjustment programs (SAPs), stimulated the inclusion of Ecuador in the system of international division of labor, giving it the status of an exporter of “exotic goods” [14, p. 112]. The Ecuadorian authorities, observing the principles of the Washington Consensus, activated the De-regulation

option, which favored the import of basic foodstuffs. Thus, in the period between the 1980s and the 1990s, Ecuador confidently advanced towards the modernization of the domestic agricultural sector based on the cultivation of monocultures and the consolidation of “agri-food elites” engaged in the export of such exquisite goods as cocoa, shrimp, bananas and flowers [13, p. 1204]. In the process of large-scale reconstruction of the agricultural sector, state support for small farmers (whose activity was aimed at producing food for the domestic market) sharply decreased, following a decrease in prices for their products. The changed vector of national interests of the Ecuadorian government led to the exclusion of peasants from the general process of “renovation” of the agri-food sector of the state, reoriented to capital-intensive technologies and market competition. For a country where a third of the population historically lives in rural areas (Fig. 1), the process of “agri-food globalization” has accelerated the marginalization of villagers.

A long cycle of neoliberal transformations aimed at privatizing ecosystems and opening up the domestic economy for the benefit of market conditions ultimately caused a surge of public indignation and provoked an impulse of large-scale social mobilization.

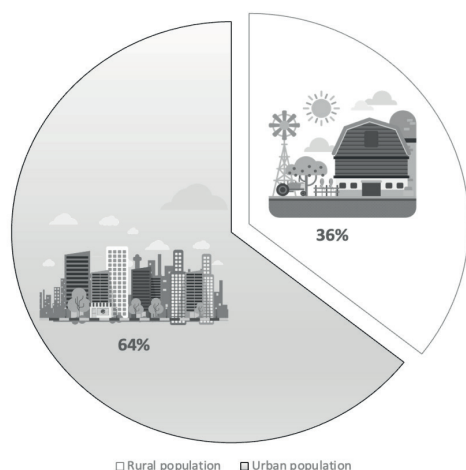

Fig. 1 / Рис. 1. The proportion of urban and rural population in The Republic of Ecuador in 2021 / Соотношение городского и сельского населения в Республике Эквадор (в % на 2021 г.)

The source: FAO. The Food and Agriculture Organization Corporate Statistical Database.

Abstract at: <https://www.fao.org/faostat/en/#country/58> (accessed: 19.03.2024)

Food sovereignty: from social mobilization to constitutional integration

In the 1990s, the so-called “New social movements” expressed a concentrated public distrust of the policies conducted by the Ecuadorian authorities [11, p. 41]. The participants of the “New social movements” were new elements previously excluded from the socio-political process: representatives of indigenous peoples, environmentalists, supporters of gender equality. The key factors that raised the degree of social tension, accelerated the process of social involvement, were: financial debt; reduction of social security spending; uneven distribution of wealth; tax evasion; the collapse of the domestic food market; widespread corruption; oppression and deportation of indigenous peoples; destruction of the ecological fund of the country [13, p. 1204]. The main claims of the new associative interest groups affected the following range of problems: access to land, legalization and protection of ancestral territories, bilingual education and the

polyethnicity of the nation [4, p. 337–357]. In this ultimatum context, the idea of Food sovereignty has been established as a general political guideline for the so-called “Mega bloc” – a quartet of the most authoritative public organizations in the country (*FENOCIN*, *CONFEUNASSC*, *CNC-EA*, *FENACLE*) [24, p. 39].

The rallying of the leaders of this association led to the establishment of the Agrarian Committee (*Span.* – *Mesa Agraria*) – a special organization that became a political associative space (*Span.* – *Espacio de encuentro*) [27, p. 29]. The culmination of *Mesa Agraria*’s political activity was the signing of an “electoral pact” with the future President of the country (R. Correa), who promised to carry out an “Agrarian revolution” based on the principles of Food sovereignty [15, p. 33–55]. The symbol of the restrained promises was the fact that in the twentieth Constitution of Ecuador, food sovereignty was enshrined as a legal instrument (Article No. 281), with the help of which the new President R. Correa launched the project of “Integral Agrarian Reform” – a comprehensive solution to historically dramatic problems for the country related to social, economic, natural-ecological, ethnic and cultural-linguistic aspects [23, p. 49–54].

Food sovereignty as a component of the Andean cosmogony

The process of incorporation of the principles of Food sovereignty into the legal space of Ecuador was synchronized with the procedure of institutionalization of the concept of “Good life” (*Span.* – *Buen Vivir* [1, p. 50; 25, p. 77]), based on the basic American Indian principles (justice, equality, honor and solidarity) [26, p. 104]. In accordance with the Andean cosmogony (religious and scientific ideals of the ancient Indians of Latin America), the concept of *Buen Vivir* translates the widespread moral sanctions of the joint life of individuals and produces a model of harmonious coexistence of man, society and nature (*Fig. 2*).

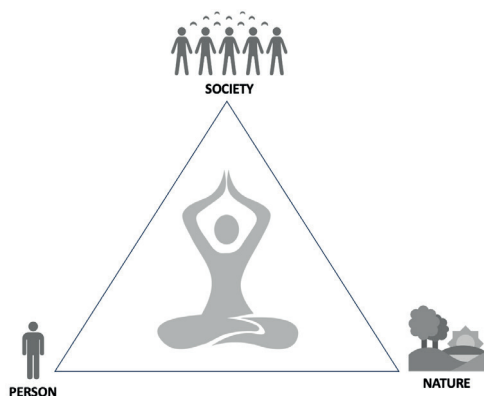

Fig. 2 / Рис. 2. The trinitarian model of harmonious coexistence of man, society and nature / Тринитарная модель гармоничного сосуществования человека, общества и природы

The source: compiled by the author

This is an innovative ontological understanding of the relationship between human will and the supernatural force of nature, recognizing their mutual penetration and suggesting overcoming the so-called “Metabolic rift” (the distance between a rural producer and an urban consumer of food [10, p. 380]), which is an integral part of capitalism. According to this point of view, “Nature” becomes a subject of law and exists not as an “external” factor of production, subordination and exploitation, but as an “immanent” element of heritage, respect and reproduction of life. It is necessary to add that the achievement of *Buen Vivir* implies overcoming the discursive hegemony of such classical Western ideas as development, consumer individualism and accumulation due to economic growth.

Conceptual resistance leads to the fact that *Buen Vivir* is understood not as an “alternative development”, but rather as an “option to the idea of development” that goes beyond the framework of modern Eurocentrism. Thus, the Indianist idea of *Buen Vivir*, based on the triumph of the “economy without growth”, as well as on the principles of ecocentrism, communitarianism, egalitarianism, pluralism and biological socialism, seems to be an organic complement to the strategy of food sovereignty, based on the principles of coevolutionism, polycentrism,

multiculturalism, environmentalism, protectionism, anti-liberalism, alter-globalization and anti-imperialism.

Food sovereignty: a course towards institutionalization

It is not surprising that the idea of food sovereignty has become a legal instrument used by the Government of Ecuador to achieve a *Buen Vivir* for the entire population of the country. Thus, the status of food sovereignty in cooperation with *Buen Vivir* was officially enshrined not only in the “Constitution of the state” (Article No. 281¹) and in the “Organic law” (Article No. 22²), but also in the “National development plans” by three presidents of the state: Rafael Correa (in 2007³, in 2009⁴ and in 2013⁵), Lenin Moreno (in 2017⁶) and Guillermo Lasso (in 2021⁷). At the same time, spe-

¹ Constitución de la República del Ecuador 2008. Abstract at: <https://www.acnur.org/fileadmin/Documentos/BDL/2008/6716.pdf> (accessed: 31.08.2023).

² Ley Orgánica del Régimen de Soberanía Alimentaria (LORSA), No. 583 de 5 de mayo de 2009. Abstract at: <https://foalex.fao.org/docs/pdf/ecu88076.pdf> (accessed: 31.08.2023).

³ Gobierno Nacional de la Republica del Ecuador. Plan Nacional de Desarrollo 2007–2010. Quito. 2007. Abstract at: <http://www.planificacion.gob.ec/wp-content/uploads/downloads/2013/09/Plan-Nacional-Desarrollo-2007-2010.pdf> (accessed: 31.08.2023).

⁴ Gobierno Nacional de la Republica del Ecuador. Plan Nacional de desarrollo Plan Nacional para el Buen Vivir 2009-2013: Construyendo un Estado Plurinacional e Intercultural Versión Resumida. Quito. 2009. Abstract at: [http://www.planificacion.gob.ec/wp-content/uploads/downloads/2012/07/Plan_Nacional_para_el_Buen_Vivir_\(version_resumida_en_espanol\).pdf](http://www.planificacion.gob.ec/wp-content/uploads/downloads/2012/07/Plan_Nacional_para_el_Buen_Vivir_(version_resumida_en_espanol).pdf) (accessed: 31.08.2023).

⁵ Gobierno Nacional de la Republica del Ecuador. Buen Vivir Plan Nacional 2013-2017. Quito. 2013. Abstract at: https://www.unicef.org/ecuador/Plan_Nacional_Buen_Vivir_2013-2017.pdf (accessed: 31.08.2023).

⁶ Gobierno Nacional de la Republica del Ecuador. Plan Nacional para el Buen Vivir 2017-2021. Quito. 2017. Abstract at: https://extranet.who.int/countryplanning-cycles/sites/default/files/planning_cycle_repository/ecuador/ecu_plan_nacional_buen_vivir_2017_2021.pdf (accessed: 31.08.2023).

⁷ Gobierno Nacional de la Republica del Ecuador. 2021. Plan de Creación de Oportunidades 2021-2025. Quito. 2021. Abstract at: https://observatorioplanificacion.cepal.org/sites/default/files/plan/files/Plan-de-Creación-de-Oportunidades-2021-2025-Aprobado_compressed.pdf (accessed: 31.08.2023).

cial executive authorities were authorized to implement the goals outlined in official documents.

The main ministries, departments and committees focused on the formation and implementation of food sovereignty policy are 1) Ministry of Agriculture, Livestock, Aquaculture and Fisheries (*Span.* – MAGAP); 2) Ministry of Economic and Social Inclusion (*Span.* – MIES); 3) The National Institute of Popular and Solidarity Economy (*Span.* – IEPS); 4) National Secretariat for Planning and Development (*Span.* – SENPLADES); 5) Department of General Coordination of Commercial Networks (*Span.* – CGRC); 6) Plurinational and Intercultural Conference on Food Sovereignty (*Span.* – COPISA); 7) System of Food and Nutritional Sovereignty (*Span.* – SISAN).

Political projects based on the principles of food sovereignty

The main profile programs of executive authorities and expert groups are

1. National food storage system (*Span.* – UNA). Objective: regulation of the system of purchase, storage and marketing of basic agricultural products (for example: corn, rice, soybeans);

2. The National Programme of Inclusive Rural Business (*Span.* – PRONERI). Objective: to link small agricultural producers and their associations with the agri-industrial complex and the main food distribution companies [28, p. 115–134];

3. School of the Agrarian Revolution (*Span.* – ERA). Objective: transition to agrieological methods of production and provision of educational support to small producers, including the advantages of traditional and innovative knowledge;

4. Lands Plan (*Span.* – *Plan Tierras*). Objective: to provide small family producers with access to land resources.

Metabolic rift: ways to overcoming

Government support for the purchase, processing and commercialization of peas-

ant food has been converted into the popularization of food fairs, peasant markets and farm shops. The decision to reduce the “Metabolic rift” and provide basic food to vulnerable groups of the population was the establishment in Ecuador of the so-called “Community food baskets” (*Span.* – *Canasta Comunitaria*).

Canasta Comunitaria is an association of urban food buyers, consolidated on the basis of various social institutions (religious, educational) or on the principles of neighborhood. The members of each *Canasta Comunitaria* are moving towards affordable, environmentally friendly and healthy food and join forces for the wholesale purchase of food, which gives them significant savings by minimizing costs [17, p. 22–24]. The priority of the *Canasta Comunitaria* project is to inform customers about the origin of food and create a system “from farm to fork”. Since 2000, the *Canasta Comunitaria* has been developing rapidly and reached about 1,500 urban buyers, about 600 agrieological farms, as well as representatives of government structures and leaders of various international non-profit organizations (such as *Heifer*, *Swiss Aid*, *World neighbors*).

Today, *Canasta Comunitaria Utopía* is the most popular “Community food baskets” in Ecuador, inspiring the formation of various national organizations and social movements [12, p. 9–11]. Respect for agrieological practices and solidarity with the principles of food sovereignty contributed to the creation of large-scale public actions. The national campaign “How rich is she!” (*Span.* – ¡Que Rico Es!) is one of such projects. The purpose of the event (held twice a year) is to raise the level of consumer responsibility by highlighting the advantages of domestic agrieological products. Thus, the slogan “How delicious and healthy to eat from my land!” (*Span.* – ¡Que Rico Es Comer Sano y de mi Tierra!) is an integral element of the national campaign to promote food sovereignty – ¡Que Rico Es! [2, p. 125–126].

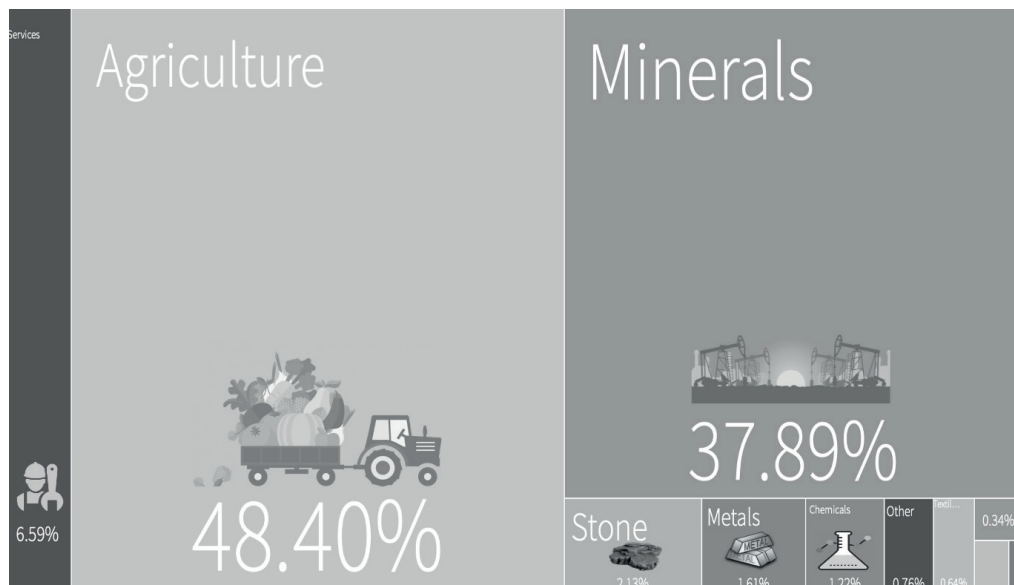

Fig. 3 / Рис. 3. The share of the agricultural sector in the total contingent of Ecuadorian exports in 2021 / Доля сельскохозяйственного сектора в общем контингенте эквадорского экспорта, 2021 г.

The source: ATLAS of economic complexity. Center for International Development at Harvard University. Abstract at: <https://atlas.cid.harvard.edu/countries/67/export-basket> (accessed: 19.03.2024).

Deviation from the strategy of food sovereignty

Since the 1970s, the sown area for traditional plant crops for domestic consumption (beans, lentils, cassava) has been reduced in favor of export-oriented goods (bananas, coffee, cocoa). The consistent intensification of the country's agri-industrial complex has led to impressive results, reflected today in the total volume of Ecuadorian exports (Fig. 3).

Due to the high competitiveness and growing added value of agribusiness products [22, p. 147–168], the Ecuadorian government returned to helping large agri-industrial producers who focused their commercial attention on the cultivation of such “flex crops” as the African oil palm, soybeans and sugar cane. The government's step towards the development of the model of industrial agriculture (*Span.* – fomento agropecuario) was qualified as evasion from the constitutional way (food sovereignty) of ensuring the *Buen Vivir* [14, p. 116].

The change in the agricultural course of the country was officially reinforced by the position of the former president of the country. During his TV show, R. Correa (September 1, 2012) made a statement about the need for legal rehabilitation of transgenic seeds and genetically modified crops. Thus, R. Correa defended genetic engineering and biotechnology and recognized constitutional article No. 401¹ as a mistake [27, p. 92].

The public speech of the former President of Ecuador caused a violent public reaction and was condemned by members of social movements. However, due to “the bureaucratic co-optation” of the leaders of social organizations, this criticism had no past expressiveness. Thus, the collapse of the active social core weakened the mobilization impulse of social movements capable of holding the government accountable for violating the law.

¹ Constitución de la República del Ecuador 2008. Abstract at: <https://www.acnur.org/fileadmin/Documentos/BDL/2008/6716.pdf> (accessed: 31.08.2023).

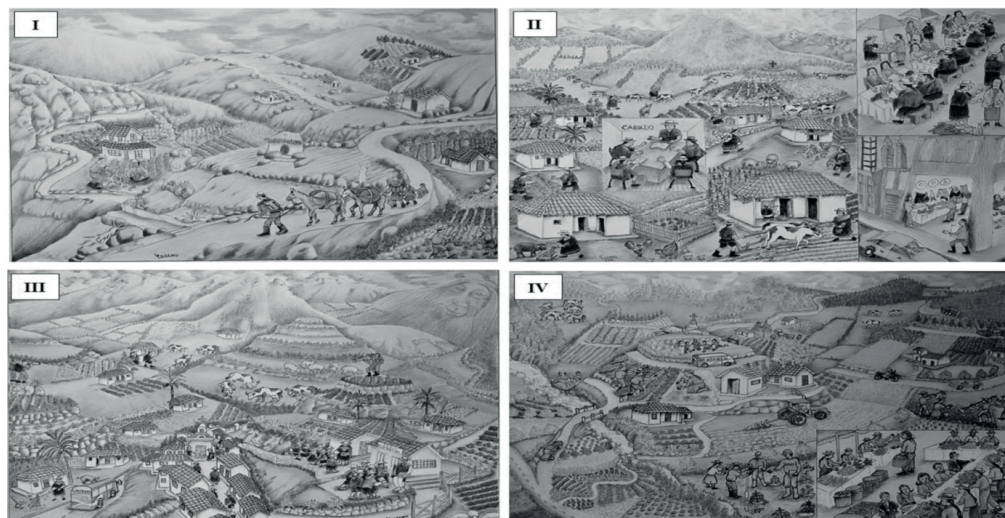

Fig. 4 / Рис. 4. Ecuador's food system: designing socio political forecast scenarios up to 2030 / Продовольственная система Эквадора: разработка социально-политических прогнозов до 2030 г.

The source: illustrated by Luis Lozano [24, p. 140]

As a result, the protection of the commercial interests of the “agri-industrial aristocracy” turned out to be a priority for the authorities, who ratified the law avoiding the constitutional ban on cultivating genetically modified plants for research purposes.¹ It should be added that the successor of President R. Correa (L. Moreno) institutionalized the officially presented unconstitutional position of his predecessor. This decision, adopted in June 2017, became a symbol not only of the transit of power, but also an expression of a certain legislative determination of L. Moreno.

Ecuador's food system: designing socio political forecast scenarios up to 2030

The ambiguity of the country's agri-food policy stimulated the construction of various forecasts. For example, one social group of representatives of the indigenous “Saraguro

people” modeled four scenarios for the development of the agro-food future of their country until 2030 (Fig. 4).

The constructed scenario plans consist of a tactical set of tools capable of anticipating a total agri-food disaster in Ecuador. At the same time, one of the long-term plans is “negative”, and the other three plans are “favorable”. In the first scenario, the agri-food policy of modern Ecuador does not change. This means the following:

1. Government support for small agri-food producers continues to decline;
2. Industrial production is expanding;
3. The diffusion of power is being abolished;
4. Urbanization is turning ecosystems into an industrial metropolis;
5. An “Environmental bankruptcy” is declared due to deforestation, soil erosion and lack of fresh water;
6. The government signs additional free trade agreements that encourage food imports
7. Local markets are flooded with imported products, which leads to the “capitulation” of a small agroecological producer [24, p. 141–148].

¹ Ley Orgánica de Agrobiodiversidad, Semillas y Fomento de la Agricultura Sustentable, Decreto No. SAN-2017-0119 de 5 de junio del 2017. Abstract at: <https://www.ecolex.org/details/legislation/ley-organica-de-agrobiodiversidad-semillas-y-fomento-de-la-agricultura-sustentable-lex-faoc168628/> (accessed: 29.08.2023).

The other three scenarios have not only a similar “optimistic” ending, but also have similar strategic characteristics. In this regard, we will limit ourselves to indicating their related features. And so, the Second, Third and Fourth scenarios are focused on the following signs:

1. Saving Orthodox culture and strengthening the identity of the Saraguro people by organizing gastronomic festivals, popularizing Andean recipes, promoting the Quechua language, spreading indigenous knowledge and promoting ethno-tourism;

2. Defense of a local food system based on self-sufficiency and the sale of agricultural surpluses on world markets;

3. Conducting agricultural activities near their homes at the expense of orchards and plots of land sown with corn, beans and pumpkin;

4. Environmentally friendly circulation of biological substances: farm animals are fed with household fodder (consisting of food waste), and organic waste derivatives (excrement) are fertilized;

5. Reducing rural migration: young people move to cities, but then return with ideas that promote a “Good life” in the countryside [24, p. 141–148].

Conclusion

Despite a significant rise in food self-sufficiency [5, p. 66–69], and a reduction in agricultural imports, the overall agri-food situation in Ecuador cannot be qualified as favorable. The reason for the current situation was the incorrect fulfillment of presidential promises to return the “Agrarian debt” to the population. The obligations were violated at the moment when former President R. Correa reoriented the largest part of state resources (intended to support small agriecological producers and promote local markets) in favor of the development of the agri-industrial sector.

The manifestation of a similar systemic contradiction, characterized as “Functional dualism [6, p. 82]”, was the dispersion of the potential of the peasantry with the simultaneously increasing power of agribusiness [5, p. 68].

The situation with the legal use of mutually exclusive legislative acts looks no less contradictory. A reflection of the so-called “normative dualism” was the signing by the former President of the country (L. Moreno) of the “National development plan” and the “Organic law on agrobiodiversity, seeds and the promotion of sustainable agriculture”. The first official document establishes the inviolability of the constitutional course on food sovereignty. The second legislative act, in turn, legalizes the cultivation of genetically engineered crops, which is unconstitutional and categorically unacceptable by the idea of food sovereignty.

Moreover, despite modern government initiatives, about 85% of family farmers have ownership rights to only 20% of agricultural land [18, p. 37]. The solid volume of natural resources concentrated by the “agri-food aristocracy” allows large private investors to exploit the country’s natural fund most efficiently and profitably for the state treasury. At the same time, the Government’s agricultural policy encourages the cultivation of monocultures, which makes small producers more dependent both on alienated means of production and on the conjuncture of global markets.

According to the author’s opinion, a new impulse of civil mobilization based on the legal platform of food sovereignty (regularly conceived as one side of a binary [16, p. 396]), as well as the mass popularization of the organizational model of *Canasta Comunitaria*, can seriously compete with the “corporate oligarchy” of Ecuador and quickly eliminate the “Metabolic rift” in society.

Дата поступления в редакцию 20.03.2024

REFERENCES

1. Altamirano Flores J. E., Vásquez Bernal J. V., Tonon Ordóñez L. B. Buen Vivir y la Economía Social y Solidaria en la Región Andina de Ecuador. In: *Universidad-Verdad*, 2023, vol. 2, no. 83, pp. 50–65.

2. Arce A., Sherwood S., Paredes M. Repositioning food sovereignty: between Ecuadorian nationalist and cosmopolitan politics. In: Trauger A., ed. *Food sovereignty in international context: discourse, politics and practice of place*. New York, Routledge, 2015, pp. 125–142.
3. Chugrov S. V., Malov A. V. Food sovereignty and education: A Japanese type of harmonization. In: *RUDN Journal of Sociology*, 2019, no. 4, pp. 665–677.
4. Dávalos P. Movimiento indígena ecuatoriano: construcción política y epistémica. En: Mato D., ed. *Cultura, política y sociedad. Perspectivas latinoamericanas*. Buenos Aires, CLACSO, 2005, pp. 337–357.
5. Daza E. Entre elecciones, transgénicos y agriculturas campesinas. In: *Revista Gestión*, 2017, no. 271, pp. 66–69.
6. De Janvry A. *The Agrarian Question and Reformism in Latin America*. Baltimore, The Johns Hopkins University Press, 1981. 328 p.
7. FAO. *The State of Food and Agriculture 2021. Making agri-food systems more resilient to shocks and stresses*. Rome, FAO, 2021. 182 p.
8. FAO, IFAD, UNICEF, WFP, WHO. *The State of Food Security and Nutrition in the World 2022. Repurposing food and agricultural policies to make healthy diets more affordable*. Rome, FAO UN, 2022. 260 p.
9. FAO, IFAD, UNICEF, WFP, WHO. *The State of Food Security and Nutrition in the World 2023: Urbanization, agrifood systems transformation and healthy diets across the rural–urban continuum*. Rome, FAO, 2023. 316 p.
10. Foster J. Marx's Theory of Metabolic Rift: Classical Foundations for Environmental Sociology. In: *American Journal of Sociology*, 1999, vol. 105, no. 2, pp. 366–405.
11. Foweraker J. *Theorizing Social Movements*. Boulder, Pluto Press, 1995. 160 p.
12. Garces S., Kirwan E. Las canastas comunitarias en Ecuador: una apuesta por la salud, la economía y la solidaridad. In: *Letras Verdes*, 2009, no. 5, pp. 9–11.
13. Giunta I. Food sovereignty in Ecuador: peasant struggles and the challenge of institutionalization. In: *The Journal of Peasant Studies*, 2014, vol. 41, no. 6, pp. 1201–1224.
14. Giunta I. Soberanía alimentaria entre derechos del buen vivir y políticas agrarias en Ecuador. In: *Revista THEOMAI*, 2018, no. 38, pp. 109–122.
15. Henderson T. P. State-peasant Movement Relations and the Politics of Food Sovereignty in Mexico and Ecuador. In: *Journal of Peasant Studies*, 2017, vol. 44, pp. 33–55.
16. Jefferson D. J., Adhikari K. Reimagining the relationship between food sovereignty and intellectual property for plants: Lessons from Ecuador and Nepal. In: *The Journal of World Intellectual Property*, 2019, vol. 22, pp. 396–418.
17. Kirwan E. Building an urban-rural platform. In: *LEISA magazine*, 2008, no. 24, pp. 22–24.
18. Leporati M., Salcedo S., Jara B., et al. La agricultura familiar en cifras. In: Salcedo S., Guzmán L., eds. *Agricultura Familiar en América Latina y el Caribe: Recomendaciones de Política*. Santiago de Chile, FAO, 2014, pp. 35–56.
19. Malov A. V. The food sovereignty policy in the Plurinational State of Bolivia: causes and consequences. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 1, pp. 160–171.
20. Malov A. V. Political and ecological aspects of the food miles concept. In: *Polis. Political Studies*, 2024, no. 1, pp. 89–103.
21. Malov A. V. “Land grabbing concept”: global and national aspects. In: *World economy and international relations*, 2024, vol. 68, no. 4, pp. 108–120.
22. Martínez L. Migración internacional y mercado de trabajo rural en Ecuador. In: Herrera G, Carrillo M, Torres A., eds. *La Migración ecuatoriana transnacionalismo, redes e identidades*, Quito, FLACSO Ecuador, 2005, pp. 147–168.
23. Torrez F. La Via Campesina: Peasant-led agrarian reform and food sovereignty. In: *Development*, 2011, vol. 54, no. 1, pp. 49–54.
24. Vallejo-Rojas V. *Active transformative pathways for local Agri-food systems (Drawing and applying an integrated framework to assess agri-food systems vulnerability under the political paradigm of food sovereignty in Ecuadorian Andes)*: PhD Dissertation. Barcelona, 2016. 270 p.
25. Vaz Oliveira Aguiar R., Fróes de Borja Reis C. Buen vivir in Ecuador: Has the constitutional principle been reflected in structural change for development? In: *Brazilian Keynesian Review*, 2023, vol. 9, no. 1, pp. 77–100.

26. Walsh C. *Interculturalidad, estado, sociedad*. Quito, UASB-Abya Yala, 2009. 253 p.
27. Yashar D. *Contesting citizenship in Latin America: The rise of indigenous movements and the postliberal challenge*. Cambridge, Cambridge University Press, 2005. 388 p.
28. Yumbra Mantilla M.R. Encadenamiento agroalimentario: ¿solución sustentable de desarrollo rural o consolidación del poder agroindustrial? In: *EUTOPIA*, 2011, no. 2, pp. 115–134.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexandre V. Malov – Cand. Sci. (Political Science), Assoc. Prof., Department of Theoretical and Applied Political Science, Faculty of International Relations and Foreign Area Studies, Institute of History and Archives, Russian State University for the Humanities;
e-mail: malov.pvo@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Малов Александр Вадимович – кандидат политических наук, доцент кафедры теоретической и прикладной политологии факультета международных отношений, политологии и зарубежного регионоведения Российского государственного гуманитарного университета;
e-mail: malov.pvo@gmail.com

FOR CITATION

Malov A. V. Food sovereignty policy in the republic of Ecuador: Specifics of formation and implementation. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 3, pp. 167–176.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-167-176

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Малов А. В. Политика продовольственного суверенитета в республике Эквадор: специфика формирования и реализации // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 3. С. 167–176.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-167-176

УДК: 327.81

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-177-185

ВОПРОСЫ СОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУНАРОДНОМУ РАЗВИТИЮ В РАБОТАХ РОССИЙСКИХ АВТОРОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В 2023 Г.

Пильщиков А. К.

*Центр повышения квалификации государственных и муниципальных служащих
614095, г. Пермь, ул. Мира, д. 45А, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Выявление актуальных тенденций, касающихся вопросов систематизации и оформления представлений об оказании международной помощи, в работах российских исследователей, занимающихся вопросами сферы содействия международному развитию.

Методология исследования. В работе применён контент-анализ вторичных источников информации – опубликованных в 2023 г. научных статей по тематике международных отношений, внешней политики и содействия международному развитию.

Результаты. Выявлена существующая в настоящее время проблема недостаточности теоретического и практикоориентированного осмысления сущности понятия «содействие международному развитию», а также предложены направления дальнейших исследований в этой области.

Теоретическая и/или практическая значимость. Выявлены области перспективных исследований в сфере внешней политики Российской Федерации с точки зрения принятия управленческих решений, направленных на реализацию государственной политики в сфере содействия международному развитию.

Ключевые слова: содействие международному развитию, официальная помощь развитию, международная помощь, гуманитарная помощь

ISSUES OF PROMOTING INTERNATIONAL DEVELOPMENT IN THE WORKS OF RUSSIAN AUTHORS PUBLISHED IN 2023

A. Pilshchikov

*Center for Advanced Training of Civil and Municipal Servants
ul. Mira 45A, Perm 614095, Russian Federation*

Abstract

Aim. To identify current trends concerning the issues of systematization and registration of ideas about the international assistance in the papers of Russian researchers involved in the field of International Development Assistance.

Methodology. The key research method is the content analysis of secondary sources of information which are mainly scientific articles published in 2023 regarding international relations, foreign policy, and International Development Assistance.

Results. The current problem of insufficient theoretical and practice-oriented studies regarding the essence of International Development Assistance has been identified. Moreover, promising directions for further research have been proposed.

Research implications. The study established areas of perspective research in the field of foreign policy issues of the Russian Federation that are significant for managerial decisions aimed at implementing state policy of International Development Assistance.

Keywords: International Development Assistance, Official Development Assistance, international aid, humanitarian aid

Введение

В условиях продолжающегося формирования многополярного мира всё большую актуальность приобретает укрепление двусторонних и многосторонних межгосударственных связей в формате предоставления помощи в целях развития. В условиях современности содействие международному развитию (СМР) представляет собой одно из глобальных общественных благ, ответственность за создание которого несут ведущие развитые страны мира» [5, с. 54–57]. Вместе с тем каждое государство-донор рассматривает СМР как одну из сфер реализации собственных национальных интересов. Российская Федерация, исторически входящая в число ведущих государств мира, активно участвует в предоставлении международной помощи. Об этом свидетельствуют в т. ч. официальные статистические данные Организации экономического сотрудничества и развития, которая ранее публиковала сведения о средствах, выделявшихся Россией на нужды СМР¹. В настоящее время организация в силу своей политической ангажированности не сотрудничает с РФ в вопросах предоставления международной помощи.

По-прежнему необъяснимым остаётся тот факт, что российское правительство на уровне официальных документов не сформулировало национальный подход к СМР [6, с. 80]. Об этом свидетельствует и актуальная редакция Концепции государственной политики РФ в сфере содействия международному развитию,

утверждённой Указом Президента Российской Федерации от 20 апреля 2014 г. № 259 (далее – Концепция СМР)², которая по-прежнему не содержит определения СМР. Вместе с тем некоторые положения, касающиеся определения более чёткого видения СМР, находят своё отражение в принимаемых изменениях

Учитывая это, в качестве рабочей гипотезы исследования выдвигается тезис о том, что на фоне усиления уровня международной конкуренции, являющейся следствием перестройки глобального мироустройства, отечественные исследователи уделяют сравнительно большее внимание вопросам оказания международной помощи, которая в соответствии со сложившейся в отечественной практике традицией именуется СМР.

Таким образом, цель исследования заключается в выявлении актуальных тенденций, касающихся вопросов систематизации и оформления представлений об оказании международной помощи, в работах российских исследователей, занимающихся вопросами сферы СМР.

В этой связи представляется целесообразным рассмотреть актуальные отечественные исследования, проведённые в сфере СМР в 2023 г.

Примечательные тенденции

Система СМР представляет собой важный инструмент внешней политики и экономической дипломатии России. Предоставление помощи направлено на поддержку социально-экономического развития иностранных государств и

¹ Official development assistance (ODA) // OECD: [сайт]. URL: <https://www.oecd.org/dac/financing-sustainable-development/development-finance-standards/official-development-assistance.htm> (дата обращения: 01.02.2024).

² Указ Президента Российской Федерации от 20 апреля 2014 г. № 259 [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303130003?ysclid=ltwr84a37985436814> (дата обращения: 01.02.2024).

укрепление международного сотрудничества.

В современном мире всё более заметными становятся тенденции регионализации как в экономической, так и в политической плоскостях. Одновременно с этим соперники России на международной арене не оставляют попыток оказывать влияние на развивающиеся страны в собственных национальных интересах.

В 2023 г. в нормативную правовую базу в сфере СМР были внесены изменения. Коррективы были призваны привести указанные документы в соответствие с изменившейся геополитической обстановкой. В частности, была скорректирована Концепция СМР, а также утверждена новая Концепция внешней политики Российской Федерации¹. Концепция СМР содержит перечень приоритетных направлений деятельности и задач государственной политики, сформулированные в соответствии с национальными интересами РФ. Концепция внешней политики России представляет собой основополагающий документ в сфере проведения внешнеполитической линии во взаимоотношении как с отдельными иностранными государствами, так и с международными организациями глобального и регионального характера.

Вместе с тем, несмотря на значительный потенциал СМР, в России существует ряд проблем, которые препятствуют эффективной реализации государственной политики в этой сфере. Подчёркивание существующих препятствий и трудностей в значительной степени составляет предмет исследования многих работ, касающихся вопросов оказания международной помощи.

В настоящее время исследователями сферы СМР актуализирована проблема преемственности российской политики оказания международной помощи. Так,

Раева А. С. и Козыкина Н. В. [11, с. 25–27] отмечают, что политика СМР в период СССР была частью внешнеполитической линии и осуществлялась через неё. В настоящее время Россия также осуществляет деятельность в сфере СМР на аналогичных началах. Для СССР приоритетными получателями помощи были страны социалистического блока, развивающиеся страны, государства социалистической ориентации, а также партнёры, которые имели важное стратегическое значение. В то же время для «традиционных» доноров приоритетом являлись и по-прежнему остаются страны Тропической Африки, а также государства, находящиеся в кризисных ситуациях, в т. ч. связанных с военными конфликтами (т. н. «хрупкие государства»). Особо отмечается, что, по данным официальной статистики, для России на первом месте стоит снижение долговых обязательств, в большинстве случаев по тем кредитам, которые были предоставлены в период СССР. На втором месте находится товарная помощь, далее в равной степени значимыми являются сектор здравоохранения и многосекторальная помощь.

Примечательно, что работы, направленные на сопоставление отечественного опыта советского периода с современными реалиями, преимущественно концентрируются на вопросах предоставления финансовой, технической, технологической и иной помощи, связанной с развитием экономики государств-реципиентов. Такая помощь, по нашему мнению, составляет основу СМР и должна позиционироваться как ключевое направление деятельности РФ в сфере оказания содействия развитию. Вместе с тем в открытых источниках информация о проведении централизованной и структурированной политики содействия развитию не представлена, что не позволяет в полной мере оценить действительную степень преемственности.

Рассмотрение вклада региональных интеграционных объединений в устойчивое развитие представляет особый инте-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 31 марта 2023 г. № 229 [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202303310007?ysclid=ltwuxg0sqy950741177> (дата обращения: 01.02.2024).

рес. Причина этому – членство и активная деятельность России во многих международных организациях. Путь к построению многополярного мира во многом обусловлен активностью региональных организаций, однако необходимо здраво оценивать по-прежнему существующий потенциал всемирных объединений. Исследователи особо обращают внимание на глобальные цели устойчивого развития (ЦУР) и их реализацию в рамках региональных интеграционных объединений, таких, как Евразийский экономический союз, Европейский Союз, Южноамериканский общий рынок (МЕРКОСУР) и Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). Изотов В. С. и Соколовская А. В. [7, с. 25] подчёркивают, что региональные интеграционные объединения играют важную роль в достижении ЦУР и должны поддерживать усилия по координации и разработке сопоставимых индикаторов для повышения эффективности своей деятельности.

Исследование инновационного потенциала человеческого общества и формирование направлений его стратегического развития во всемирном масштабе является важной задачей достижения ЦУР. В частности, об этом пишут Гололобова М. А. и Кузьмина В. М. [4, с. 155–156], которые отмечают, что партнёрство России и ООН в рамках «Программы развития» охватывает различные направления и способствует эффективному сотрудничеству, поддержке глобальной повестки дня и достижению конкретных результатов в деле развития конкретных стран.

Институты ООН в современном мире играют важную роль в урегулировании международных споров и направлении межгосударственных усилий в русло консенсуса по значимым социальным, гуманитарным и иным вопросам. Тем не менее по мере роста уровня международной напряжённости на уровне ООН формируются и закрепляются дискриминационные подходы, характеризующиеся переориентацией глобальных институтов со всеоб-

щей повестки на отстаивание интересов отдельных государств. В частности, речь идёт о странах коллективного Запада, обладающих значительными финансовыми и политическими ресурсами, с помощью которых они имеют возможность оказывать влияние на принимаемые решения, однако деятельность подобных международных акторов частично компенсируется за счёт возможностей предусмотренного Уставом ООН принципа консенсуса¹.

Одновременно с этим примечательна тенденция к выхолащиванию понятия международной помощи и гуманитарных инициатив в целом. В условиях роста международной напряжённости и концентрации ключевых доноров в рамках пространства коллективного Запада гуманитарная помощь всё чаще используется как инструмент для достижения геополитических целей, а не для облегчения страданий людей, что приводит к росту общемировой напряжённости и консервирует текущую ситуацию [3, с. 31–34]. Оказание СМР, понимаемое в терминах реализации национальных интересов, непременно сталкивается с вопросами соотношения исключительно гуманитарных и геополитических оснований, однако в общемировом контексте, по нашему мнению, целесообразно присутствие различных игроков, что создаст условия для развития международной конкуренции в сфере предоставления международной помощи.

Исследователи обращают внимание не только на общемировые явления, но и на примеры деятельности отдельных организаций. Особого внимания заслуживает исследование процесса секьюритизации международной помощи Европейского Союза, т. е. её увязки с вопросами безопасности. С. В. Багликов [1, с. 83–86], рассматривая этот процесс, анализирует изменения, происходящие на правовом, институциональном и программно-бюджетном уровнях.

¹ Устав ООН [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 01.02.2024).

Так, правовой уровень характеризуется большой оперативной свободой, позволяющей менять ориентацию программ помощи и ставить их в подчинённое положение по отношению к целям в сфере безопасности и внешней политики. На институциональном уровне отмечается усиление роли Европейской службы внешних связей, что также усиливает ориентацию оказываемой международной помощи преимущественно на решение проблем безопасности. На программно-бюджетном уровне отмечается централизация системы управления. Это позволяет оперативно реагировать на изменяющуюся политическую конъюнктуру. Учитывая вышесказанное, делается вывод о том, что процесс секьюритизации международной помощи является характерным для политики Европейского Союза. Он наиболее заметен на институциональном и программно-бюджетном уровнях.

Думается, такой подход в перспективе будет востребован отечественными практиками в сфере СМР с точки зрения обеспечения национальной безопасности России. Вместе с тем избыточная концентрация на вопросах безопасности может оказать негативное влияние на гуманитарный аспект помощи, а также на её всеобщность. Приоритизация в рамках соблюдения национальных интересов предусматривает оказание поддержки одним государствам в ущерб другим. Кроме того, следует учитывать, что при предоставлении помощи на льготной основе или в формате гуманитарных акций государство-реципиент в определённой степени подвергается ограничению суверенитета и ослаблению собственной экономической системы [10, с. 65–66], что в перспективе может привести к формированию устойчивой зависимости от иностранной поддержки и деградации национальной экономики. Отдельно в научном поле затрагивается тема обеспечения безопасности (например, энергетической) [8, с. 61–64] в отдельных отраслях в рамках СМР. Тем не менее сам по себе феномен секьюритизации представляет со-

бой особый интерес ввиду того, что ранее эта тема затрагивалась эпизодически.

Важным направлением изучения СМР остаётся практикоориентированный подход с анализом конкретных примеров. Так, Одибоев К. М. [9, с. 35–37] рассматривает деятельность российского бизнеса в Таджикистане, подчёркивая долгосрочный характер таких взаимоотношений и делая акцент на социальной ответственности, но отмечает, что российские компании сталкиваются со сложностями в продвижении своих инициатив в сфере СМР (нестабильность политической и экономической ситуации в Таджикистане, отсутствие актуальной информации и несовершенство рыночной экономики).

В контексте политических рисков интересно исследование В. И. Бартенева [2, с. 160], посвящённое препятствиям для международного бизнеса и ограничениям его возможностей по выделению средств на цели развития. Автор утверждает, что политические риски для ведения бизнеса тесно связаны с проблемами развития, т. к. большинство из них обусловлены стремлением органов власти стран-реципиентов добиться более справедливого распределения благ на глобальном уровне. Использование различных инструментов СМР может как снижать политические риски для внешнеэкономической деятельности, так и увеличивать их или даже создавать новые факторы риска. Подчёркивается, что СМР и политические риски взаимосвязаны и требуют дальнейшего изучения. Дополнительно отмечается, что использование инструментов содействия развитию может помочь снизить эти риски и создать благоприятные условия для бизнеса. В качестве инструментов подобной политики предлагаются гарантии и механизмы международного страхования.

Отдельно следует отметить работу А. С. Смирновой [12, с. 51–52], посвящённую перспективам выстраивания сотрудничества России с Перу. Отмечается, что эта латиноамериканская страна

ориентирована на реализацию на своей территории совместных программ в сфере обеспечения гуманитарной безопасности с привлечением международных и региональных игроков. В этом контексте Россия обладает предпосылками для расширения сотрудничества с Перу, однако в настоящее время на политике и предпочтениях потенциальных партнёров сказывается влияние других государств Латинской Америки и стран коллективного Запада, прежде всего США, реализующих обширные программы помощи в западном полушарии.

Как показывают приведённые выше примеры, традиционно отечественные авторы придерживаются преимущественно экономической трактовки СМР. Вместе с тем в последнее время всё больше внимания уделяется вопросам приоритизации оказания международной помощи, а также теме отстаивания национальных интересов, в т. ч. в плоскости обеспечения безопасности.

Вместе с тем вопросы сущности СМР как явления внешней политики России поднимаются крайне редко.

От теории к практике

Практика оказания СМР, являясь компонентом внешней политики Российской Федерации, в настоящее время не обсуждается в работах отечественных авторов, специализирующихся на международной и глобальной повестке.

В этой связи большую ценность с точки зрения практического применения приобретают исследования, направленные на выявление традиционных для России способов оказания международной помощи [11], описание конкретных примеров и/или способов предоставления международной помощи [2; 8; 9; 12].

Тем не менее по-прежнему остаётся открытым вопрос о том, какой управленческой стратегии следует придерживаться РФ для того, чтобы в полной мере обеспечить реализацию своих на-

циональных интересов во внешней среде. Для осмысления этого вопроса требуется проведение предметных изысканий, в т. ч. практического характера.

Упомянутая Концепция СМР не содержит прямого определения сущности этого понятия, что затрудняет выстраивание единого государственного подхода к пониманию характера и границ международной помощи. Впрочем, в документе содержится косвенное определение, представленное в формате основных компонентов и задач государственной политики, а также приоритетов СМР¹.

Одновременно с этим отсутствие конкретного определения с точки зрения государственного управления может привести к формированию различных подходов к пониманию СМР как внутри системы органов государственной власти и государственных органов, так и в среде специалистов и учёных, ориентированных на детальное изучение системы предоставления международной помощи. Подобное положение дел не позволяет чётко и однозначно разграничивать отдельные виды помощи и её границы. Кроме того, сложившаяся ситуация говорит о том, что в отечественном концептуальном пространстве ещё не преодолено стремление по возможности обеспечить сопоставимость российских усилий в сфере СМР с деятельностью других государств-доноров и международных организаций, которые пользуются терминологией Организации экономического сотрудничества и развития, предлагающей термин «официальная помощь развитию».

Впрочем, следует отметить, что оба гипотетических варианта развития событий – как в рамках формирования собственного понимания СМР в качестве явления, отличающегося от официаль-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 20 апреля 2014 г. № 259 [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/Vi ew/0001202303130003?ysclid=ltwr84a37985436814> (дата обращения: 01.02.2024).

ной помощи развитию, так и в рамках отождествления обоих понятий (в формате адаптированного смыслового перевода) – имеют право на существование. Тем не менее, в соответствии с авторской точкой зрения, целесообразнее ориентироваться на необходимость выработки собственного подхода к проведению политики СМР, который бы учитывал особенности российского видения международной помощи и включал в себя не только экономические компоненты, но и деятельность в социально-культурной и гуманитарной сферах.

Примечательно, что рассмотренные работы российских авторов, опубликованные в 2023 г., не затрагивают вопрос сущности СМР, опираясь либо на предыдущие исследования, либо на международно-признанные понятия и объективные характеристики и атрибуты международной помощи. Отсутствие исследований, направленных на осмысление терминологических основ оказания Россией международной помощи, не позволяет акцентировать эту проблему на уровне компетентных органов и экспертных сообществ, а также лиц, принимающих решения.

Заключение

Как показали результаты проведённого анализа, исследователи сферы СМР по-прежнему заостряют внимание на вопросах глобального характера (например,

ЦУР) и возможностях участия России в работе межгосударственных организаций, несмотря на происходящие изменения в глобальном мироустройстве и трансформации международных институтов. Одновременно с этим ощущается высокая востребованность СМР не только как инструмента оказания помощи, но и как средства поведения внешней политики. Впрочем, выдвинутая вначале гипотеза о росте заинтересованности в развитии понимания сущности СМР на фоне усиления тенденций к формированию многополярного мира не подтвердилась, что свидетельствует о стагнации в плане выработки подходов к оказанию Россией международной помощи иностранным государствам.

Российские авторы редко обращают внимание на организационно-управленческую составляющую СМР, а также на вопросы терминологической трактовки этого понятия. Также не раскрываются вопросы, связанные с позиционированием СМР в системе государственного управления в России.

Таким образом, в условиях стагнации отечественной научной мысли в сфере СМР целесообразно интенсифицировать исследования в области разработки подходов к пониманию сущности СМР и инструментов систематизации государственной политики предоставления международной помощи.

Дата поступления в редакцию 20.03.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Багликов С. В. Секьюритизация международной помощи Европейского Союза // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2023. № 4. С. 82–88.
2. Бартенев В. И. Содействие международному развитию и политические риски для внешнеэкономической деятельности: логика сопряжения тем // Вестник Московского университета. 2023. № 1. С. 133–163.
3. Борисов А. В. Гуманитарная система ООН: за пределами гуманности // Вестник дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2022. № 4. С. 22–35.
4. Гололобова М. А., Кузьмина В. М. Анализ партнёрских отношений России и ПРООН // Исследование инновационного потенциала общества и формирование направлений его стратегического развития. сб. статей. Курск, 2023. С. 155–159.
5. Дегтерёв Д. А. Содействие международному развитию как инструмент продвижения внешнеполитических и внешнеэкономических интересов // Вестник МГИМО университета. 2012. № 2. С. 47–58.

6. Зайцев Ю. К. Новые вызовы для российской внешней помощи в контексте достижения целей устойчивого развития // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2020. Т. 15. № 1. С. 63–83.
7. Изотов В. С., Соколовская А. В. Достижение ЦУР на уровне региональных интеграционных объединений: постановка проблемы и императивы действий // Устойчивое развитие в неустойчивом мире: объединяя усилия регионов, городов и компаний / под ред. Т. А. Момотова. М.: ВШЭ, 2023. С. 23–51.
8. Лихачев В. Л., Лихачева Е. В. Энергетическая безопасность и устойчивое развитие в регионе СНГ // Устойчивое развитие в неустойчивом мире: объединяя усилия регионов, городов и компаний / под ред. Т. А. Момотова. М.: ВШЭ, 2023. С. 58–66.
9. Одибоев К. М. Российский бизнес и содействие международному развитию Республики Таджикистан // Международный аспект. 2023. № 2. С. 26–39.
10. Осадчев Д. Н. Проекты развития как инструмент нанесения ущерба национальной финансовой безопасности зарубежной страны // Цифровая экономика в контексте национальной безопасности: мат-лы конф. М.: НИЯУ «МИФИ», 2022. С. 62–68.
11. Раева А. С., Козыкина Н. В. Содействие международному развитию: советское наследие VS современный подход России // СССР и его наследие: проблемы мировой политики и международных отношений: V Чепаловские чтения, посвященные 100-летию образования СССР: сб. статей / отв. ред. О. С. Поршнева. Екатеринбург, 2023. С. 116–129.
12. Смирнова А. С. Международное сотрудничество Перу для обеспечения гуманитарной безопасности и место России в нём // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2023. Т. 46. С. 38–54.

REFERENCES

1. Baglikov S. V. [Securitization of the EU's foreign aid]. In: *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravleniye* [Azimuth of scientific research: economics and administration], 2023, no. 4, pp. 82–88.
2. Bartenev V. I. [International development cooperation and political risks for transnational business: Linking research topics]. In: *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Lomonosov World Politics Journal], 2023, no. 1, pp. 133–163.
3. Borisov A. V. [The UN humanitarian system: beyond humanity]. In: *Vestnik konferentsii akademii MID Rossii. Rossiya i mir* [Bulletin of the Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry. Russia and the world], 2022, no. 4, pp. 22–35.
4. Gololobova M. A., Kuzmina V. M. [Analysis of partnership relations between Russia and UNDP]. In: *Issledovaniye innovatsionnogo potentsiala obshchestva i metody upravleniya yego strategicheskim razvitiyem* [Study of the innovative potential of society and the formation of directions for its strategic development]. Kursk, 2023, pp. 155–159.
5. Degterev D. A. [Assistance to international development as a tool for promoting foreign policy and foreign economic interests]. In: *Vestnik MGIMO universiteta* [Bulletin of MGIMO University], 2012, no. 2, pp. 47–58.
6. Zaitsev Yu. K. [New Challenges for Russia's Foreign Aid and Its Contribution to the Sustainable Development Goals]. In: *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsiy: obrazovaniye, nauka, novaya ekonomika* [International organizations research journal], 2020, vol. 15, no. 1, pp. 63–83.
7. Izotov V. S., Sokolovskaya A. V. [Achieving the SDGs at the level of regional integration associations: problem statement and action imperatives]. In: Momotov T. A., ed. *Ustoychivoye razvitiye v neustoychivom mire: obyedineniye usiliy regionov, gorodov i kompaniy* [Sustainable development in an unstable world: uniting the efforts of regions, cities and companies]. Moscow, VSHE Publ., 2023, pp. 23–51.
8. Likhachev V. L., Likhacheva E. V. [Energy security and sustainable development in the CIS region]. In: Momotov T. A., ed. *Ustoychivoye razvitiye v nestabil'nom mire: ob'yedineniye usiliy regionov, gorodov i kompaniy* [Sustainable development in an unstable world: uniting the efforts of regions, cities and companies]. Moscow, VSHE Publ., pp. 58–66.
9. Odiboev K. M. [Russian business and assistance to the international development of the Republic of Tajikistan]. In: *Mezhdunarodnyy aspekt* [International aspect], 2023, no. 2, pp. 26–39.

10. Osadchev D. N. [Development projects as a tool for damaging the national financial security of a foreign country]. In: *Tsifrovaya ekonomika v mezhdunarodnoy natsionalnoy bezopasnosti* [Digital economy in the context of national security]. Moscow: NIAU «MIFI» Publ., 2022, pp. 62–68.
11. Raeva A. S., Kozykina N. V. [International Development Assistance: The Traditional Donors' Activities]. In: Porshneva O. S. *SSSR i yego nasledie: problemy mirovoy politiki i mezhdunarodnykh otnosheniy: V Chempalovskiye chteniya, posvyashchennyye 100-letiyu obrazovaniya SSSR* [USSR and its legacy: problems of world politics and international relations: 5th Chempalov readings dedicated to the 100th anniversary of the formation of the USSR]. Ekaterinburg, 2023, pp. 116–129.
12. Smirnova A. S. [Peru's International Cooperation to Ensure Human Security and Russia's Place in It]. In: *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politologiya. Religiovedeniye* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies], 2023, vol. 46, pp. 38–54.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пильщиков Антон Константинович – старший научный сотрудник Центра повышения квалификации государственных и муниципальных служащих;
e-mail: a-pilshchikov@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Anton K. Pilshchikov – Senior Researcher, Center for Advanced Training of Civil and Municipal Servants;
e-mail a-pilshchikov@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Пильщиков А. К. Вопросы содействия международному развитию в работах российских авторов, опубликованных в 2023 г. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 3. С. 177–185.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-177-185

FOR CITATION

Pilshchikov A. K. Issues of promoting international development in the works of Russian authors published in 2023. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 3, pp. 177–185.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-3-177-185

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

2024. № 3

Над номером работали:
Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчик А. Ю. Назарова
Компьютерная вёрстка Б. В. Булгаков
Корректор А. А. Глазунова

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: info@vestnik-mgou.ru
сайт: www.istpolitmgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".
Тираж 500 экз. Усл. п. л. 11,75, уч.-изд. л. 14,25.
Подписано в печать: 30.06.2024 г. Дата выхода в свет: 22.08.2024 г. Заказ № №2024/06-08.
Отпечатано в ГУП
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А